ХОСЕ РИЗАЛЬ

А. ГУБЕР
О. РЫКОВСКАЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Биография филиппинского ученого, поэта, писателя, художника и скульптора, идеолога возрождения народов Юго-Восточной Азии Хосе Рисаля, вышедшая в серии ЖЗЛ в 1937 году. Выпуск 15(111).

- Александр Андреевич Губер, Ольга Карловна Рыковская
  - Бегство
  - Несчастная страна
  - Детство в Каламбе
  - В школе
  - Испанское «правосудие»
  - Восстание в Кавите
  - У отцов-иезуитов
  - Выбор карьеры
  - В Мадриде
  - Странствия по Европе
  - «Не касайся меня»
  - Печальная любовь
  - Возвращение на родину
  - Борьба за реформы в Мадриде
  - Преследования семьи
  - «Эль солидаридад»
  - «Эль Филибустеризмо»
  - У порога родины
  - «Лига Филиппина»
  - «Великий плебей»
  - Арест и ссылка
  - В дапитанской ссылке
  - Джозефина Брэйкен
  - «Катипунан»
  - Ризаль уклоняется от восстания
  - Клич восставшего Балинтавака
  - Отъезд. В оковах. Возвращение
  - Восстание разрастается
  - Последняя глава жизни
  - Борьба продолжается
  - Примечания
  - Библиография
  - Иллюстрации
- notes
  - 1

○ 2

Александр Андреевич Губер, Ольга Карловна Рыковская
Хосе Ризаль
Жизнь замечательных людей
1937

Бегство

Пароход давно выбрался из Манильского залива на просторы Китайского моря. Скрылись пристани и маяки колониальной столицы и островок Кавите с его старинными артиллерийскими арсеналами. Покрытые темной зеленью, берега Филиппинских островов сливались на горизонте с сине-зелеными переливами моря. Тропическое солнце посылало на корабль свои отвесные лучи. На корме парохода, защищенные тенью парусиновых тентов, пассажиры первых классов следили за исчезающими вдали островами. Полуденный зной и жар пароходных котлов в трюме, где между тюками манильской конопли и мешками бурого тростникового сахара теснились палубные пассажиры, напоминали «адский огонь», которым приходский священник-монах постоянно запугивал бедняков.

Пароход жил полной жизнью. Около полудня на верхнюю палубу поднялся задумчивый и стройный юноша. Немногочисленные обитатели ее — плантаторы-англичане, богатые китайские купцы, возвращающиеся в Испанию чиновники успели уже перезнакомиться с обычной в путешествиях быстротой. Теперь они с любопытством смотрели на неожиданно появившегося нового пассажира.

Вчера, поздней ночью, когда полуосвещенный пароход заканчивал погрузку и наверху не оставалось ни одной живой души, кроме полусонного помощника капитана, к пристани крупной рысью подъехала карета. Несколько прощальных рукопожатий — и скромно одетый в черное юноша, никем не замеченный, прошел в свою каюту.

Билет был куплен заранее на чужое имя, вещи переправлены на пароход друзьями еще накануне.

В маленьком провинциальном городке близ Манилы, где юноша гостил у родителей, никто не мог заподозрить его в коварном намерении покинуть Филиппины. Только утром в день отъезда шифрованная телеграмма известила его о времени отхода парохода. И когда закрытый экипаж уже вез его в Манилу, все были уверены, что молодой человек все еще наслаждается тихими радостями Каламбы.

Так покидал свою родину двадцатилетний поэт, студент медицинского факультета университета св. Фомы — Хосе Ризаль и Меркадо. Этот будущий ученый, писатель и национальный герой тайно бежал из колониального рабства; пароход вез его, полного надежд, в заманчивые страны свободной Европы.

Опершись на деревянные перила палубы, он тщетно искал

глазами далекие берега своей страны, где оставил родных, друзей и четырнадцатилетнюю невесту.

Ему казалось, что взор его, проникая через струящуюся дымку горизонта, различает Манилу и маленькую родную Каламбу, где еще вчера утром он в последний раз обнял обожаемую им мать.

В двадцати пяти милях от Манилы, на живописном берегу озера Лагуна ди Бай, расположен городок Каламба. Несколько десятков домов окружают правительственные учреждения и неизбежную церковь. Утопающая в зелени кокосовых пальм и бананов Каламба незаметно сливается с подступающими к ней с трех сторон полями и хуторами. В зеркальных осколках затопленных рисовых полей отражается конус овеянного легендами вулкана Макилинга. Неправильные квадратики полей как бы склеены между собой темной глиной невысоких валов. Эти примитивные заграждения удерживают воду на полях и часто служат границей между карликовыми «владениями» крестьян Каламбы.

На десятки миль тянутся тщательно возделанные поля. Под палящими лучами солнца сотни людей заботливо пересаживают и выращивают кустики риса, внимательно оберегая скупой урожай. Его должно хватить для всей семьи крестьянина, из этих жалких запасов нужно прежде всего заплатить аренду жадным доминиканским монахам, которым принадлежат все окружные поля. Крестьяне Каламбы — только арендаторы монашеских угодий. Их хижины и даже городские жилища построены на земле ордена. От каприза тучного монаха, управляющего местными владениями доминиканцев, зависит размер арендной платы, бесплатных трудовых повинностей и «добровольных» приношений.

Но и арендаторы — неодинаковы. Есть зажиточные, арендующие у доминиканского ордена большие участки земли и в свою очередь сдающие их в обработку мелкими клочками издольщикам. Издольщики обычно не имеют ни семян, ни примитивных сельскохозяйственных орудий и в полной мере зависят от зажиточных арендаторов или непосредственно от монашеского ордена. У издольщика имеются только прилежные руки да большая семья. Вся семья — даже маленькие дети — выращивает и убирает рис, с тем чтобы большую часть урожая свезти в монастырские амбары и начать новый голодный год авансами у помещиков. От отца к сыну переходит неоплатный и все возрастающий долг. Арендатор превращается в пеона — полубатрака, полураба. Но и свободные арендаторы, крупные и мелкие, находятся в полной власти у монашеского ордена.

Арендная плата может быть в любой момент повышена. Орден всегда может их разорить и выгнать со своего участка.

Задумчивый и стройный юноша вспоминает родную Каламбу. Она сливается в его воображении с остальными городками и деревушками островов, и все Филиппины представляются ему множеством таких же родных мест, отданных на поругание иностранным завоевателям.

Несчастная страна

Тяжелым гнетом нависла над филиппинским народом власть всесильных монашеских орденов. Церковь и монашеские ордена превратились в подлинных властителей Филиппинского архипелага. Таков итог трехвекового господства испанского абсолютизма, наложившего на Филиппины цепи колониального угнетения.

В 1522 году Магеллан — португалец, находившийся на службе у испанского короля, «открыл» Филиппины. Пытливому и предприимчивому путешественнику пришлось для этого объехать вокруг света. Испанские суда искали, собственно, не Филиппины, да и само название архипелага возникло позднее. Корабли Магеллана стремились в Индию и к богатым гвоздикой, мускатом и перцем Молуккским островам.

Путь в Индию и в Индонезию вокруг Африки был заказан испанским кораблям. Крепкая цепь португальских факторий тянулась от Гвинейского залива, через мыс Доброй надежды, побережье Персидского залива и Индии до Малакки, завоеванной в 1511 году, и до славящегося торговлей пряностями малайского княжества Тыдор на Молуккских островах. Кому было знать это лучше, как не Магеллану, сражавшемуся под начальством знаменитого португальского завоевателя Альбукерка? Именно поэтому пустился он на поиски обходного пути мимо Америки, на поиски пролива, названного Магеллановым, правда, лишь после того как по нему прошли суда первой кругосветной экспедиции.

Магеллан и его спутники узнали о Филиппинах немногое. Их завоевательные попытки начались и кончились на острове Себу. В это время Филиппинский архипелаг далеко еще не представлял однообразной картины. Населявшие его племена стояли на разном уровне развития. У большинства племен еще господствовали родовые отношения, были сильны пережитки первобытного коммунизма. Только в прибрежных районах крупных островов в центральной части архипелага возникали феодальные княжества. Здесь было уже довольно высоко развито сельское хозяйство и ремесла, существовала письменность и литература. За несколько веков до появления испанцев эти острова были хорошо известны купцам Китая и Индии. Во многих местах архипелага строились хорошие корабли, на которых филиппинские малайцы уже плавали к чужим берегам.

Одним из таких княжеств было Себу. С его владетелем Магеллан заключил самый тесный союз и сразу же вмешался в феодальные и племенные распри. В стычке с населением

маленького островка Мактон, боровшегося с владетелем Себу, Магеллана смертельно ранили. После смерти Магеллана команда его кораблей под руководством де Барбоса пыталась укрепиться на Себу. Однако колониальные устремления испанцев вызвали восстание «кровного» союзника и его подданных. Восстание привело к гибели де Барбоса и части моряков. Остальные суда бежали на родину. Вернувшийся в Испанию командир одного из кораблей был встречен с триумфом.

Начались длинные споры Испании с Португалией о «правах» на «открытый» архипелаг. Несколько раз Испанский король посылал на острова новые экспедиции. Начальник одной из них и назвал архипелаг Филиппинами, в честь наследника испанской короны, будущего короля Филиппа II.

В 1564 году из Мексики — центра испанского господства в Новом Свете — была послана эскадра под командой Лопеса Мигуэля Легаспи. Ему было поручено покорить и обратить в христианство население Филиппин. Для последней цели, немаловажной в глазах фанатичного испанского короля, в составе экспедиции находилось несколько монахов под начальством Андреса Урданеты.

Урданета обладал всеми качествами испанских проповедников христианства той эпохи, с необычайной легкостью менявших сутану на кольчугу, крест на меч и сыгравших такую значительную роль в завоевании и эксплуатации колоний. Он сочетал в себе искусство тонкого политика и интригана с опытом старого конквистадора. Прежде чем стать монахом-августинцем, он служил капитаном и сражался в колониальных экспедициях.

Хорошо вооруженным отрядам Легаспи под командой опытных военачальников удалось довольно скоро положить начало испанскому господству на островах.

Умело используя раздробленность Филиппин и борьбу между отдельными племенами архипелага, Легаспи сперва вступает в союз то с одним, то с другим из племенных вождей и султанов. Предлагая туземным владетелям свои услуги в борьбе с противниками, он с помощью своих союзников добивается установления испанского господства в ряде прибрежных районов. Затем, укрепившись на территории своих союзников, он силой заставляет их признать суверенитет испанского короля. С самого начала завоевания архипелага проводниками и разведчиками командира эскадры являются монахи. В наиболее развитых районах Филиппин феодальная верхушка приняла проповедников новой идеологии с распростертыми объятиями. Монахи еще не обнаружили своей алчной грабительской сущности, а новые христианско-монархические взгляды казались туземным

феодалам более совершенным орудием закабаления народа, чем прежние примитивные разновидности религиозного культа. Эти старые верования уже не соответствовали складывавшимся феодальным отношениям.

К концу XVI века Испания установила свое господство в решающих районах архипелага. Чем сильнее чувствовали себя колонизаторы, тем отчетливее выступало на первый план вооруженное покорение филиппинских народов, тем более жестокой становилась колониальная эксплуатация.

Сквозь прежнюю маску христианского благочестия все более ясно проступает алчность монашеских орденов. Обращение населения в христианство теперь уже целиком опирается на штыки и плети испанских солдат. Для монашеских орденов — а к началу XVII века их насчитывается на Филиппинах уже около десятка — обращение филиппинского населения в христианство означало получение новых источников обогащения, новых рабов. Во главе военных отрядив, подчинявших еще не завоеванные районы и острова, часто стоят монахи, в большинстве случаев — иезуиты.

Монашеские ордена шаг за шагом захватывают главное богатство страны — ее лучшие плодородные земли. Филиппинские крестьяне превращаются в бесправных арендаторов. Они обязаны отдавать монахам-феодалам большую часть урожая, бесплатно работать на постройке монастырей и церквей.

Главными носителями колониального угнетения и эксплуатации постепенно становятся монашеские ордена.

Колониальная политика испанского абсолютизма способствовала превращению Филиппин в заповедную вотчину монашеских орденов и колониальных сатрапов. Только на очень короткий срок после установления испанского господства главный город и порт колонии Манила становится крупным торговым центром. Здесь колониальное правительство, испанские купцы и феодалы обменивают выколоченные у филиппинского народа, под видом ренты и дани, продукты на китайские шелка и другие товары и отправляют их в американские владения Испании. В Манилу стекаются купцы из Китая и Индии, Явы и Сиама.

Однако уже в начале XVII века испанские короли, тесно связанные монопольной торговлей с американскими колониями, стремятся ограничить проникновение туда китайских товаров. Они строго регламентируют торговлю Филиппин. Только один раз в году мог отправляться из Манилы галлион, груженный китайскими и филиппинскими товарами. Количество груза было

точно предусмотрено. Большую часть составляли товары, принадлежащие правительству. Остающееся на корабле место распределялось между самыми влиятельными испанскими купцами и чиновниками, но их оттесняли монашеские ордена, превратившиеся в крупнейших помещиков-феодалов.

Филиппины были обречены на экономическую изоляцию. Филиппинский народ уплачивал непосильные налоги государству, церковную «десятину», налоги в местные провинциальные кассы. Целыми неделями филиппинское население работало бесплатно на постройке судов, церквей, дорог и правительственных зданий. Царил неслыханный произвол колонизаторов. И все же труда и продуктов, выколоченных из филиппинского народа, не могло хватить даже на содержание колониальной администрации и паразитической армии монахов. Монашеские ордена, чье имущество оценивалось десятками миллионов, чьи ежегодные доходы исчислялись сотнями тысяч реалов, были свободны от уплаты налогов. Крупные церковные магнаты получали громадное содержание. Одно жалованье манильского архиепископа составляло 60 тысяч реалов в год. Содержание манильского собора обходилось в 80 тысяч реалов.

Испанская администрация — от титулованных генерал губернаторов до ненавистных народу жандармов (так называемой «гражданской гвардии»), представлявших в самых отдаленных селениях королевскую власть, — имела неограниченные возможности грабить население. Только очень малочисленный слой филиппинцев, в частности метисы, находился в относительно привилегированном положении. Туземные помещики, потомки прежних филиппинских феодалов, вождей племен и старейшин, дети от смешанных браков испанских колонизаторов с филиппинскими женщинами, избранные питомцы монахов, были передовым отрядом эксплуататоров народных масс. Им предоставлялись низшие административные и судейские посты. Они заправляли в округах и районных центрах, захватывали земли крестьян, еще не присвоенные монахами. В них испанский абсолютизм искал свою социальную опору в колонии.

Филиппины разделялись на провинции, управляемые губернатором. Губернатор — алькальде должен был быть непременно испанцем. Провинции охватывалитряд округов (муниципалитетов), во главе которых стояли «маленькие губернаторы» — «гобернадорсильо», обычно метисы или туземцы. Входившие в состав муниципалитета барио (селения, волости) управлялись старшинами — также филиппинцами.

Но вся эта армия чиновников — испанцев и филиппинцев —

находилась под фактическим наблюдением и контролем монашеских орденов. Без одобрения приходского священника не были действительны никакие распоряжения не только старшин, но и гобернадорсильо.

Сами гобернадорсильо выбирались и назначались по указке монахов. Каждый испанский губернатор, казалось бы, полновластный хозяин в своей провинции (наряду с административными правами ему предоставлялись права монопольной торговли), вынужден был считаться с монахами. Даже генерал-губернатор редко осмеливался идти на открытый конфликт с представителями всесильных монашеских орденов. Опыт показал, что нежелательный монахам светский владыка филиппинского народа очень быстро отзывался из колоний или после окончания своих полномочий оказывался обвиненным в преступлениях против короля и «святой католической церкви».

Судьба многих генерал-губернаторов, не поладивших с монахами, служила грозным примером и предостережением их преемникам. В 1644 году генерал-губернатор де Корсуэро лишился всего своего имущества и пять лет просидел в темнице. В 1668 году Диего де Тальсэда, обвиненный комиссаром инквизиции в ереси, хитростью был схвачен ночью в своем дворце, отправлен под конвоем в Мексику и по пути умер. В 1683 году конфликт между генерал-губернатором Хуаном де Варгас Хуртадо и архиепископом Пардо, претендовавшим на неограниченную власть, вызвал постановление совета при генерал-губернаторе о ссылке архиепископа в отдаленную провинцию. Доминиканцы, к ордену которых принадлежал архиепископ, ответили отлучением генерал-губернатора от церкви. Генерал-губернатор разослал руководителей ордена по дальним островам. Но сосланному архиепископу пришлось жить в своем довольно комфортабельном изгнании недолго: уже через год на Филиппины прибыл новый наместник. Новый светский владыка Габриэль де Курусеалеги и Арриола был тесно связан с клерикальным миром и, в частности, с доминиканцами. Архиепископа немедленно возвратили в столицу, где он получил неограниченные возможности мести. Все голосовавшие за его ссылку члены совета были изгнаны из Манилы, и большинство их умерло в ссылке. Бывший генерал-губернатор, отлученный от церкви, с большим трудом вымолил у мстительного архиепископа смягчение тяжелой эпитимии (церковного наказания). По первоначальному решению Пардо, его враг должен был в течение четырех месяцев стоять в одежде кающегося грешника, с веревочной петлей на шее и зажженной свечой в руке, поочереди у всех церквей на людных перекрестках Манилы. Это наказание

было заменено ему ссылкой на маленький островок на реке Пасиг. Прожив там в полном одиночестве пять лет, Варгас был послан, как пленник, в Мексику. По пути туда он умер.

Монашеские ордена враждовали также и друг с другом. Они боролись за наиболее богатые приходы, за преимущественное право участвовать в торговле филиппинскими продуктами, за большую возможность грабить филиппинский народ. Но в борьбе против светской власти они неизменно объединялись.

Особенную ненависть монахов возбуждали те редкие испанские администраторы, которые пытались хоть немного упорядочить колониальное управление. Одним из них был генерал-губернатор Мануэль де Бустаманте и Руэда. Но уже через два года после прибытия на Филиппины, в 1719 году, он был убит в своем дворце толпой, подстрекаемой архиепископом и монахами. После этих суровых уроков светские чиновники отступили перед монахами. «Святейшие» ордена добились неограниченной возможности управлять и грабить.

Неслучайно бесчисленные восстания филиппинского населения чаще всего были направлены против монашеских орденов и монахов, обычно исполнявших роль приходских священников.

Уже к началу XVII века почти все население Филиппинских островов в районах испанского господства было обращено в христианство. Это открывало перед монашескими орденами новые возможности эксплуатации.

«Наряду с жестоким насилием — все козни религии, наряду со страхом перед пытками — все ужасы отлучения от церкви и отказа в отпущении грехов, все интриги исповедальни, — все приходило в движение, чтобы вырвать у подданного последний грош…» Непосильные поборы за церковные обряды, под угрозой отлучения от церкви, ложились дополнительным бременем на филиппинский народ.

Нередко священники-монахи по целым неделям не позволяли хоронить покойников, если родственники не соглашались уплатить требуемой за обряд погребения суммы. Чтобы устрашить и наказать суеверных родственников и односельчан, монахи не останавливались даже перед извлечением из могил уже похороненных трупов. Этот способ воздействия на прихожан испанские монахи на Филиппинах сохранили до конца своей власти. В знаменитом романе Хосе Ризаля «Не касайся меня» такая судьба постигает труп отца героя. Впоследствии Ризалю пришлось столкнуться с этим и в жизни.

Одно из крупнейших восстаний филиппинского населения — восстание на острове Бохол в 1750 году — имело своим

непосредственным поводом подобный поступок всесильного иезуитского патера Моралеса. Моралес заставлял крестьян платить громадную арендную плату за землю, работать в монастырских имениях неограниченное время, вносить непосильные суммы за требы. Многие из жителей бежали в горы, чтобы скрыться от жестокости патера. Один из беглецов был убит по приказанию иезуита, и тело его, лишенное христианского погребения, брошено на дороге. Брат убитого филиппинца Дагохой вошел в историю как вождь восставшего крестьянству Бохола. Он отомстил патеру и за издевательство над трупом и за все вековые обиды и притеснения испанских монахов иезуит был убит населением, и его труп постигла та же участь, какую он готовил брату Дагохоя. В течение тридцати лет отстаивал восставший народ свою независимость. В течение тридцати лет сопротивление населения Бохола не могли сломить все карательные экспедиции испанских властей.

На протяжении нескольких веков испанского господства восстания филиппинского населения не прекращались. В первое время после завоевания во главе восставших часто становились вожди племен и феодалы, лишенные прежней власти.

После того, как потомки прежней феодальной и племенной верхушки находили себе место в колониальной системе и превращались в низшие звенья колониального аппарата, стихийная борьба филиппинского крестьянства продолжала идти своим чередом.

Почти до конца XVIII века политика испанского абсолютизма в отношении филиппинского народа оставалась неизменной.

Но былая мощь и величие испанской монархии уже давно были поколеблены. В Европе Испанию оттеснил голландский, а затем английский капитал. Вынужденная отступать перед натиском более развитых стран, Испания пыталась защищать свое монопольное положение в колониях, стремилась оградить хотя бы их от иностранного вторжения. Но иностранные товары проникали обходными путями под испанскими флагами и испанскими фирмами. В американских колониях Испании Англия и освободившиеся от английской зависимости Северо-Американские Соединенные Штаты завоевывают все более крепкие позиции.

Развитие капитализма в Европе и рост потребления колониальных продуктов меняют формы эксплуатации колоний. Колонии превращаются главным образом в рынки сбыта готовой продукции фабричной промышленности, в источники колониального сырья. Испанское правительство, теряя почву в своих американских владениях, впервые пытается использовать

как источник колониальных продуктов Филиппины. В конце XVIII века создается привилегированная королевская компания, большая часть капитала которой принадлежит королю. Компании предоставляется исключительное право ведения торговли между Испанией и Филиппинами. В самой колонии испанский абсолютизм пытается, сохраняя монопольные формы эксплуатации, развивать производство таких продуктов как кофе, тростниковой сахар, какао, хлопок, табак. Вводится табачная монополия, основанная на принудительной культуре табака крестьянами определенных районов. Крестьяне в провинции Изабелла и Кагайан обязаны сеять на своих полях табак и сдавать его правительству по низкой цене. Табак вытесняет рис, крестьяне голодают. Но и на Филиппины, в свою последнюю колониальную цитадель, Испания вынуждена открыть доступ капиталу более развитых стран. В начале XIX века первые английские и американские фирмы получают разрешение на организацию торговых контор на Филиппинах. Порт Манилы впервые открывается для торговых европейских и американских судов, хотя им еще не разрешено ввозить товары европейской и американской промышленности.

С проникновением новых экономических отношений в колониальных владениях создается своя национальная буржуазия. В американских колониях Испании буржуазия и переходящие к производству на мировой рынок помещики представлены главным образом метисами и креолами. Эти слои играют решающую роль в экономической жизни колоний — они жестоко эксплуатируют коренное население и ввезенных из Африки рабов. Но они вступают в острые противоречия с господствующим испанским абсолютизмом, мешающим развитию производства и торговли, отстраняющим их от участия в управлении колониями. Освободительная борьба Соединенных Штатов и Великая Французская буржуазная революция служат толчком и примером для освободительного движения в американских колониях. Начало XIX века отмечено подъемом национально-освободительного движения, постепенным отпадением американских колоний от Испании.

На далеких Филиппинах процесс возникновения национальной буржуазии начинается позже и идет гораздо медленнее. Однако к половине XIX века и на Филиппинах создается уже довольно значительный слой туземной, главным образом метисской буржуазии. Под влиянием проникновения на острова иностранного капитала, ограниченного здесь в своей деятельности и передвижении рядом мероприятий испанского правительства, усиливается связь филиппинских помещиков с

внешними рынками. Американские и английские фирмы, не имея возможности создавать собственные плантации, финансируют филиппинских помещиков, способствуют переходу к производству конопли, сахарного тростника, кофе. Многие крупные и мелкие помещики и арендаторы уже не сдают свою землю мелкими участками издольщикам, а переходят к организации своих плантаций, где работают наемные, закабаленные долгами, батраки.

Создание и укрепление филиппинской буржуазно-помещичьей верхушки сопровождается ростом и собственной интеллигенции. Имущие классы филиппинского общества впервые получают наряду с испанцами доступ в монашеские коллегии и манильский университет св. Фомы. Многие богатые филиппинцы, не довольствуясь узко клерикальным образованием своих сыновей в колониальных школах, посылают их за границу. Здесь филиппинская молодежь получает возможность приобщиться к либеральным идеям передового общества и знакомиться с революционным движением Европы XIX века.

Первые представители филиппинской интеллигенции — метисы, выходцы из буржуазно-помещичьих, полуфеодальных и бюрократических слоев, впервые выступают с робкими требованиями реформ.

Кровно связанная с колонизаторами и находящаяся в привилегированном положении по сравнению с основной массой народа молодая метисская интеллигенция еще не выступает поборником национального освобождения филиппинцев. Самый процесс формирования общенационального самосознания филиппинцев — еще в зачаточном состоянии. Почти нетронутая феодальная замкнутость отдельных районов и островов в первые века испанского господства сохранила к XIX веку разобщенность многочисленных народов, населяющих Филиппины. Население архипелага говорит на различных языках и диалектах. Наиболее крупными народностями являются тагалы в южной и центральной части Люсана, висайя — в центральной части архипелага, илокане — на западном побережье Люсана, Помланга и другие.

На первых порах филиппинская интеллигенция, выступая с требованиями реформ, мечтает лишь об уравнении филиппинского населения с колонизаторами-испанцами, о распространении на Филиппины испанского законодательства. Даже отсталый политический строй испанской метрополии кажется филиппинцам заманчивым. Выступления филиппинской и испанской интеллигенции на островах перекликаются с прогрессивным движением в самой Испании.

Еще в начале XIX века, во время борьбы Испании против

наполеоновских войск, филиппинец Варела, публикуя памфлет, в котором призывает Филиппины поддержать «своего короля Фердинанда VII», настаивает вместе с тем на уравнении в правах филиппинцев и испанцев, на праве архипелага посылать своих делегатов в испанские кортесы (парламент).

В 1812 году либеральные кортесы испанской революции принимают буржуазную конституцию. В ней впервые свободному населению заокеанских владений Испании предоставляются равные с населением метрополии права. В принятии конституции участвует и первый депутат от Филиппин в испанских кортесах купец-испанец Рей, выбранный в 1810 году пятью «выборщиками» (генерал-губернатором, архиепископом и тремя самыми именитыми представителями филиппинских испанцев). Обнародованную на Филиппинах конституцию 1812 года верхушка метисов и филиппинцев воспринимает как заманчивое обещание равного с испанцами участия в управлении и эксплуатации колоний. Широкие трудовые массы понимают конституцию как отмену бесплатных барщинных повинностей в пользу колонизаторов, с радостью слышат о реформе суда, об упразднении инквизиции.

Но прежде чем новая конституция успела как-нибудь сказаться на колониальной политике Испании на Филиппинах, она была упразднена в самой метрополии. Возвращение на испанский престол Фердинанда VII означало торжество реакции и в Испании и в колониях. Во время разгула реакции на Филиппинах преследованиям подверглись даже умеренные и верноподданные проповедники реформ, как Варела, Рохас, Хуго и другие. Но преследования не могли остановить нараставших требований реформ, так же как реакционная экономическая политика Испании не остановила роста национальной буржуазии. На фоне углубляющейся стихийной борьбы масс формируются требования интеллигенции, которую в XIX веке представляют наряду с метисами значительно более, широкие слои филиппинцев. Стихийные вооруженные восстания филиппинского народа вспыхивают повсеместно. Они вызываются различными поводами, но в основе всех их лежит общий протест против колониальной эксплуатации и произвола, против непосильных налогов, национального угнетения.

Отмена конституции 1812 года и возвращение к принудительному труду вызывают массовые восстания в провинции Илокос. Народные массы поднимаются против правительства и помещиков. Восставший народ осаждает окружные центры. На площадях пылают костры из земельных реестров и налоговых книг. Крестьяне жгут и грабят имения

помещиков. Колониальные власти с большим трудом подавили восстание при помощи гражданской гвардии и регулярных войск. В 1820 году во время холерной эпидемии волна восстаний охватывает ряд провинций. В 1821 году на острове Себу народ восстает против жестокой эксплуатации монахов, непрерывно повышавших арендную плату и налагавших непосильные повинности. В 1823 году в Маниле возникает заговор, вызванный недовольством офицеров-метисов и испанских резидентов. Испанская монархия, напутанная национально-освободительным движением и отпадением своих американских колоний, не доверяет даже филиппинским испанцам. Правительство начинает назначать офицеров и чиновников непосредственно из Испании и заменять ими уроженцев Филиппин. Во главе заговора становится офицер Андрее Навалес, в восстание вовлечено более восьмисот туземных солдат. Восставшие захватывают большую часть Манилы, губернаторский дворец. Движение было подавлено, и «зачинщики» казнены на Багумбаянском поле.

В 1844 году на острове Негрбе восстало крестьянское население, доведенное до отчаяния непосильным барщинным трудом на землях испанского губернатора. Губернатор был убит восставшими, но вооруженная экспедиция регулярных войск подавила движение.

Очень часто крестьянские движения принимали форму религиозного сектантства. В сороковых годах филиппинец Аполинорио де ла Крус пытался вступить в один из монашеских орденов, но испанские монахи никогда не допускали филиппинцев в свой круг. В 1840 году де ла Крус организует в родной провинции Тайабос религиозную общину из филиппинцев, но церковные власти не хотят ее признать. Гонения монахов делают Аполинорио де ла Крус главой мятежной секты. Его проповеди привлекают сотни последователей из провинций Лагуна, Тайабос, Батангас. Только после регулярной осады испанским войскам удалось захватить церковь и укрепления мятежников. Сотни крестьян погибли в сражении, а сам Аполинорио де ла Крус был казнен. Откликом на его казнь явилась неудачная попытка восстания в Маниле.

Религиозные движения, отражавшие протест трудовых масс против колониальной эксплуатации и угнетения, часто окрашивались в мистические краски. В конце восьмидесятых годов возникает секта Палаан («красные»), названная так по цвету одежды ее сторонников. Члены секты верят в свою неуязвимость, и безоружными нападают на гражданскую гвардию и отряды испанских войск. Колониальным властям не удается полностью искоренить эту секту, приверженцы ее скрываются в лесах и

неприступных горных районах.

На этом этапе развития национально-освободительного движения туземное филиппинское духовенство играет заметную роль, выступая против испанских монашеских орденов. Представляя буржуазно-интеллигентские слои филиппинского народа и вместе с буржуазией требуя реформ, филиппинские священники имели особые причины для борьбы с монахами. Их толкает на это невозможность получить хороший церковный приход и стремление испанских монахов отнять даже те немногие приходы, которые священникам-филиппинцам и метисам удалось отстоять.

Отдельные генерал-губернаторы не раз пытались ограничить роль монашеских орденов, превратившихся из опоры и агентуры испанского абсолютизма в подлинных хозяев колонии. Бывали даже попытки лишить испанских монахов должностей приходских священников, кончавшиеся столь же неудачно, как и другие мероприятия, ограничивавшие влияние монашеских орденов.

В 1774 году генерал-губернатору Симону де Анда удалось добиться королевского указа, по которому все приходы, по мере освобождения в них вакансий, должны были переходить к «нерегулярному» духовенству. Для подготовки приходских священников из филиппинцев была открыта семинария в Маниле. В результате число священников-филиппинцев стало быстро возрастать, но они не могли получить приходов, а если и получали, то лишь самые бедные и незначительные. К тому же монашеским орденам очень скоро удалось добиться отмены королевского указа. В середине XIX Века из 792 приходов лишь в 181 приходскими священниками были не монахи, а метисы и филиппинцы.

Разумеется, филиппинские священники были далеки от каких-нибудь революционных требований. Они добивались только уравнения в правах с испанскими монахами и получения приходов. Но непосредственная связь священников-туземцев с народными массами, веками воспитанными в суеверии и религиозном дурмане, придавала их борьбе за свои кастовые выгоды гораздо более широкий характер. Противоречия интересов между всесильными монахами-колонизаторами и обойденными священниками-филиппинцами толкали последних на самую резкую критику деятельности монашеских орденов. Эта борьба за приходы для филиппинских священников против испанских монахов объективно превращалась в движение против иностранной эксплуатации вообще. В лице восьмидесятипятилетнего старика Гомеса и образованных молодых патеров Бургоса и Замора филиппинское духовенство

получило лидеров, сумевших сделать эту борьбу очень популярной среди широких масс.

Таким образом, нарастание антииспанского движения на Филиппинах идет в XIX веке двумя путями. С одной стороны, лишенное руководства крестьянство стихийно, но революционно, часто с оружием в руках, борется против непосильных налогов, принудительного труда и захвата земли монахами. С другой — среди буржуазии и либеральной буржуазно-помещичьей интеллигенции выдвигаются требования либеральных реформ, расширения права участия в судьбах страны. Эти требования пока не идут дальше критики монашеских орденов или верноподданнических апелляций к испанскому правительству.

Оформлению либеральных идей среди представителей филиппинской буржуазии способствуют революционные события в Испании. Временное торжество радикальных элементов в Испании, провозглашение после бегства королевы Изабеллы конституционной монархии, а затем республики, отразилось на Филиппинах назначением в 1869 году либерального генерал-губернатора Карлоса-Мария де ла Торре. Монахам, лишившимся поддержки в метрополии, пришлось временно отступить на второй план.

Торре пытался упростить прежний феодально-пышный ритуал генерал-губернаторского двора. Впервые население Манилы видит генерал-губернатора не в карете, запряженной шестеркой лошадей и окруженной отрядом средневековой стражи с алебардами на плечах, а прогуливающимся пешком в скромном штатском платье.

Торре заявлял, что основным принципом его управления будет ассимиляция филиппинского населения, уравнение его с испанцами, и действительно ограничил жесточайшую цензуру испанского абсолютизма и церкви. Представители национальной буржуазной интеллигенции и духовенства впервые получили относительную свободу слова. И национальная буржуазия ответила губернатору полной поддержкой и преклонением.

Во главе со священником Бургосом, богатым адвокатом Нардо де Тавера, Максимо Патерно туземная верхушка, вместе с испанскими чиновниками и буржуазией, в июне 1869 года принимает участие в торжественном перенесении останков генерал-губернатора Симона де Анда из разрушенного землетрясением собора в другую церковь. Симон де Анда являлся в глазах филиппинской буржуазии как бы символом борьбы с испанскими монахами. Это ему удалось в свое время добиться указа короля о постепенном предоставлении приходов священникам-филиппинцам.

Деятельность Анда как бы перекликается с антимонашеской политикой Торре. Перед началом торжественной мессы молодой патер Бургос, один из лидеров филиппинского духовенства в борьбе за приходы, демонстративно возложил на гроб венок с надписью: «Светское духовенство С. де Анда», чего никогда не могли ему простить монахи. За Бургосом вереница губернадорсильо возложила венки от имени своих «пуэбло».

В том же году, в день празднования годовщины испанской революции, в Маниле была организована манифестация при широком участии филиппинской буржуазии. Видная буржуазная филиппинка Сантос появляется на демонстрации, украшенная красными лентами с надписями: «Да здравствует суверенный народ», «Да здравствует свобода».

Такие манифестации и парады, в которых вместе с филиппинцами участвовали высшие испанские чиновники, произвели большое впечатление на народные массы, знакомые до этого времени лишь с мрачно торжественными католическими религиозными процессиями.

В 1870 году Торре, несмотря на все сопротивление монахов, добивается от Мадрида декрета, упраздняющего контроль духовенства над школами. Два года губернаторства Торре сделали для развития общественной жизни Манилы больше, чем долгие предшествовавшие десятилетия.

Но период некоторого ослабления режима жестокой эксплуатации и монашеского засилья был на Филиппинах еще более коротким, чем самое существование Испанской республики. Уже первый назначенный республиканским правительством преемник де ля Торре на посту губернатора — генерал Рафаэль Изкиэрдо, приступил к ликвидации всех либеральных затей своего предшественника. Первым делом он отменил указ о школах и заявил, что будет управлять колонией с крестом в одной руке и мечом — в другой.

Испанские монашеские ордена, оттесненные было на задний план, снова поднимают голову. Во время губернаторства Торре они ограничивались только собиранием обличительных материалов «про запас». Монахи и их шпионы зорко запоминали враждебных испанскому владычеству лиц и их высказывания, тайно следили за перепиской испанских и местных либералов и вольнодумцев. Многие из этих писем послужили потом основанием для арестов и ссылок.

Теперь воспрянувшие духом монашеские ордена возглавляют на Филиппинах реакцию, наступившую после реставрации монархии в Испании.

Юный Ризаль, воспитываясь в Биньяне, в семье европейски

образованного дяди Альберто, несомненно впитывал либеральные чаяния филиппинской буржуазии и остро переживал гнет наступившей реакции.

Торжество реакционных сил в метрополии сопровождалось новым усилением экономического и политического гнета в колонии. Испанское правительство увеличивает налоговые поборы и повинности широких масс колониального населения. Монархи, подхлестываемые развитием рыночных отношении и втягиванием Филиппин в экономические связи с внешним миром, уже совершенно неограниченно выколачивают ренту и арендную плату из своих арендаторов.

Детство в Каламбе

Хосе Ризаль родился в годы, когда среди филиппинской интеллигенции критика существующих колониальных порядков и глухое недовольство ими начинали принимать более определенные формы.

Филиппинская интеллигенция воспитывалась монахами в преклонении перед величием Испании. В среде филиппинской молодежи монахи пытались развить патриотизм испанского подданного, хотя не позволяли изучать испанский язык. Но вся практика колониального режима ежечасно разоблачала искусственно прививаемое обожание Испании, короля и «святой католической церкви». Верхушка филиппинского общества и метисы стремились сделать испанскую культуру своим достоянием, но это не мешало им чувствовать все ужасы колониальной эксплуатации. Бичи, свистевшие в жандармских участках, ежедневные унижения и принудительный труд прежде всего падали, конечно, на плечи трудового народа. Но жертвой колониальных чиновников и монахов мог в любой момент стать каждый филиппинец. Ни богатство, ни самый высокий из возможных для туземца чиновничий пост не спасали филиппинца от постоянной угрозы конфискации имущества, ареста и ссылки под любым предлогом.

Все это Ризалю привелось увидеть и испытать на судьбе своей семьи довольно рано, хотя, его детские годы текли сравнительно счастливо. Отец Хосе Ризаля — Франсиско Меркадо и Ризаль считался одним из видных жителей Каламбы. Его двухэтажный дом, лучший в городке, был всегда открыт для друзей и приезжих, находивших в нем ласковый, радушный прием. Франсиско Меркадо ряд лет арендовал землю у монахов-доминиканцев. Труд его издольщиков обеспечивал ему сравнительное благополучие. В доме Меркадо-Ризаля можно было спокойно провести часок-другой, не боясь подслушивания и доноса, потолковать о несправедливостях алькальде и гобернадорсильо, о грубости лейтенанта гражданской гвардии, о злоупотреблениях монахов.

Жена его, Теодора Алонсо, происходила из богатой интеллигентной семьи. Женщина сильного характера и недюжинного ума, она выделялась редкой по тому времени образованностью и начитанностью, очень любила стихи и сама их писала.

Семья Меркадо была смешанного происхождения. Семейные предания упоминали имя отдаленного предка Франсиско —

богатого купца китайца Лам-Ко, эмигрировавшего на Филиппины в конце XVII столетия. В церковных книгах города Биньяна сохранилась запись об его обращении в христианство и крещении под именем Доминго в 1697 году. Там же, в Биньяне, он женился на дочери китайца и полуфилиппинки-полуиспанки, имя которой в семейной хронике не упоминается. Среди других предков Хосе Ризаля с отцовской стороны встречаются как китайцы, так и филиппинцы-тагалы. Донья Теодора Алонсо также насчитывала среди своих предков, наряду с тагалами, нескольких китайцев. Сама фамилия Меркадо (по-испански — Mercada — купец, торговец) указывает на купеческое прошлое предков Ризаля.

Франсиско Меркадо и Теодора Алонсо обвенчались в Биньяне в 1847 году и вскоре переехали на жительство в Каламбу. В 1849 году к фамилии Меркадо была прибавлена новая — Ризаль.

Испанские чиновники, не желая затруднять себя непонятными для них тагальскими и другими туземными прозвищами, издавна давали филиппинцам испанские фамилии. Чиновники не отличались большой изобретательностью. Можно было встретить семнадцать Антонио де ла Крус в одном городе, или двенадцать Франсиско де лос Сантос на одной улице — и ни одна из этих семей не была родственна другой. В 1849 году генерал-губернатор Клаверия решил окончательно испанизировать еще сохранившиеся филиппинские фамилии и навести порядок среди бесчисленных тезок. Он велел составить алфавитный список испанских фамилий. Все отцы филиппинских семейств должны были выбрать себе и своим потомкам новые благозвучные для испанского уха и легкие для испанского произношения фамилии.

Дед Хосе Ризаля заупрямился. Он не желал, чтобы ему навязывали имя. Он придумал его сам: Ризаль — испорченное «рисиаль», т. е. луг, пастбище. С тех пор Франсиско и его меньшие братья стали носить двойную фамилию — Меркадо и Ризаль. Старшие же его братья — всех их было двенадцать — остались при старой фамилии, просто Меркадо. Такая же история приключилась с дедом и бабкой Ризаля по матери: к их старой фамилии Алонсо была прибавлена новая: Реалондо. Полное имя Хосе, составленное по испанскому обычаю из отцовской и материнской фамилий, читалось: Хосе Протасио Ризаль Меркадо и Алонсо Реалондо.

Хосе был седьмым из одиннадцати детей Франсиско и Теодоры. Уже в самом раннем возрасте он поражал всех своими способностями и умом. Трех лет он выучил азбуку и, еще не достигнув, пяти, читал, сидя на коленях у матери, испанскую библию. На Филиппинах красивые дети не редкость, и все же

ребенок обращал на себя всеобщее внимание. Все восхищались красивым овалом и нежным цветом его лица, оживленного прекрасными глазами, полными пытливости и ума.

В раннем детстве Хосе не отличался крепким здоровьем, рос медленно и казался хрупким. Он не любил бегать и шалить, предпочитая слушать сказки няни и чтение матери. Живые струи филиппинского народного творчества, которых не смогло задушить трехвековое иностранное закабаление, смешивались в восприятии ребенка с образами классической испанской поэзии.

Когда ребенку было шесть лет, в доме поселился дядя с отцовской стороны — Мануэль Меркадо. Он занялся физическим воспитанием маленького Хосе: приохотил мальчику к бегу, прыжкам, фехтованию, к дальним прогулкам пешком и верхом, к играм на открытом воздухе. Благодаря дяде, Хосе окреп, и его физическое развитие перестало отставать от умственного.

С ранних лет задумчивый и любознательный ребенок обнаруживал задатки артистических дарований. Четырех лет он любил рисовать и лепить из глины и воска птиц, бабочек, собак и людей. Особенно привлекали его стихи, и он с удовольствием вслушивался в чтение образцов испанской поэзии. Мать не только знакомила сына с произведениями испанских поэтов, но учила и его самого слагать стихи.

Но в мирную обстановку семейного уюта и благополучия резким контрастом врывались ежедневные впечатления окружающей жизни. За стенами дома царили произвол и жестокость «гражданской гвардии», грубость и чванство чиновников, несправедливость продажных судей, лицемерная святость алчных и развратных монахов.

Чуткий маленький Хосе, избалованный лаской и довольством в своей семье, болезненно остро воспринимает издевательства над окружающей беднотой. Скоро ему на собственном опыте придется познакомиться с прелестями испанского колониального режима.

«Не проходило дня, — вспоминает Ризаль, — чтобы мы не видели, как лейтенант гражданской гвардии Каламбы бранит или бьет какого-нибудь беззащитного и безоружного крестьянина, все преступление которого состояло в том, что он не снял перед лейтенантом шляпы на известном расстоянии и не поклонился ему, как полагалось. Так же точно вел себя при посещениях Каламбы и алькальде…

Мы не замечали, чтобы кто-нибудь боролся с грубостью. Именно те люди, на обязанности которых лежало охранение общественного спокойствия, были повинны в насилиях и других злоупотреблениях. Они-то и являлись настоящими

«беззаконниками», но против таких нарушителей закона наши власти были бессильны».

Сцены окружающего произвола привлекали внимание не по летам развитого Хосе. Часто сидя на берегу живописного озера, он спрашивал себя, неужели и на том берегу живут такие же несчастные люди, как в Каламбе, неужели и там царит такой же террор гражданской гвардии, так же свистят розги?

Инстинктивно маленький Хосе чувствовал, что это вовсе не неизбежно, и ему верилось, что где-то на земле должен быть счастливый край, где люди могут свободно наслаждаться солнечным светом, цветами и всеми благами, как будто созданными для их удовольствия.

В школе

Когда Хосе Ризалю исполнилось девять лет, пришла пора поступать в школу. В Каламбе школы не было, и мальчика отвезли в город Биньян. где жил его дядя — Хосе Альберто Реалондо.

Все слои филиппинского народа стремились в этот период дать своим детям образование. Иные бедные филиппинские крестьяне и ремесленники отказывали своей семье в лишней горсти риса, чтобы только скопить несколько пезет и отправить детей в ближайшую школу. Во второй половине XIX века на Филиппинах открывается сравнительно большое количество начальных школ, находившихся под строгим контролем монахов. Королевская власть видела в этих церковноприходских школах орудие идеологической обработки филиппинского народа. Монашеские ордена стремились при помощи школ еще более укрепить свое влияние. Долгое время при этом в начальных школах, не разрешалось преподавание испанского языка, зато детей заставляли усердно долбить латинскую грамматику. Тем не менее, королевский указ 1863 года об открытии школ для мальчиков и девочек во всех окружных центрах способствовал расширению грамотности среди высших и средних слоев общества.

К 1866 году школы имелись уже в 6 900 «пуэбло». В них обучалось 135 тысяч мальчиков и 95 тысяч девочек. Это создало, первые предпосылки для возникновения на Филиппинах, наряду с буржуазной и помещичьей интеллигенцией, интеллигенции мелкобуржуазной, разночинной.

Заветной мечтой каждой филиппинской семьи было определить своего сына в один из манильских колледжей и в манильский университет. Получение образования открывало возможность вырваться из наиболее угнетенных слоев простого народа, примкнуть к «хенте иллюстрадо» (просвещенным), стать чиновником или адвокатом. Чтобы вывести детей «в люди», шли на любые жертвы. Но это удавалось все же немногим — немногие имели лишнюю горсть риса.

Родители Хосе были достаточно богаты, чтобы дать своим детям образование.

Семьи отца и матери Хосе насчитывали уже несколько поколений, получивших образование. Дед Ризаля по матери окончил даже специальную школу. Он служил в должности инженера колониального правительства и «удостоился» за свою службу дворянского звания. Один из братьев матери Ризаля —

Альберто учился за границей, другой — Григорио был большим любителем чтения и имел хорошую библиотеку. Отец Ризаля ежедневно занимался с сыном, готовил его к поступлению в школу. Для обучения Хосе латинскому языку, необходимому для поступления в высшее учебное заведение, был приглашен специальный учитель.

Внимательное и любовное отношение родителей к развивавшимся дарованиям Хосе, привольная жизнь, если не в роскоши, то во всяком случае в довольстве, — такова была обстановка раннего детства Ризаля.

В Биньяне, в семье дяди, Хосе ждала радушная встреча, зато обстановка в школе произвела на него удручающее впечатление. Немного знаний приобрел он в школе, с ее зубрежкой и телесными наказаниями. Учитель, доктор Хустиньяно Крус, твердо верил в ценность и необходимость побоев и знать не желал никаких либеральных теорий. Он помнил наизусть латинскую и испанскую грамматику и вбивал эти знания в голову своих несчастных учеников при помощи линейки, висевшей на стене рядом с библией.

«Несмотря на упрочившуюся за мной репутацию хорошего мальчика, — пишет Ризаль в своей автобиографии, — не проходило почти ни одного дня, когда бы учитель не вызвал меня, чтобы дать мне 5–6 ударов линейкой по руке».

Жизнь в семье дяди несколько вознаграждала Хосе за жестокость учителя и грубость школьной обстановки. Недалеко от дома Реалондо проживал старик художник; Хосе бегал к нему в свободное время и с увлечением рисовал, пользуясь указаниями хозяина. Это были первые систематические занятия рисованием и живописью.

Ризаль рассказывает об этом периоде своей жизни: «Я жил в Биньяне очень скромно. В дни, когда служилась ранняя обедня, я шел в церковь в четыре часа утра; если нет — учил в это время уроки, а потом шел к поздней обедне. После этого я бежал в сад собирать плоды маболо. Затем подавался завтрак, состоявший обыкновенно из тарелки риса и двух сушеных сардинок.

До 10 часов продолжались классные занятия, после второго завтрака — приготовление уроков. От 2 до 5 часов мы снова учились в классах. После 5 я играл немного со своим двоюродным братом. Остальное время до ужина было снова занято приготовлением уроков, иногда рисованием. Наконец, подавался ужин: 1–2 тарелки риса с рыбой «айюнгин». В лунные ночи мы с братом еще играли после молитвы на улице с другими детьми… От времени до времени я ездил к себе в деревню. Как медленно шло время по пути домой и как быстро неслось оно при

возвращении!»

За два года пребывания в Биньяне Хосе усвоил себе всю премудрость, какую мог ему преподать «ученый доктор» Крус. Однако после окончания биньянской школы Ризаль был достаточно подготовлен для поступления в иезуитскую коллегию «Муниципальный Атенеум» в Маниле, куда решено было его определить.

Но ко времени его поступления в «Атенеум» семью Ризаля постигло большое несчастье.

Испанское «правосудие»

Одним из наиболее ненавистных филиппинцам орудий испанского колониального аппарата была так называемая гражданская гвардия. Она несла полицейскую службу, была призвана разоблачать «крамолу» и бороться с антииспанскими настроениями и выступлениями. Командные должности в гражданской гвардии занимали испанцы и метисы, а рядовыми служили оторванные от семьи или продавшиеся испанской власти туземцы. Не знавшие узды, охранители колониальных порядков творили любое беззаконие.

Командир биньянского отряда гражданской гвардии, приезжая в Каламбу, обычно останавливался в доме отца Хосе Ризаля, где можно было получить лучшее в городе угощение и свежий корм для коня Насколько приятны были Франсиско посещения лейтенанта — неизвестно, но он принимал непрошенного гостя со всем подобающим такому высокому лицу почетом.

Но в 1871 году из-за засухи Меркадо собрал очень мало риса и еще меньше сена: корма для скота едва хватило бы до следующей жатвы. А тут приехал лейтенант. Пришлось разъяснить ему эти обстоятельства и с тысячью извинений попросить его остановиться на этот раз у кого-нибудь другого. Однако офицер взглянул на дело не так просто: он счел поступок Меркадо оскорблением чести испанца и уехал взбешенный, поклявшись отомстить «презренному индио».

Несколько месяцев спустя бедный Меркадо «оскорбил» еще более влиятельную особу. Посетившему Франсиско окружному судье показалось, может быть, не без основания, что его принимали у Меркадо недостаточно радушно и почтительно. Судья, как и лейтенант гражданской, гвардии, усмотрел в недостаточной любезности оскорбление чести испанца и также уехал разгневанный, затаив желание отомстить. Повода долго искать не пришлось. В Биньяне жил брат матери Ризаля — Альберто Реалондо, приютивший Хосе, когда тот учился в биньянской школе. Человек европейски образованный и много путешествовавший, один из видных жителей города, дядя Альберто женился очень молодым на своей кузине. Брак не принес ему счастья. Постоянные ссоры и недоразумения сделали совместную жизнь нестерпимой, и супругам пришлось разойтись. Несдержанная и истеричная жена давала, по-видимому, волю своей досаде, ища сочувствия у друзей и знакомых. Росказнями вздорной женщины и воспользовался обидевшийся на Меркадо

лейтенант. Он возбудил против Альберто Реалондо обвинение в покушении на убийство своей жены, а как на соучастницу в преступлении указал на его сестру — Теодору Меркадо и Ризаль. Обозленный на Меркадо судья в свою очередь с удовольствием дал ход делу и немедленно распорядился заключить обоих «преступников» в провинциальную тюрьму.

Испанское «правосудие» на Филиппинах было не только фикцией, но и сплошным издевательством. Судьи не слишком церемонились с истиной и справедливостью, всегда отдавая предпочтение представителям господствующих классов, и в первую очередь испанцам. Взыскивали не только с самого обвиняемого: за него отвечали все его родственники и домочадцы. Если обвиняемому удавалось скрыться от преследования, наказанию подвергались его жена, дети, а за их отсутствием — зять, невестка, даже бабушка. Судья и офицер мстили самому Меркадо, но, чтобы больше наказать его, решили заставить страдать его жену.

И вот почтенную женщину, мать одиннадцати детей, гонят в тюрьму по этапу. В этом не было никакой необходимости. Главный город провинции Санта-Крус, где находилась окружная тюрьма, расположен на противоположном берегу озера Лагуна ди Баи, и можно было отправить Теодору туда на пароходе. Но, чтобы полнее упиться местью, «преступницу» препровождают в тюрьму пешком под палящим солнцем, по каменистой дороге за целых двадцать миль.

Теодора Меркадо была хорошо известна в окрестностях Каламбы. Когда после целого дня утомительного пути она добралась до деревни, где назначен был ночлег, местные крестьяне наперебой приглашали ее остановиться у себя вместе с сопровождавшими ее стражниками. Солдаты, может быть, втайне сочувствуя арестантке, согласились на это.

Но злобный судья не удовлетворился приказом об отправке своей жертвы пешком вокруг озера, а поехал вслед за нею, чтобы лично проследить, как исполняется его распоряжение. Велико было его негодование, когда он застал ее на ночлеге не в грязной и душной арестантской, а в крестьянском домике. В необузданном гневе он выломал дверь домика, в котором остановилась донья Меркадо, и избил тростью и приютившего ее хозяина и допустивших «вольность» стражников.

По удивительным порядкам колониального судопроизводства этот же судья, враг Меркадо, возбудивший все дело, выступил обвинителем при слушании дела в суде, с правом решающего голоса при вынесении приговора. Конечно, приговор мог быть только обвинительным.

Между тем Франсиско Меркадо пустил в ход все имевшиеся в его распоряжении средства, чтобы спасти жену. Приглашенный им для ее защиты адвокат подал в верховный суд протест против явно неправильного приговора. Он ссылался на нарушения закона: одно и то же лицо являлось и обвинителем и судьей, к тому же, как всем известно, предубежденным против обвиняемой. Его требование — передать слушание дела другому составу суда, верховный суд удовлетворил и велел освободить Теодору Меркадо, очевидно, не находя состава преступления.

Но враги не дремали. Судья поспешил выступить против бедной Теодоры с новым обвинением: в оскорблении королевского суда. Это оскорбление заключалось в том, что его, судью, заподозрили в предубежденности.

Дело поступило на рассмотрение новой сессии верховного суда. На этот раз суд усмотрел в деяниях и жалобе Теодоры Меркадо действительное оскорбление суда; но так как она уже отсидела гораздо дольше, чем полагалось за это преступление, то последовал новый приказ об ее освобождении.

Казалось бы, тут и делу конец. Отказ в выдаче сена офицерской лошади и нелюбезный прием участкового судьи сурово отомщены.

Нет, этого было мало.

Против несчастной женщины возбуждается новое дело о краже денег у брата, сидевшего, как и она, в сантакрусской тюрьме.

Всем было известно, что Альберто Реалондо досталось от отца, инженера испанской службы, довольно большое состояние. Власти и судьи решили, что Реалондо должен был иметь при себе значительную сумму, но никаких денег найдено не было, и это явилось прекрасным предлогом для обвинения его сестры в воровстве.

Самое любопытное, что нашлось достаточно свидетелей, подтвердивших все эти вздорные обвинения. В то время за деньги всегда можно было найти сколько угодно свидетелей, готовых подтвердить самые невероятные обвинения. В своих сочинениях Ризаль не раз возвращался к вопросу о легкости, с какой возбуждались и поддерживались на Филиппинах самые нелепые обвинения против не угодивших начальству лиц, конечно, туземного происхождения. В данном случае его мать не спасло даже ее сравнительно высокое общественное положение. Все-таки она была только «индио».

Прошло два года, а мать и дядя Ризаля продолжали содержаться в тюрьме без всякой надежды на освобождение. Одно обвинение следовало за другим; всякому было совершенно ясно,

что «справедливые и благожелательные власти» приняли твердое намерение не выпускать узников из своих когтей и продержать их в заключении до самой смерти. Вероятно, так бы и произошло, если бы не совершенно непредвиденная и счастливая случайность.

Каламбу посетил «его превосходительство» генерал-губернатор Филиппин, олицетворявший в своей персоне мощь и величие Испании. В честь его приезда были устроены соответствующие торжества и празднества, между прочим, и детский балет. Одна из маленьких танцовщиц удостоилась особого одобрения генерал-губернатора, восхищенного ее грацией и миловидностью. Он милостиво спросил девочку, что бы она пожелала, обещая исполнить любой ее каприз. Девочка попросила выпустить из тюрьмы ее мать. Эта девочка была одной из сестер Хосе Ризаля.

По приказу генерал-губернатора донья Меркадо была немедленно освобождена и после более чем двухлетнего заключения вернулась, наконец, к своей семье.

В своей «Истории одного мальчика» Ризаль ничего не говорит об этом анекдотическом исходе процесса своей матери, вероятно, по цензурным условиям. Он сообщает только, что ее невиновность была доказана. Этот эпизод рассказан одним из биографов Ризаля, доктором Крэйг.

Хосе горячо любил свою мать. Он глубоко переживал семейное горе, и в душе его осталось на всю жизнь неизгладимое впечатление произвола колониальных властей, несправедливости, попрания человеческого достоинства, грубости и лжи окружающего общества.

Уже взрослым Ризаль с горечью вспоминал о постигшем его семью незаслуженном позоре. Но и ребенком он начинал понимать, что случай с его матерью и дядей не исключительный, что в условиях колониального режима так же непрочна судьба миллионов филиппинских семейств, зависящих от произвола бесконтрольной администрации.

Восстание в Кавите

Юный Хосе приехал в Манилу вскоре после Кавитского восстания. Двести туземных рабочих кавитского арсенала восстали с оружием в руках, и с криками — «смерть испанцам» перебили своих офицеров. Непосредственным поводом к восстанию явилось принуждение арсенальских рабочих, считавшихся на военной службе и поэтому освобожденных от налогов и барщины, к выполнению всех повинностей наравне с остальным населением. Но движение имело глубокие корни далеко за пределами арсенала. Провинция Кавите издавна являлась ареной острых крестьянских конфликтов, нередко доходивших до вооруженных восстаний. Филиппинское крестьянство этой провинции почти целиком превратилось в издольщиков и арендаторов монашеских гасиенд. Однако недостаточные организация и конспирация восстания облегчили его быстрое подавление. Расправившись с участниками мятежа и сотнями невинных крестьян, колониальные власти использовали возможность свести счеты со всеми представителями национальной буржуазии. В ее агитации, в еще очень умеренных требованиях реформ и ограничения произвола монахов испанский абсолютизм, и особенно монашеские ордена, видели большую угрозу своему господству, чем даже в стихийных восстаниях масс.

Наряду с массовыми репрессиями, посыпавшимися после подавления восстания на всех заподозренных в антииспанских настроениях, особенное значение имели процесс над священниками Гомецом, Бургосом и Замора и их публичная казнь. Хотя священники не имели прямого отношения к заговору, монашеские ордена добились их ареста и предания суду.

В качестве улик на суде фигурировали не только претензии священников на церковные приходы, не только факт возложения Бургосом венка на гроб Симона де Анда, но даже петиция, поданная испанскому королю и написанная по совету архиепископа.

В борьбе монашеских орденов со светской властью за нераздельное господство на архипелаге на долю манильского архиепископа всегда выпадала очень крупная роль. Если архиепископ принадлежал сам к какому-нибудь ордену, он, естественно, в первую очередь защищал интересы своего ордена за счет остальных, неизменно поддерживал монахов в борьбе с губернаторской властью. В тех же случаях, когда архиепископ не принадлежал ни к одному из орденов, он обычно стремился

усилить вес и значение архиепископской власти и ограничить всесилье монашеских орденов. Такие архиепископы обычно являлись сторонниками назначения в приходы аббатов-филиппинцев, надеясь усилить этим свое влияние за счет монашеских орденов.

К моменту Кавитского восстания манильский архиепископ не только поддерживал претензии филиппинских священников, но и отдавал себе ясный отчет, к чему может привести политика необузданных репрессий, проводимая монашескими орденами и губернатором Изкиэрдо.

Манильский архиепископ отправил в Мадрид протест против новой волны притеснений филиппинских священников, начавшийся с приездом губернатора Изкиэрдо. Он писал: «Несправедливое отнятие приходов у светского духовенства вызывает настоящий скандал. Неужели не боятся довести его до отчаяния? Разве оно недостаточно страдало и неужели его ожидают еще большие страдания? Кто сможет ручаться, что испытанная верность этого духовенства не превратится в ненависть…

Разве не дали понять некоторые индийские священники, что если бы американцы или немцы захватили Филиппины в войне с Испанией, они приняли бы врагов как освободителей…»

Архиепископ не только сам послал протест, но, по его указаниям, патер Бургос, после некоторых колебаний, согласился составить верноподданническую петицию испанскому королю. В петиции, собравшей более трехсот подписей, испрашивалось разрешение на предоставление приходов филиппинцам.

На суде все это было превращено в улики против обвиненных священников. Но этого было еще недостаточно, чтобы добиться их смерти за участие в подготовке вооруженного восстания в Кавите. Чтобы добиться обвинительного приговора, монашеским орденам пришлось, по словам современников, дать громадные взятки судьям.

Все обвинение было построено на лжесвидетельских показаниях одного запуганного крестьянина, которому в награду была обещана свобода, хотя впоследствии власти поспешили казнить его вместе с осужденными священниками.

Пятнадцатого февраля был вынесен приговор. Три филиппинских священника и свидетельствовавший против них крестьянин были осуждены на смертную казнь. Остальные обвиняемые, в том числе многие представители крупной буржуазной интеллигенции, были приговорены к ссылке и каторге на сроки от двух до десяти лет.

Семнадцатого февраля 1872 года на Багумбаянском поле,

столько раз обагрявшемся кровью казненных сыновей филиппинского народа, была произведена казнь над популярными священниками.

Публичные казни на Багумбаянском поле всегда превращались испанцами в массовое зрелище, рассчитанное на устрашение масс.

Испанская знать охотно съезжалась в роскошных экипажах полюбоваться на кровавое зрелище. Весело болтая и раскланиваясь с знакомыми, «благородные» кастильянки и кастильцы с жадным любопытством следили за предсмертными судорогами удавливаемых жертв. Чаще всего осужденных гарротировали. Гаррота, особо жестокий способ казни, заключался в том, что на шею крепко привязанного к столбу осужденного надевался специальный ошейник, и палач, сдавливая ошейник рычагом, ломал ему шейные позвонки.

После объявления приговора осужденных священников переправили в церковь поблизости от места казни. Здесь они должны были провести свою последнюю ночь. Их везли в карете, под сильным конвоем. Улицы были запружены народом, встречавшим появление кареты овациями. Весь день и всю ночь толпы народа шли на поклонение осужденным, которых бессмысленная и близорукая месть монахов уже начала превращать в героев и мучеников.

Из Булакана, Пампанги, Кавите и других провинций многие филиппинцы пришли в последний раз взглянуть на осужденных. Воспитанный в религиозных суевериях, народ видел в «своих падре» не только «святых мучеников», но и борцов против эксплуатации монашескими орденами, против всех несправедливостей национального угнетения.

В семь часов утра барабанная дробь возвестила, что печальное шествие тронулось. Среди сорокатысячной толпы, собравшейся вблизи эшафота, воцарилось гробовое молчание.

Впереди вели несчастного лжесвидетеля Сальдуа. Он был до последней минуты уверен, что его помилуют, и шел улыбаясь. За ним в сопровождении монахов шли осужденные священники. Они были в рясах: архиепископ отказался — в пику монахам — лишить их сана, несмотря на осуждение. Бургос плакал; лишившийся рассудка в момент объявления приговора, Замора глядел безумным, ничего непонимающим взором. Бодрый восьмидесятипятилетний старик Гомес держался покойно. Последним был удавлен патер Бургос. Перед смертью Бургос еще раз в слезах крикнул, что он умирает невинным. Это вызвало движение в многочисленной толпе безмолствовавшего народа. Среди испанцев возникла паника. Боясь гнева толпы, они

бросились бежать. В этот момент на площади появился впереди блестящей свиты генерал-губернатор Изкиэрдо. Толпа стала медленно расходиться. Все было окончено.

Негодование народа и живые симпатии к казненным еще не могли вылиться в активный протест. Но трагически погибшие священники остались символом народного негодования. Их имена, как увидим, станут знаменем и паролем будущей национально-освободительной революции 1896 года.

Двадцать лет спустя Хосе Ризаль посвятил памяти казненных свой второй роман «Эль Филибустеризмо». В посвящении он писал:

«Памяти священников Дона Мариано Гомес (85 лет), дона Хосе Бургос (30 лет) и дона Хасинто Замора (35 лет), казненных на Багумбаянском поле 28 февраля 1872 года.

Церковь, отказавшись лишить вас сана, заставила сомневаться в возведенном на вас преступлении; правительство, окружив ваш процесс тайной и мраком, заставило верить, что в роковой момент была допущена какая-то ошибка, и все филиппинцы, чтя ваши имена и называя вас мучениками, не признали вас виновниками. Хотя ваше участие в Кавитском восстании недостаточно доказано, хотя вы могли быть или не быть патриотами, лелеять или не лелеять чувства справедливости и свободы, я имею право посвятить свою работу вам, как жертвам того же зла, с которым я борюсь…»

У отцов-иезуитов

Случаю было угодно, чтобы юный Хосе, попав в Манилу, оказался в семье одного из казненных патеров — молодого и популярного Бургоса.

Старшего брата Хосе — Пасьяно Ризаля уже раньше отправили учиться в Манилу, в коллегию Сан-Хосе. Воспитателем в ней был казненный впоследствии Бургос, очень полюбивший Пасьяно. Брат Ризаля жил в семье воспитателя, близко сошелся с ним и его родными. Он был уже отнесен властями к числу филиппинских патриотов и даже не был допущен к выпускным экзаменам. Таким образом, Хосе сразу вошел в среду, проникнутую горечью недавней утраты и ненавистью к монахам — виновникам гибели Бургоса. Впечатления от рассказов о жестокой расправе и преследованиях по отношению ко всем либеральным элементам в Маниле упали на почву, подготовленную семейным несчастьем. Приезд Ризаля в Манилу задержался из-за ареста матери и заключения ее в сантакрусскую тюрьму.

В Маниле впечатлительного ребенка преследуют те же картины жестокости колониальных властей. Они затмевают блеск столицы с пышными религиозными процессиями, затейливыми праздниками и иллюминациями, которые устраивают в своих дворцах откупщики-метисы, разбогатевшие на подрядах и новых налогах.

Картины эти, изображенные с художественным реализмом, составляют наиболее яркие страницы романов Хосе Ризаля.

Одно из первых впечатлений Ризаля в столице — измученные принудительной работой арестанты-туземцы, одетые в лохмотья, с ногами, израненными кандалами, дробящие камни для новой мостовой и умирающие тут же, в пыли, под лучами палящего солнца, а рядом равнодушная толпа привыкших к такому зрелищу городских обывателей. «Это трогало лишь его, одиннадцатилетнего мальчика, только-что приехавшего из деревни, ему это снилось потом ночью «тяжелым кошмаром», — пишет Ризаль в романе «Не касайся меня».

У юноши зреет протест против несправедливости и равнодушия окружающей среды, но он еще далек от сознания необходимости бороться за национальное освобождение.

Даже у взрослых филиппинских буржуазных патриотов того времени жестокости колониального режима еще не выковали воли к борьбе с испанским господством. Улучшений в жизни колонии, ограничения роли монахов филиппинская буржуазия

ждала в виде реформ от испанской короны. Надежды на уравнение в правах испанских и филиппинских подданных королевы путем либеральных реформ и указов были еще очень сильны даже у наиболее культурной части населения страны.

Хотя Ризаль блестяще выдержал вступительные экзамены, ему едва не отказали в приеме в школу — занятия в «Атенеуме» уже начались, а он к тому же казался таким маленьким и тщедушным. Но вот все улажено, и Хосе с увлечением окунулся в школьную жизнь. Как интересно нарядиться в белый «американский» костюм с галстуком и в первый раз отправиться в столичную школу!

Иезуитская коллегия в Маниле, носившая громкое название «Муниципального Атенеума», считалась в то время лучшим учебным заведением Филиппин.

Активные участники захвата и покорения Филиппин, отцы-иезуиты утратили к этому времени свое былое могущество и должны были завоевывать влияние заново. Еще в 1767 году, одновременно с изгнанием иезуитского ордена из Испании, иезуиты были изгнаны и с Филиппин. Колониальные власти получили распоряжение конфисковать все земли и имущество иезуитского ордена на островах и насильно выслать иезуитов с архипелага. В случае сопротивления, приказано было поступать с ними как с мятежниками.

Говорят, что вследствие попустительства властей иезуитам все же удалось вывезти свои сокровища. Но стоимость конфискованной недвижимости превысила 3,3 миллиона песо, сумму по тому времени — огромную.

Королевским указом 1852 года иезуиты были вновь допущены на Филиппины, но вернуть былое величие им уже не удалось. Их бывшие приходы захватили другие монашеские ордена. Громадные поместья, взятые в казну, разделили между собой испанские помещики и монахи. Монашеские ордена, всегда соперничавшие между собой, очень неодобрительно смотрели на возвращение иезуитов и вовсе не склонны были уступать им свою долю в грабеже филиппинского населения.

Восстановление иезуитского ордена в Европе в XIX веке было продиктовано стремлением католической церкви и колеблющихся королевских тронов использовать это испытанное орудие реакции. Открывая иезуитам доступ в колонии, королевская власть Испании рассчитывала использовать их для идеологической обработки филиппинского населения, для внедрения в мозги юношества чувства лояльности к «родине» — Испании и к «святой католической церкви».

Иезуитам было запрещено владеть приходами и землями на

всем архипелаге, кроме крупного южного острова Минданоо, сравнительно недавно окончательно покоренного Испанией; зато им было поручено школьное дело.

Иезуиты с громадным искусством пытались использовать эту работу для распространения своего влияния на филиппинскую буржуазно-помещичью интеллигенцию. Очень характерна в этом отношении была постановка учебного дела в манильском «Атенеуме». В поисках популярности среди зажиточных слоев отцы-иезуиты обратились к некоторым передовым для Филиппин и мало практиковавшимся там педагогическим методам. Они демонстративно старались не делать различий между мальчиками, к какой бы национальности те ни принадлежали. Против всякого обыкновения, предпочтение отдавалось не испанскому происхождению ученика, а его развитию и знаниям. Этими, более тонкими, методами иезуитам удавалось искуснее подавлять растущие национальные идеи и недовольство испанским господством.

Не будь этой тактики иезуитов, Хосе Ризалю, конечно, не пришлось бы первенствовать в школе, несмотря на все его способности и таланты.

И все же нарочитое беспристрастие преподавателей не могло искоренить национальной розни среди воспитанников «Атенеума»: испанцы презирали «жалких индейцев», филиппинцы платили им жгучей ненавистью, хотя и тщательно скрываемой. Антагонизм сплошь и рядом прорывался в драках между воспитанниками разных лагерей.

Наблюдательный Хосе вскоре стал замечать, что испанцам вовсе нечем гордиться перед филиппинцами. Филиппинцы были нисколько не глупее и учились не хуже испанцев, хотя им приходилось преодолевать трудности мало знакомого большинству их испанского языка, на котором велось преподавание в «Атенеуме». Умственное превосходство белой расы, которым так кичились испанцы, оказалось пустым звуком, предрассудком, основанным только на военной мощи победителей. Постепенно Хосе убедился, что колонизаторы сильны не умом, талантами и превосходством характера, а только неорганизованностью филиппинцев, отсутствием у них уверенности в себе — результатом их векового бесправия и эксплуатации. Пусть его народ получит равные права с испанцами — он сумеет проявить себя и доказать, что цвет кожи не играет никакой роли в умственном и нравственном развитии человечества.

Недюжинные способности Хосе проявились с перовых же дней обучения. Через месяц он получил к своему восторгу награду за

успехи, через три месяца — другую и громкое звание «императора». Для поощрения прилежания и успеваемости воспитанников «Атенеума» делили на две империи — «римскую» и «греческую», постоянно соревновавшиеся между собой. Лучший ученик назывался «императором». В течение трех месяцев «индио» Хосе Ризаль продвинулся с последнего места, как позже всех поступивший, до вершины школьной славы. Через два-три года он был, уже всеми признанной гордостью «Атенеума».

Блестящие дарования соединились у него с необычайной трудоспособностью и серьезным отношением к делу. Мягкий и мечтательный мальчик обладал силой воли. Уже в юные годы он приучил себя, без всякого понуждения старших, к систематическому распределению времени. Он составил себе расписание занятий на каждый день и строго, не только в школе, но и в быту, придерживался его: столько-то времени на приготовление уроков, столько-то на чтение, от четырех до пяти часов гуляние и игры, от пяти до шести рисование и т. д. Он всегда держал себя в руках, не допуская отклонений от раз намеченной программы. Ни одна минута не пропадала у него даром. Получая за успехи в науках награду за наградой, он находил время с увлечением заниматься поэзией, скульптурой и рисованием. Он успевал даже писать какие-то трактаты по химии. Вспоминая свою юность, Ризаль писал: «Я всегда старался жить, согласно своим принципам и исполнять тяжелые обязанности, которые взял на себя».

Хотя «Атенеум» и считался в Маниле передовым учебным заведением, преподавание велось в нем из рук вон плохо. Схоластические методы — полное отсутствие каких бы то ни было наглядных пособий, неподготовленность учителей, не умевших разобраться в запросах учеников, мало способствовали умственному развитию учащихся. Нужна была вся целеустремленность Ризаля, чтобы получить в иезуитской коллегии какие-то знания.

Но Ризаль всегда с удовольствием вспоминал годы, проведенные в «Атенеуме». Искусной тактикой иезуиты достигли своих целей — он сохранил даже благодарное чувство к руководителям.

Наставникам и товарищам Хосе импонировали его блестящие успехи и знания. Одинаково легко он рисовал, лепил и сочинял поэмы и пьесы на испанском и тагалогском языках. В декабре 1875 года, пятнадцатилетним мальчиком, он написал по-испански поэму «Отплытие» — гимн в честь Магеллана и его флота, а спустя полгода — поэму «Просвещение», в которой воспевал благодеяния науки. Обладая живейшим чувством

юмора, Ризаль несколькими штрихами карандаша набрасывал зарисовки и карикатуры на окружающих.

В эти годы Ризаль много читал. Особенно увлекался он романом «Граф Монте-Кристо», прочитанным им в испанском переводе. Незаслуженные страдания Эдмонда Дантеса казались ему созвучными переживаниям его матери во время двухлетнего заключения ее в тюрьме. Влияние этого романа частично сказалось на композиции второй части знаменитого романа Ризаля «Не касайся меня», на романе «Эль Филибустеризмо». Никем не узнанный и сказочно богатый герой пытается отомстить своим врагам за все несчастья, пережитые им, его невестой и родиной. Среди множества прочитанных в этот период книг одна затронула Ризаля особенно глубоко. Это был испанский перевод «Путешествия по Филиппинам» немецкого натуралиста Ф. Ягора. Хосе встретил у Ягора отклик и, может быть, ответ на смутно волновавшие его думы. Не ограничиваясь описанием флоры и фауны Филиппин, немецкий ученый коснулся в своей работе судьбы филиппинского народа. Он утверждал, что филиппинцы — народ, богато одаренный, которому еще предстоит сказать миру свое слово. Естественному развитию народа мешает только иноземный деспотизм, господствующий при помощи грубого насилия и жестокостей. Ягор проводил параллель между методами административного управления в испанской колонии, с одной стороны, и строем Соединенных Штатов, которые он перед тем объехал, — с другой. Ягор подчеркивал влияние Соединенных Штатов на испанские колониальные владения. «…Пленительное, магическое влияние, распространяемое великой республикой на испанские колонии, не может не дать себя почувствовать Филиппинам… Испанскую систему управления ни на минуту нельзя сравнивать с американской системой… Филиппинам не избежать воздействия двух великих держав (Соединенных Штатов и Англии), тем более, что ни колония, ни ее метрополия (Испания) не отличаются прочностью и устойчивостью положения». При этом Ягор отдает себе ясный отчет в неизбежности попыток захвата Филиппин более мощными капиталистическими странами, в том числе и Соединенными Штатами. Но, восхваляя филиппинский народ, он все же не может поставить его на один уровень с европейцами и американцами и не находит для Филиппин лучшего выхода, как сохранение испанского господства. Он пишет: «Желательно, однако, для туземцев, чтобы идеи освобождения не превратились слишком скоро в свершившийся факт, так как туземцы не подготовлены ни воспитанием, ни образованием к соревнованию с любой из этих энергичных, творческих и прогрессивных наций».

На Ризаля, по натуре не являвшегося борцом, эти мысли Ягора произвели громадное впечатление.

Да, его народ невежественен и суеверен. Прежде чем добиваться свободы, его надо учить и учить. В этом Ризаль видит свое призвание. Он посвятит жизнь пробуждению и просвещению филиппинского народа. А затем над просвещенными и объединенными филиппинцами должно засиять солнце свободы.

Школьные дни в «Атенеуме» текли, заполненные разнообразными занятиями. Ризаль по-прежнему с увлечением занимается живописью и скульптурой, пишет стихи, получает награды за школьные успехи.

Праздники и каникулы Хосе всегда проводил у родителей в Каламбе. Он приезжал туда с карманами, полными стихов, чтобы представить их на суд матери — своего первого литературного наставника.

За три года пребывания в «Атенеуме» Хосе из мечтательного мальчика превратился в юношу с твердыми правилами, со строго организованным распорядком дня, позволявшим охватить те разнообразные знания, которые он стремился приобрести.

Жажда знаний была у Ризаля поистине огромна. Но усиленные занятия науками, живописью и поэзией не мешали Хосе участвовать в шалостях и драках своих сверстников и переживать первые страдания несчастной любви. Уже в первые годы пребывания в «Атенеуме» двенадцатилетний Хосе «безнадежно любит» неизвестную пансионерку. Он предается меланхолии и задумчиво бродит по лесам. Но новая любовь к двоюродной сестре Леоноре излечивает его от первого чувства.

Леонора была дочерью дяди Антонио Рибера, брата матери Хосе. Она родилась в 1867 году в Камилинге, в провинции Тарлак. Впоследствии семья переехала в Манилу, и маленькую Леонору отдали в приготовительный класс женской коллегии «Конкордия». Здесь же училась и одна из девяти сестер Ризаля — Соледад.

Навещая по праздникам свою сестру, Хосе подружился с кузиной.

Девочка была не только хороша собой, но умна и понятлива. Она с восторгом слушала речи своего талантливого родственника. Леонора обладала прекрасным голосом и считалась лучшей пианисткой в коллегии «Конкордия», где музыка и молитвы были главными предметами изучения.

Вскоре Хосе пришлось еще больше сблизиться с семьей дяди.

Семья Рибера сдавала в своем просторном доме комнаты студентам «Атенеума» и университета; вскоре к числу жильцов присоединился и Хосе. Братские чувства Хосе к Леоноре

постепенно принимали характер увлечения.

Однажды молодого предводителя филиппинских сил «Атенеума» доставили после побоища домой с разбитой головой, покрытого славой и кровью.

Хосе и прежде не раз случалось возвращаться домой избитым в схватках с учениками-испанцами, но Леоноре никогда не доводилось при этом присутствовать.

На этот раз вид раненого героя тронул сердце девочки. Через год, в 1878 году, с согласия родителей, Хосе и Леонора уже были официально обручены.

Жениху было не более семнадцати лет, невесте — одиннадцать. Обычай обручать детей, часто даже без их согласия, был очень распространен на Филиппинах.

Дядя Антонио охотно видел в Ризале будущего зятя. Пылкий и талантливый юноша, блестяще окончивший «Атенеум» и зачисленный в 1877 году в манильский университет св. Фомы, нравился ему всегда. Даже впоследствии, когда на Хосе обрушились гонения монахов и колониальных властей, дядя пытался помочь ему. Он был одним из тех, кто облегчил Ризалю возможность тайного бегства в Европу.

Выбор карьеры

Двадцать шестого марта 1876 года Хосе Ризаль окончил «Атенеум» со степенью бакалавра искусств, единственной степенью, которую давало это учебное заведение. Ему предстоял выбор дальнейшей специальности. Выбор был крайне ограничен. Для филиппинского юношества были открыты только две возможности — стать юристом или врачом. Философский факультет был монополизирован испанцами. Университет св. Фомы, единственный на Филиппинах, был старейшим учебным заведением островов. Основан он был еще в 1603 году, через тридцать три года после захвата Манилы испанцами.

В университете уже почти три века властвовали доминиканцы, наложившие на немногие предметы, преподаваемые в университете, свою мертвящую теологическую печать. Всякая свободная мысль душилась в университете св. Фомы самым откровенным и неприкрытым иезуитскими ухищрениями образом.

В апреле 1877 года Ризаль зачислен в университет. Но это — уже не прежний мальчик, попавший в Манилу из маленького провинциального городка, преклоняющийся перед героическими фигурами испанской истории и воспевающий Магеллана.

Столкновение с жизнью и с представителями молодого либерального поколения нарождавшейся филиппинской буржуазии способствует росту его критического отношения к колониальной действительности. Ризаль — еще верный сын Испании, но в то же время он уже осознает себя филиппинцем. Он желает бороться за лучшее будущее своей родины, он хочет видеть превращение ее из падчерицы Испании в ее любимую дочь.

После подавления Кавитского восстания испанская реакция сумела на время создать на Филиппинах иллюзию успокоения. «Порядок» поддерживался продолжавшимися арестами и высылками из Манилы представителей либеральной интеллигенции. Эти репрессии временно приглушили на Филиппинах всякое открытое обсуждение и требование реформ, самую умеренную критику колониального управления и монашеского засилья.

Но репрессии не могли остановить процесса постепенного формирования национально-освободительных идей. Экономические предпосылки для национального объединения островов усиливаются вместе с проникновением капитализма. Сахарные плантации и заводы, табачные фабрики подчиняют себе отдаленные провинции, втягивают крестьян в производство

товарных сырьевых культур.

В своих романах Ризаль впоследствии прекрасно показал надежды безземельных крестьян и бедняков, скопивших ценой лишений сумму, необходимую, чтобы арендовать участок земли и засадить его сахарным тростником. Но не менее ярко отражены в произведениях Ризаля и те противоречия, неразрешимые в рамках неограниченного господства монашеских орденов и произвола чиновничества, на которые наталкивалось развитие производительных сил колонии.

В романе «Эль Филибустеризмо» история крестьянина Талеса, такай типичная для Филиппин, трагична по своей простоте и обыденности.

В жестокой борьбе с природой и лишениями бедная семья отвоевывает у девственного леса клочок пашни. Во время расчистки гибнут от малярии жена и дочь Талеса… Но земля расчищена, уже посажен сахарный тростник. Отец и дед мечтают о будущих доходах, об отправке второго ребенка учиться в Манилу — заветное стремление каждого филиппинца. Но появляются представители монашеского ордена, которому принадлежат все лучшие земли округа. Монахи претендуют и на расчищенный с такими муками клочок земли, они требуют арендную плату. Пустяки, всего несколько песо в год. Талес решает заплатить эту скромную сумму. Она кажется ему незначительной, он ждет хорошего урожая. Создается прецедент. С каждым годом алчные монахи без всякого права требуют все более и более высокой арендной платы.

Возмущенный крестьянин начинает неравную борьбу в продажных судах. Конечно, монахи торжествуют. Жизнь нескольких «индио» загублена, зато на несколько гектаров увеличились владения монашеского ордена.

Так уродливо преломляются в колониальных условиях испанских Филиппин проникающие капиталистические отношения. Усиливается глухое недовольство широких трудящихся масс.

Мрачный режим политического бесправия и попытки подавить всякую мысль о реформах только ускоряют рост недовольства передовой части населения.

Пропаганда реформ переносится за пределы колонии. Растет число вольных и невольных эмигрантов в европейских столицах, в Гонконге, даже в Америке и Австралии.

Между эмигрантами и Манилой налаживается живая связь. Несмотря на все препятствия властей, на острова проникают испанские оппозиционные либеральные газеты. Даже среди испанских колонизаторов на Филиппинах растет число

приверженцев реформы одряхлевшего испанского абсолютизма. Их подогревают многочисленные, хотя и неудачные, революционные восстания и военные перевороты в далекой метрополии. Среди испанских резидентов на Филиппинах уже возникают первые масонские ложи. Некоторые втайне являются карлистами — страшное преступление, за которое карает королевская власть.

В этих условиях, прикрываемые внешней лояльностью колониальным властям и церкви, растут либеральные настроения среди филиппинской буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции.

В университете Ризаля ждет разочарование. Он встречает там не только мертвящую схоластику преподавания, но и враждебное отношение к себе руководителей-доминиканцев.

Извечное соперничество между доминиканцами и иезуитами вызвало в университете недоброжелательство к лучшему ученику иезуитской коллегии.

В юном Ризале, с его стремлением быть полезным своему народу и горячей любовью к своей родине, монахи видели будущего опасного «патриота» и либерала.

Несмотря на неблагоприятную обстановку в университете, Ризаль с обычным увлечением углубляется в занятия медициной. Он решает стать врачом. Ему кажется, что в качестве врача он сможет принести наибольшую практическую пользу филиппинскому народу. Действительно, отсутствие медицинской помощи увеличивало гибельные последствия различных эпидемий, косивших десятки тысяч человек ежегодно. Не только малярия и туберкулез поражали целые районы Филиппин, но и холера никогда не прекращалась даже в предместьях Манилы. Толпы прокаженных бродили по дорогам страны и протягивали за подаянием кокосовые чашки своими изъеденными язвами руками у дверей бесчисленных церквей. Оспа и различные глазные болезни — результат грязи, нищеты и скученности — лишали зрения тысячи филиппинцев.

Изучая медицину, Ризаль не забывает свои литературные увлечения. Тематика его поэтического творчества уже отражает изменения в его мировоззрении.

В 1879 году манильский «Лицей искусства и литературы» объявил конкурс филиппинских поэтов «туземцев и метисов». Девятнадцатилетний Хосе посылает на конкурс свои стихи и получает премию. Представленное им стихотворение называлось «К филиппинской молодежи». Оно уже свидетельствует о пути, пройденном молодым поэтом от гимнов в честь Магеллана к воспеванию национальной идеи, хотя еще в очень робкой и

вполне лояльной форме. В этом стихотворении уже звучат те гражданские мотивы, которые в дальнейшем превращаются в основную ось литературных произведений Ризаля. Поэт призывает своих сверстников вести Филиппины к светлому будущему, взывая к «величавому гению своей страны», называя филиппинское юношество «прекрасной надеждой отечества».

Призыв нашел живой отклик в сердцах филиппинской молодежи. Еще в «Атенеуме» вокруг Хосе группировались воспитанники-филиппинцы. После появления обращения «К филиппинской молодежи» имя Ризаля становится популярным в национально-прогрессивных кругах.

Вместе с тем стихи и то впечатление, которое они производили на филиппинское общество, привлекают к Ризалю опасное внимание властей и официальной печати. Филиппинцам того времени не полагалось знать другого отечества, кроме Испании. Надо было забыть собственную историю и культуру, как не стоящие внимания. Три века испанские монахи делали все возможное, чтобы уничтожить даже всякие следы литературы, когда-то существовавшей на островах. И вдруг «дерзкий индио» осмеливается обращаться к филиппинцам, как к сыновьям своей страны, к гению своей страны, называет Филиппины своим отечеством. Эта неслыханная дерзость и должна была создать Ризалю в глазах властей репутацию опасного патриота и вольнодумца.

В 1880 году манильский «Лицей искусства и литературы» объявил новый конкурс по случаю… юбилея Сервантеса (333 года со дня рождения). Ризаль написал аллегорическую поэму «Совет богов», за которую ему также была присуждена первая премия. Но на этот раз Ризаль не получил ее. Когда выяснилось, что автор премированного сочинения — филиппинец, премию передали какому-то испанцу. Хосе тяжело переживал оскорбление, нанесенное ему лично и в его лице всему его народу. Он попытался отомстить драмой в стихах «На берегу Пасига», публично разыгранной 8 декабря 1880 года воспитанниками «Атенеума», — молодой поэт не терял с ними тесной связи и после поступления в университет.

Уже то обстоятельство, что пьеса Ризаля могла быть разыграна учениками иезуитской коллегии, достаточно свидетельствует о ее невинном характере. Однако отдельные места были нетерпимы с точки зрения колониальных властей. Одним из действующих лиц пьесы Ризаль вывел самого сатану и заставил его произносить обличительные речи против Испании и ее колониальной политики. На представлении присутствовали, как полагалось, члены тайной полиции. Они, конечно, заметили

впечатление, произведенное на публику святотатственными монологами: «Хороша Испания! Даже самому дьяволу от нее тошно», — и не замедлили донести об этом.

Отношение колониальных властей к Ризалю определилось. Он был причислен к неблагонадежным элементам, на которые в любой момент могла обрушиться карающая рука испанского «правосудия». Становилось ясно, что Хосе Ризалю не придется окончить манильский университет, что так или иначе колониальная администрация сумеет устранить его.

Приблизительно в это же время с ним произошел еще один очень характерный инцидент, ярко иллюстрирующий бесправие филиппинского населения, произвол и жестокость колонизаторов. Этот случай прибавил последнюю каплю в и без того переполненное обидой за себя и за свой народ сердце молодого человека.

В одно из своих посещений отцовского дома в Каламбе Хосе как-то вечером вышел на улицу. Попав из яркого света в темноту тропической ночи, он не мог заметить и узнать проходившего мимо человека. Внезапно прохожий повернулся к нему с бранью и ударил его шпагой по спине. Хосе слишком поздно обнаружил, что это был жандарм гражданской гвардии, которому он, как филиппинец, должен был низко поклониться. На испанцев это правило не распространялось, но филиппинцы обязаны были выражать таким способом преданность правительству и престолу. Не снявший шляпы перед таким важным лицом Ризаль являлся виновным чуть ли не в оскорблении величества.

Ризаль попробовал пожаловаться на жандарма, но встретил лишь презрительное равнодушие. У «индио» не было прав, которые испанский солдат должен был бы уважать. Лучше бы Ризалю не поднимать шума из-за пустяков, а поблагодарить «оскорбленного» им солдата за то, что тот пощадил ему жизнь.

Горечь обиды за несправедливо отнятую премию, оскорбления, полученные от испанского солдата, и, главное, презрительное невнимание к его жалобам впервые заставляют Ризаля подумать об отъезде с Филиппин, прислушаться к советам друзей, которым он раньше энергично возражал.

Друзья и родные Ризаля уже давно советовали ему уехать за границу и там закончить свое образование. Они убеждали его покинуть свою страну, прежде чем преследования властей обрушатся на него. Доказывали, что филиппинец не в силах ничего добиться на родине. И только получив специальное образование в Европе или Америке, сможет завоевать признание на Филиппинах.

Но выбраться с Филиппин Ризалю было не так-то легко.

Чтобы выехать, надо было, помимо денег, получить паспорт, а молодой поэт был, конечно, последним, кому полиция выдала бы его. Опасно было выпустить из-под надзора этого певца «своего отечества», осмеливающегося критиковать метрополию и сеющего мятежные идеи в умах туземной молодежи.

Наконец, после долгих хлопот друзьям Ризаля удалось обойти все препятствия. Двоюродный брат Хосе умудрился достать заграничный паспорт на чужое имя, брат Пасьяно и дядя Антонио, отец его невесты Леоноры, раздобыли денег, сестра Люсия отдала свое бриллиантовое кольцо, отец также обещал свою денежную поддержку.

Чтобы обмануть бдительность полиции, Хосе уехал из Манилы в Каламбу якобы погостить к родителям. Шифрованной телеграммой его известили о времени отхода парохода. Он тайно вернулся в Манилу и пробрался на пароход, где мы и застали его.

В Мадриде

В Маниле и Каламбе исчезновение Ризаля вызвало большой переполох. Заметая следы беглеца, верный Пасьяно бегал по городу в поисках «пропавшего» брата и даже туманно намекал на возможность убийства или самоубийства.

Жандармы обыскали и перерыли всю Каламбу. Вся манильская полиция была поставлена на ноги. Хосе искали так, словно скрылся не молодой поэт, автор нескольких вольнодумных стихотворений и пьес, а государственный преступник, колеблющий основы испанского колониального господства на Филиппинах. Когда факт отъезда за границу был окончательно установлен, негодование властей и монахов не знало предела — они чувствовали в Ризале будущего опасного врага. Он должен будет ответить за свое дерзкое бегство, а вместе с ним понесут ответственность и его родственники — все Меркадо, Ризали и Реалондо.

Но время расправы еще не наступило, да и сам «преступник» был недосягаем. Виновник полицейской суеты достиг благополучно Сингапура. Здесь он благоразумно пересел на французский пароход и через Марсель прибыл в Барселону.

Широко раскрытыми глазами глядел вырвавшийся из колониальной тюрьмы юноша на мир. Без устали заносит он свои наблюдения в записную книжку и делает многочисленные меткие карандашные зарисовки.

В Барселоне, где в то время находилось уже довольно много филиппинцев, Ризаль прожил несколько месяцев, с интересом приглядываясь к никогда не прекращавшемуся революционному брожению. О Барселоне, одном из немногих крупных промышленных городов Испании, Энгельс писал, что история его знает больше баррикадных боев, чем история какого бы то ни было другого города в мире.

Ризаля поражает относительная свобода слова и печати, так непохожая на нетерпимость и жестокую цензуру клерикальных властей на Филиппинах. Почему в Барселоне можно выражать, даже в печати, мнения, за которые в Маниле не миновать казни на Багумбаянском поле? — задает себе вопрос Ризаль. Испания и Филиппины находятся под властью одного короля, правительству одинаково несносны критика и революционные выступления как в Барселоне, так и в Маниле, но почему же такая несоизмеримая разница? И ему кажется, что причину следует искать в недостаточном объединении филиппинского народа, в отсутствии солидарности и культуры. Надо нарушить вековую спячку,

пробудить национальное самосознание народа, победить его инертность — результат векового угнетения.

Ризаль направляется в Мадрид и в том же 1882 году поступает на медицинский факультет университета. Следующие годы — период упорной и напряженной работы. Страстно и целеустремленно Ризаль отдается углубленному изучению медицины. Не довольствуясь этим, он одновременно посещает философский факультет, а вне университета занимается живописью и лепкой, изучает языки.

Языками Ризаль овладевал с поразительной легкостью. С детства он, кроме родного тагальского языка, знал испанский; в школе усвоил греческий и латинский; в Мадриде овладел французским, английским и итальянским языками. Позже к ним прибавилось знание немецкого, арабского, санскритского и древнееврейского языков и каталонского наречия. Английским языком он пользовался для записи путевых впечатлений, немецким — для научных работ, французским — для переписки с друзьями, испанским — для политических памфлетов и беллетристики, тагальским — для популярной литературы.

В мадридском университете Ризаль быстро обратил на себя всеобщее внимание. Не прошло и нескольких недель, как весь университет говорил о талантливом филиппинце, его блестящих успехах во всех науках и о его монашеской жизни. Он почти не показывался в кафе, клубах и кабачках, где любили проводить время студенты.

Кружок друзей Ризаля состоял из десятка-другого филиппинцев, одного англичанина и одного немца. Друзья собирались в скромном маленьком кафе почитать лондонские газеты, поиграть в шахматы или домино. Показываясь здесь довольно редко, Ризаль неизменно являлся душой и центром всего кружка. Он непрочь был поиграть в шахматы, и играл очень хорошо, но предпочитал горячие споры. Часто, слушая речи товарищей, он делал наброски карандашом, карикатуры, к сожалению, не сохранившиеся. В последнее свое посещение этого кафе перед отъездом из Мадрида он набросал на мраморе непокрытого стола карикатурные портреты всех присутствовавших. Их стерла тряпка лакея, но через несколько лет хозяин кафе дорого дал бы, чтобы они уцелели. Их стоимость превысила бы, пожалуй, стоимость всего кафе. В Мадриде Ризаль вел ту же трудовую жизнь, к какой привык еще в «Атенеуме». Усиленные занятия медициной не мешали ему поглощать массу книг исторического и политического содержания, изучать французских, немецких и английских классиков. Особенно увлекался он историей Соединенных Штатов, видя в ней урок

национально-освободительной борьбы колоний. Единственное развлечение, которое он себе позволял, было посещение театра, когда это допускал его тощий кошелек. Присылаемых из дому денег не всегда хватало даже на его скромную жизнь, и он вынужден был давать уроки.

В Мадриде, как и в Барселоне, Ризаль еще далек от активной политической жизни. В среде филиппинских эмигрантов, с которыми он был более или менее тесно связан, пробуждение национально-освободительных идей находилось в этот период в самом зачаточном состоянии.

Бежавшие от угрозы арестов и преследований зажиточные филиппинские семьи, европейски образованная филиппинская молодежь пока осмеливались мечтать лишь о скромных реформах, даруемых самой Испанией. Поддержку своим надеждам либеральная филиппинская интеллигенция искала у прогрессивной части испанской буржуазии.

Нарождавшаяся испанская промышленная буржуазия видела необходимость реформ существовавшей системы колониального управления, мешавшей более современной эксплуатации колоний. Антиклерикальные круги испанской интеллигенции стремились ограничить политическое и экономическое засилье монашеских орденов в колонии.

В 1882 году, в год поступления Ризаля в университет, в Мадриде возникает испано-филиппинский кружок. Он пытается издавать свой орган «Журнал испано-филиппинского кружка». Однако организационная и идейная слабость либеральных основателей кружка сказывается и на журнале. Его направление — колеблющееся, неопределенное. Журнал быстро прекращает свое существование, сыграв все же известную роль в объединении умеренных либеральных сторонников реформ в Испании и на Филиппинах.

Как бы перекликаясь с ним, в том же году в Маниле возникает журнал «Диорионг Тагалог», основанный Марсело дель Пиларом. Несмотря на все репрессии колониальной цензуры, этот журнал достаточно сильно отражает протест филиппинского народа против угнетения и произвола испанских монахов.

Таким образом, Мадрид не явился для молодого Ризаля той школой, в которой его искренние, но смутные стремления помочь своей родине и своему народу могли бы получить действенное устремление.

Первые литературные шаги Ризаля в Европе — статьи, стихи, очерки, напечатанные в «Ревиста» и других органах, еще далеки от тех социальных мотивов, которые впоследствии развернулись в широкое полотно обличительного романа.

Помимо специальных научных статей, он печатает ряд лирических стихов, очерки Мадрида, путевые наблюдения; некоторые его статьи, например «Любовь к родине», находят путь на Филиппины. Дель Пилар помещает их в «Диорионг Тагалог» под псевдонимом «Лаонг Лоан». Напечатанные на родном языке, они проникают в народные массы, будят национальное самосознание филиппинцев.

Изыскивая лучший способ борьбы с невежеством и забитостью своего народа, в чем он видит главное зло Филиппин, молодой студент решает написать большое беллетристическое произведение. В увлекательной романтической форме оно должно пробудить сознание народа, стремление к знанию и единению, показать пути к освобождению от рабской зависимости при помощи просвещения и объединения.

Говорят, что на эту идею Ризаля натолкнуло чтение «Хижины дяди Тома» Бичер Стоу. Другие биографы считают, что Ризаля вдохновил «Агасфер» Эжена Сю.

В «Хижине дяди Тома» картина бесправия и жестокого угнетения негров в Америке невольно напоминала Ризалю хорошо знакомую филиппинскую действительность. В «Агасфере» описания интриг и преступлений иезуитов воскрешали в его памяти произвол и издевательства монахов на далекой родине.

Ризаль предлагал своим филиппинским друзьям из «испано-филиппинского кружка» написать сообща такую книгу и иллюстрировать ее силами филиппинских художников. Но его предложение не встретило отклика. Ризаль принялся за работу один и написал в Мадриде несколько глав. Усиленная подготовка к окончанию университета заставила его прекратить работу над романом, но и после этого Ризаль не переставал его обдумывать.

Не по летам серьезный и образованный, человек разнообразных блестящих способностей, Ризаль был на несколько голов выше своих товарищей. Но он опередил своих сверстников и в другом: он понимал всю необходимость объединения для совместного служения родине. Буржуазная филиппинская молодежь, среди которой приходилось вращаться Ризалю в Мадриде, признавая его авторитет и превосходство, гордилась им. Но Ризалю не удавалось еще объединить своих сородичей в какой-нибудь организации.

Странствия по Европе

В июне 1884 года, в возрасте двадцати двух лет, Ризаль уже окончил университет со степенью кандидата медицины и оценкой «прекрасно». Через год, 19 июня 1885 года, он сдал выпускные экзамены по философии и литературе и получил ученую степень с оценкой «превосходно». Ученая степень доктора медицины была получена им, лишь три года спустя, потому что у него не хватало средств для внесения необходимой платы.

Теперь Ризаль намеревался заняться практикой в лучших глазных клиниках Европы, а попутно изучить политический и общественный строй европейских стран, выяснить основы их прогресса, чтобы перенести все пригодное на родную почву архипелага.

Покинув Мадрид, Ризаль кочует по Европе. Он стремится довести до совершенства свое медицинское искусство, но деятельная мысль толкает его на углубленное изучение все новых проблем.

В 1885 году мы застаем его в Париже неутомимым клиницистом, ассистентом известного окулиста, доктора Веккерта. Через год он уже в Германии — посещает гейдельбергский, затем лейпцигский университеты. Из Лейпцига направляется в Берлин, чтобы работать под руководством знаменитого этнолога Вирхова. Ризаль не прекращает своих упорных медицинских занятий, но в кругу его интересов медицина занимает, быть может, наиболее скромное место.

В длинном списке начатых и часто незаконченных работ Ризаля — статей, планов и набросков исследований — мы почти не встречаем медицинских тем. Отзывы медицинских светил, под руководством которых Ризаль работал в Европе, слава прекрасного врача, привлекшая к нему впоследствии в Гонконге и на Филиппинах десятки пациентов из других стран, свидетельствуют о его высокой квалификации. Но увлекается он не медициной. Ризаль избрал медицину своей специальностью, надеясь, что в качестве врача он сможет принести своему народу наибольшую пользу. Но его привлекают более жгучие социальные проблемы. Уже в Гейдельберге он тщательно изучает психологию, в Лейпциге, затем в Берлине он поглощен этнологией, изучает расовый вопрос. Эти его научные изыскания далеки от сухого академического накопления фактов. Ризаль преследует другую цель — опровергнуть господствующую в буржуазной этнологии теорию «высших и низших рас», теорию, при помощи которой европейские колонизаторы стремятся оправдать и закрепить

подчиненное положение колониальных народов.

Еще в школе у Хосе созрело твердое убеждение, что между повелителями испанцами и угнетенными филиппинцами не существует никакой «естественной», расовой разницы. Наблюдения над товарищами по школе привели его лишь к мысли о большей одаренности представителей его угнетенного народа. На его глазах филиппинские школьники блестяще справлялись с трудностями школьной науки, несмотря на более слабую подготовку и недостаточное знание испанского языка.

Ризаль в юношеские годы пришел к мысли об исключительном назначении филиппинцев, о их особых способностях и превосходстве над другими народами. В этой чрезмерной национальной гордости он сам признавался впоследствии своим европейским друзьям, и в первую очередь венскому профессору Ф. Блюментриту.

С Блюментритом, видным этнологом, знатоком малайских народов и древней малайской истории, Ризаль вступает в переписку, не будучи лично с ним знаком. Их тесная дружба, начавшаяся заочно, не прекращается до смерти Ризаля.

Ризаль чувствует все пробелы своего образования, полученного в испанских школах, где теология (учение о боге) заменяла философию и где почти полностью замалчивались новейшие достижения естественно-исторических наук. Эти пробелы он пытается восполнить в немецких университетах.

С жадностью изучает он ботанику и зоологию, ищет разрешения «расовой проблемы» в трудах и исследованиях европейских ученых. Ризаль критически прорабатывает все крупные труды по этнографии и этнологии. Он пользуется каждым удобным случаем, чтобы глубже изучить быт и уклад европейских народов. Он посещает экономически наиболее изолированные сельскохозяйственные районы Германии и Франции, а впоследствии и Швейцарии, сравнивает их с знакомыми ему условиями филиппинской деревни.

Молодой филиппинский ученый приходит к смелым выводам. Он выступает с критикой «расовой теории», доказывая, что разница в развитии отдельных народов определяется не физиологическими признаками, а в первую очередь их историческим прошлым, социально-экономическими условиями их жизни. «Расы существуют лишь для антропологов, — говорит Ризаль. — Для исследователя народов существуют лишь стадии социального развития. Задача этнолога — определить и установить эти стадии. Как мы различаем геологические слои земной коры, так должны мы различать социальные слои в развитии каждой расы».

Борьба против «расовой теории» является для Ризаля борьбой против неравноправного положения колониальных народов. Он подчеркивает диалектику исторического развития каждого народа: «Народы, которые сейчас умственно развиты, достигли этого развития в процессе длительных изменений и борьбы». Свои положения Ризаль подкрепляет историческими примерами, указывает, что представления римлян о древних германцах были не выше, чем суждения современных ему испанцев о тагалах. Даже Тацит восхваляет древних германцев с той философской идеализацией, с какой последователи Руссо видят воплощение своих политических идеалов в общественном строе Таити.

В научных работах Ризаля отражено его стремление пробудить в своем народе чувство национальной гордости, вызвать потребность добиться высших стадий развития, достигнутых европейскими нациями. Ни на минуту не переставая быть преданным сыном Филиппин, патриотом, горящим желанием помочь своей угнетенной стране, Ризаль своими антирасовыми теориями кует филиппинцам оружие пока еще для мирной борьбы за уравнение в правах с другими народами.

«Не касайся меня»

Через несколько месяцев после переезда в Париж, в 1885 году, Ризаль вновь начинает работу над давно задуманным романом из филиппинской жизни.

Желание создать произведение, которое прозвучало бы, как набатный колокол, пробудило бы филиппинский народ от его покорности и спячки и привлекло внимание испанского общественного мнения к ужасам филиппинского колонизаторства, не покидало Ризаля все последние годы.

Он перемежает писание романа с клиническими заметками, везет начатую рукопись в Гейдельберг, Лейпциг и, наконец, в Берлин.

Разнообразные научные интересы не могут отвлечь его от работы над романом. Работая с громадным подъемом, Ризаль в четырнадцать месяцев написал произведение почти в сорок печатных листов.

Написанный с исключительной правдивостью и художественным реализмом роман «Не касайся меня» впервые показал Филиппины, стонущие под властью испанских монашеских орденов, обнажил всю неприглядную картину колониальных нравов.

Длинной вереницей проходят перед читателем представители различных слоев филиппинского общества. С горьким юмором, так напоминающим гоголевский, рисует Ризаль знакомые с детства картины. В письмах к своему другу он писал о романе: «… Все описанные мною случай правдивы и происходили в действительности, я могу представить этому доказательства. В моей книге можно найти много недостатков с художественной стороны (они есть в ней, я не отрицаю этого), но никто не посмеет оспаривать правдивости изложенных мною фактов».

Хорошо знакомый с бытом маленького городка, вернее, селения, где он родился, провинциального центра, где он учился в начальной школе, и, наконец, колониальной столицы, Ризаль с одинаковым мастерством описывает в своем романе всю колониальную жизнь.

В нем показаны неограниченный произвол начальника местной гражданской гвардии, этого маленького тирана населения, вверенного его опеке; попытка районной власти защитить свой административный престиж перед лицом приходного викария; откровенно грубый и жадный гигант падре Ламасо и тщедушный, лицемерный и жестокий падре Сальви — люди, воплощающие могущество католической церкви.

Нарождающиеся прогрессивные идеи, попытка передовой молодежи разбить косность старого поколения филиппинцев, воспитанных в страхе и безропотной покорности монашеству, борьба молодых патриотов с окружающей их стеной административного произвола и монашеского засилья — отражены Ризалем в ряде эпизодов романа.

Бесправие народных масс и благополучие маленькой кучки туземных эксплуататоров, купленное ценой унижений перед колонизаторами, ценой предательства собственного народа, за счет которого живут и богатеют все эти ростовщики и откупщики типа капитана Тьяго, отражены уже в этом первом романе Ризаля, хотя его автор еще очень далек от понимания классовой борьбы и противоречий внутри филиппинского общества.

Огонь критики Ризаля в этом его романе направляется в первую очередь против системы управления колонии, против всевластия монашеских орденов. Ризаль здесь не сторонник революционной борьбы за освобождение Филиппин, он еще полон наивных, мещанских иллюзий возможности национального развития своего народа и в условиях испанского господства.

Основное зло он видит только в господстве монашеских орденов, в косности и невежестве филиппинского народа, являющихся результатом монашеского засилья. Неслучайно поэтому, что все коллизии романа, все переживания героев и личные их драмы основаны на столкновениях с монашескими орденами и их представителями. Неслучайно, что верховная светская администрация в лице генерал-губернатора противопоставляется монахам, как положительное, но в конечном итоге бессильное начало.

Роман Ризаля в первую очередь направлен против духовенства, он дышит острой ненавистью к монахам. Именно поэтому на него и обрушились со всей злобой наиболее реакционные силы колонии, в то время как даже мало-мальски прогрессивные представители испанской администрации не видели в книге ничего антииспанского, ничего «сепаратистского», направленного к отделению от метрополии.

Они были правы и неправы.

Правы они были потому, что сам Ризаль в этот период еще искренно верил, что своим романом он борется только против засилья монахов, пробуждает национальную гордость и самосознание своего народа и помогает ему добиться совместно с прогрессивными элементами Испании изменений колониального режима мирным путем.

Неправы они были (здесь изощренные монахи обнаружили больше чутья) потому, что не учитывали, что роман объективно,

помимо воли автора и несмотря на мирные тирады его главного героя Ибарро, зовет филиппинский народ на борьбу за национальное освобождение, на революционную борьбу не только с монахами, но со всей системой иноземного угнетения.

Уже в этом романе Ризаль, большой художник и патриот, не могущий спокойно рисовать страдания своего народа, побеждает Ризаля-философа, эволюциониста и пацифиста, сторонника мирных преобразований.

В этом заключалась громадная сила первого романа Ризаля: запоминались яркие картины колониального угнетения, возбуждающие протест и ненависть к колонизаторам, зовущие на борьбу за национальное освобождение.

Ризаль сознательно ставил себе целью разоблачение клеветы о филиппинском народе, веками распространяемой завоевателями.

Посылая доктору Блюментриту экземпляр только-что вышедшего романа, Ризаль писал: «…Я попытался сделать то, на что никто не решался: я взял на себя смелость ответить на клевету, веками тяготевшую над нами и нашей родиной. Я описал жизнь и социальные отношения на Филиппинах, я правдиво изобразил наши верования и надежды, стремления, желания и горести; я разоблачил лицемерие, надевшее маску религии, чтобы стать причиной нашего разорения и нравственного падения; я показал отличие истинной религии от ложной, от суеверия, торгующего божественными словами, чтобы получать от нас деньги и заставлять нас верить в нелепости, которые, став известными, заставили бы католическую церковь покраснеть от стыда.

Я выявил истинное значение блестящих, но лживых речей нашего правительства, я рассказал о наших заблуждениях, недостатках и пороках, о малодушии, с которым мы принимаем свои несчастья. Я отдавал должное добродетели, если встречал ее. Я не оплакивал наши несчастья, а осмеивал их, потому что никто не захотел бы плакать со мной, а кроме того — под смехом лучше всего скрывается печаль».

Ризаль знал, что он первым осмелился полностью затронуть вопросы, которых никто до него не касался. Он подчеркнул это уже самым названием романа «Ноли ме тангере» — «Не касайся меня». Выбирая названием своего романа слова, которые в евангелии воскресший Христос говорит Марии-Магдалине, Ризаль был далек от их религиозного содержания. Смысл выбранного им названия он достаточно наглядно разъяснил в своем предисловии к книге.

Посвящая написанный кровью сердца роман «своей родине»,

Хосе Ризаль писал: «В истории человеческих болезней говорится о злокачественной язве, самое легкое прикосновение к которой причиняет невыносимые страдания. Когда я призывал тебя, желая в условиях современной цивилизации, чтобы ты сопровождала меня в моих мечтах или чтобы сравнить тебя с другими странами, твой любимый образ представал передо мной, разъедаемый злокачественной же, но социальной язвой.

В поисках твоего спасения, которое является и нашим счастьем, я поступаю как древние, которые клали своих больных на пороге храма, чтобы каждый молящийся мог предложить свой способ лечения.

Я постараюсь изобразить твое состояние правдиво и беспристрастно. Я приподниму завесу, скрывающую твою болезнь, жертвуя истине всем, даже собственным тщеславием, потому что сознаю: в качестве твоего сына я также страдаю от твоей слабости и твоих недостатков».

Изложение романа Ризаля не может, конечно, дать о нем даже отдельного представления. Вся сила и прелесть его — в красочном и тонком изображении бесконечно разнообразных оттенков филиппинской действительности, в образном, ироническом языке автора; но содержание позволяет проследить направленность романа против монашеских орденов и монахов, в которых Ризаль видит главную причину тяжелых бедствий своей родины.

Герой романа, молодой метис-филиппинец Хуан Кризостомо Ибарро — сын богатого и уважаемого даже испанцами землевладельца. Еще мальчиком отец отправил его в Европу. Оторванный от филиппинской действительности, он живет окрашенными в розовый цвет воспоминаниями о родине. Он не знает, что в его отсутствие отец поссорился из-за земли с местным священником падре Дамасо, когда-то его «другом», что происками Дамасо отец был посажен в тюрьму и умер там, а труп его, по приказанию Дамасо, вырыт из могилы и брошен в озеро. Великодушный честный юноша, добрый католик, Ибарро возвращается на родину в городок Сан-Диего, полный радужных надежд и наилучших намерений. Он мечтает быть полезным своему народу, но он — верный подданный испанской короны.

В Маниле Ибарро ждет встреча с невестой, юной и прелестной Марией Кларой, которая тоже недавно вернулась домой из монастыря, где она воспитывалась. Ее отец Сантьяго де лос Сантос, попросту «капитан Тьяго», — один из богатейших помещиков провинций Пампанга и Лагуна и владелец нескольких домов в Маниле и Сан-Диего. В его карман рекой льются деньги от торговли опиумом, от подрядов, от поставок съестных

продуктов для заключенных в Билибидской тюрьме (Манила). Из уважения к его богатству, испанцы считают его почти равным себе, и даже высшие административные чины удостаивают его своими посещениями. Хитрый Тьяго умеет великолепно ладить и с земным и с небесным начальством.

«Да и как можно быть в плохих отношениях с милосердным богом, — иронически замечает Ризаль, — если ты преуспеваешь на земле, если тебе никогда не приходилось вести дел с богом и давать ему деньги взаймы». «Капитан Тьяго никогда не обращался к богу с молитвами, даже в самых затруднительных случаях. Он богат, и его золото молилось за него. Для служения месс и молебнов существовали преподобные и влиятельные священники; для чтения молитв и перебирания четок господь в своей неизреченной доброте создал бедняков, чтобы они служили богачам. За одно песо такой бедняк готов прочесть шестнадцать раз символ веры и все священные книги, а за небольшую прибавку — даже и еврейскую библию».

Капитан Тьяго в дружбе и со святыми. Одних он уважает больше, с другими обращается менее церемонно. Задобрив своих любимцев обетом, он аккуратно выполнял его, другим же, менее почитаемым, частенько приходилось довольствоваться одними обещаниями. К заступничеству небесных сил Тьяго прибегал чаще всего, рискуя крупной суммой на петушиных боях, которым отдавался со всею страстью.

Еще с большим усердием служил капитан Тьяго земным властям, ублаготворяя их пирами, приношениями и даже серенадами, для чего всегда держал наготове оркестр. Разбогатев, он отрекся от своего народа.

«Если при нем говорили дурно о туземцах, он присоединялся к хору и высказывал еще худшее мнение, не считая себя одним из них; если кто-нибудь нападал на китайских или испанских метисов, он делал то же, может быть, оттого, что воображал себя чистокровным испанцем».

Тьяго первый приветствовал введение нового налога, особенно когда чувствовал, что он будет, по обыкновению, сдан на откуп. Единственным светлым чувством в душе этого ничтожного человека была любовь к красавице дочери.

Впрочем, тихую, ласковую Марию Клару любили все: и воспитавшая ее тетка, и «крестный» падре Дамасо, и монахини, у которых она училась в продолжение семи лет, тех самых семи лет, которые Кризостомо провел в Европе.

Родители Кризостомо и Марии Клары решили соединить капиталы и сердца своих единственных детей.

Их обручили заочно, но они еще в детстве вместе играли и

по-детски любили друг друга. Решение родителей было встречено обоими юными сердцами с радостью — и в Европе и в Маниле.

Вернувшись на родину, Ибарро возобновляет знакомство со старыми приятелями, а также заводит новые связи. Вскоре страшные истины открываются перед ним. Он узнает, в каких условиях умер его отец и кем он погублен. Он ищет могилу отца и с ужасом убеждается, что его не оставили в покое даже за гробом: тело его брошено в озеро, а намогильный крест сожжен по приказанию «толстого священника, что бьет народ» — как объяснил Кризостомо могильщик.

Он видит невежество, суеверие и малодушие народа. В Сан-Диего нет даже настоящей школы: занятия происходят под верандой дома приходского священника, в зависимости от его настроения. Школьный учитель находится под строгим контролем: когда он пытается ввести более рациональные методы преподавания — обходиться без побоев и зубрежки, — духовное начальство грубо обрывает его и под страхом увольнения запрещает вводить новшества. Учитель вынужден покориться: у него на руках старая мать, а другого заработка ему не найти. Ибарро сталкивается и с бедной крестьянкой Сисой, все богатство которой заключалось в двух ее мальчиках. Нужда заставляет ее сыновей — Базилио, десяти лет, и Криспино, восьми лет, пойти в услужение при церкви. Причетник обвиняет младшего в воровстве и вместе с патером Сальви избивает ребенка до смерти. Старшему удается по веревке спуститься с высокой колокольни, где его запер причетник, и добраться до дому. Но там он узнает, что полиция ищет его, и, не помня себя от страха, убегает в лес. Несчастную мать, напрасно поджидавшую без вести пропавших детей, стражники безжалостно тащат в город, в полицию. Ее обвиняют в утайке якобы украденных ее сыном у патера Сальви денег. От горя и стыда Сиса лишается рассудка и с тех пор бродит по лесам в тщетной надежде найти пропавших детей.

На пикнике, устроенном Ибарро в честь своей невесты, ему встречается еще один отмеченный роком человек, которому суждено сыграть большую роль в жизни молодого метиса. Это неизвестный и молчаливый рулевой в лодке, которая везет нарядную компанию друзей Ибарро. Лодочника чуть было не загрыз попавший в рыбный садок кайман[1], если бы не самоотверженная и своевременная помощь Ибарро.

Впоследствии окружающая лодочника таинственность рассеивается, и Ибарро узнает его имя — Элиас — и всю его трагическую историю. Лет шестьдесят тому назад в Маниле жил с женой и сыном скромный счетовод испанского торгового дома. В одну злополучную ночь сгорели склады и жилой дом главы

фирмы. Полиции надо было во что бы то ни стало найти виновника. Ни в чем неповинного счетовода обвинили в поджоге и приговорили к публичному наказанию плетьми. Несчастного, привязав к лошади, возили по улицам Манилы и секли на всех перекрестках, пока он не потерял сознания. Для него и его семьи лучше было бы, если бы он, умер, но он остался жить, оклеветанный и опозоренный, всеми отверженный, лишенный прав на человеческое существование. Напрасно жена его просила работы или милостыни. Никто не хотел помогать жене поджигателя. Для нее остался один выход: торговать своим телом. Эти люди были дедом и бабкой таинственного рулевого Элиаса.

Опозоренные, всеми презираемые, они бегут из Манилы в горы и скитаются там несколько месяцев. Наконец, у деда Элиаса нехватило больше сил выносить эту ужасную жизнь, и он повесился. И во второй раз карающая рука закона вмешалась в судьбу горемычной женщины. Ее обвинили в насильственной смерти мужа и тоже приговорили к наказанию розгами. В виде особой милости исполнение приговора было отложено до разрешения ее от бремени.

Спустя два месяца после рождения сына, впоследствии отца Элиаса, ее подвергли телесному наказанию. Унося свой позор, она бежит с детьми в соседнюю провинцию, где никто их не знает и где она надеется найти покой.

Мальчики подросли. Старший, у которого еще сохранилось воспоминание о счастливых днях раннего детства, пошел в разбойники — «тулисаны», наводит страх на всю округу, пока не попадает в руки жандармов. Его тело изрублено в куски, и отдельные части вывешены по городам. А его голову утонченные мучители повесили напротив жалкой хижины, где влачила существование его мать. Этого последнего испытания она не вынесла: младший сын нашел ее мертвой. Ее, полный ужаса, взгляд был прикован к корзине с отрубленной головой.

Мальчик, отец Элиаса, скитался, как одержимый, из деревни в деревню, из города в город. Наконец, в провинции Тайябас, где никто не знал его, он нанялся в батраки к богатому помещику. Тяжелым трудом ему удалось скопить небольшую сумму денег, его трудолюбие и кротость привлекли к нему сердца. Но судьба и тут преследует его. Он полюбил дочь видного жителя города, она ответила ему тем же. Отец Элиаса не решался просить ее руки, опасаясь, что снова всплывет его тяжелое прошлое. Но, спасая честь любимой женщины, уже ожидающей ребенка, он отваживается на этот шаг. Случилось то, чего он так боялся: обстоятельства его прежней жизни разоблачены, и вместо свадьбы

его ожидает тюрьма. Невеста между тем родила двойню — Элиаса и его сестру, а сама вскоре умерла. Дед дал детям прекрасное воспитание и, умирая, завещал им свое состояние.

Жизнь молодых людей, горячо любивших друг друга, текла легко и беззаботно. Сестра Элиаса собиралась уже выходить замуж, когда грянуло новое несчастье. Обиженный Элиасом дальний родственник, претендент на наследство, снова раскопал семейную историю, призвав в качестве свидетеля слугу, жившего много лет в имении. Он вызвал слугу в суд и заставил дать официальные показания: старик оказался отцом Элиаса и его сестры.

Их лишили наследства, брак молодой девушки расстроился, им пришлось уехать. Обнаруженный на суде старик-отец умер, сестра не могла примириться с изменой жениха и утопилась. Элиас остался одиноким мстителем за погибших и за всех обиженных и страдающих: он также «тулисан», но не простой разбойник; он живет социальными задачами, он — провозвестник борьбы за лучшее будущее трудящихся филиппинцев.

Элиас призывает Кризостомо Ибарро стать во главе народного движения для свержения испанского ига. Однако Ибарро не может пойти на это: он — верный сын Испании, он еще верит в возможность излечения язв своей страны мирными средствами.

Прежде всего, надо бороться с невежеством! Ибарро решает строить школу. Но отцам Дамасо и Сальви он давно уже враждебен своим заступничеством за народ. У Сальви, кроме того, личная причина ненависти к Ибарро: его безумная и безнадежная любовь к Марии Кларе.

Первая попытка монаха избавиться от счастливого соперника — как бы случайно опустить на него тяжелую плиту при закладке школы — не удается благодаря бдительности Элиаса. Тогда монахи решают спровоцировать «восстание» и затем возложить всю ответственность на Ибарро.

Подкупленные падре Сальви провокаторы осторожно разжигают в народе недовольство, подстрекают к нападению на казарму и дом священника и обещают за это щедрое вознаграждение — якобы от Ибарро. Занятый Марией Кларой, научными работами и размышлениями о способах улучшить положение народа, Ибарро ничего не подозревает. Он узнает о заговоре лишь благодаря тому же Элиасу. Элиас убеждает Ибарро сжечь все могущие компрометировать его документы (при желании материал для обличения можно найти в каждом письме) и, помогая ему в разборе бумаг, делает страшное открытие: человек, по ложному обвинению которого пострадал его дед, был

прадед Кристозомо Ибарро дон Педро Эибаррамендио…

После подавления нелепого, организованного провокаторами «восстания» альферес (начальник гражданской гвардии) начинает чинить суд и расправу над арестованными «бунтовщиками». Его злая, развратная жена сама придумывает пытки для несчастных. Стон стоит над городком. Горе и ужас царят и в доме капитана Тьяго: жених его дочери — мятежник, «филибустер»; он отлучен от церкви за кощунственное нападение на преподобного отца Дамасо, он посажен в тюрьму! Тьяго искренно любит Ибарро, но — своя рубашка ближе к телу, да и Мадонна со святыми покровителями не допустит брака его единственной дочери с опасным мятежником. От несчастий, постигших ее жениха, Мария Клара тяжело заболевает и много дней находится между жизнью и смертью. Всех поражает при этом неподдельное горе ее «крестного» отца Дамасо. Постепенно девушка поправляется, но встает с постели совсем другим человеком: жизнерадостность и веселость покинули ее навсегда.

Исповедуя ее во время болезни, падре Дамасо открыл ей тайну: Тьяго вовсе не отец ей — она дочь самого Дамасо. Как отец, он не потерпит, чтобы она вышла замуж за «презренного индио». Для нее готов другой жених, недавно приехавший на Филиппины молодой испанец Ликарес. Если же Мария Клара будет упорствовать, Дамасо разоблачит позорящую имя матери тайну ее происхождения. Желая сохранить честь покойной матери и из благодарности к воспитавшему ее названному отцу, Кларита соглашается на брак с испанцем, но сердце ее разбито. Между тем «дело» о восстании и его вдохновителе Ибарро передано уже в Мадрид. Государственная машина заработала. Чиновники и попы потирают руки в чаянии будущих наград, которые посыпятся на них за подавление опасного мятежа. «Главу восстания» — Ибарро — жандармы успели арестовать в его доме в тот момент, когда он собирался бежать. Отечество спасено.

Открыв случайно, кто был виновником гибели его семьи, Элиас бежал, полный желания мести. Но Ибарро спас ему жизнь, и долг обязывает его отплатить тем же. Кроме того, он видит в Ибарро единственного человека, который может повести филиппинский народ на борьбу с ненавистными испанцами. Элиас возвращается к дому Ибарро как раз вовремя: уже слышны на улице шаги местного городничего, «гобернадорсильо», в сопровождении стражников спешащего произвести обыск в опустошенном доме. Но Элиас успевает поджечь разбросанные по полу документы и убегает, захватив сумку с драгоценностями и портрет Марии Клары.

На утро арестованных отправляют в Манилу. Жены и матери

провожают их с плачем и рыданиями, осыпая проклятиями и градом камней Ибарро, которого считают виновником своего несчастья. Его не вышел проводить никто из друзей. Ибарро видит дымящиеся развалины отцовского дома и не в силах сдержать слезы. Народ, которому он всей душой стремился помочь, проклинает его, никто его не жалеет. Нет у него ни родины, ни дома, ни друзей, ни будущего!

В доме капитана Тьяго, между тем, готовятся к свадьбе. Сам капитан счастлив и доволен. Его не посадили в тюрьму, даже не заподозрили в сочувствии «революции», ему не пришлось отведать ни одиночного заключения, ни допросов с пристрастием, ни продолжительных «ножных ванн» в подземных карцерах. Он поспешил отречься от всех, кто мог быть хоть на секунду заподозрен в «мятежных» замыслах. Постепенно все арестованные «бунтовщики» возвратились в родной Сан-Диего, просидев по нескольку дней в тюрьме. Сам генерал-губернатор повелел выпроводить их немедленно из Манилы. Его милость не распространилась только на Ибарро: темные силы сумели отстоять свою жертву.

И снова появляется благородный страдалец Элиас. С его помощью Ибарро удается бежать из тюрьмы. Переживания последних дней не прошли для него даром. У него открылись глаза на истинное положение вещей, все иллюзии рассеялись. Не постройкой школ и больниц, не благотворительностью надо спасать народ; нечего надеяться и на благодетельные реформы свыше. Нет, только огнем и мечом можно завоевать народное освобождение! Но повести народ к свободе надо сильной рукой, ловко и осторожно, момент для открытого восстания еще не наступил. Временно он должен покинуть Филиппины.

Но нельзя уехать, не простившись с Марией Кларой. И он плывет с Элиасом на лодке к загородному дому Тьяго. Там, на веранде, в серебряном свете луны, Ибарро узнает грустную повесть Марии Клары: она не изменила ему, только честь матери заставляет ее отдать свою руку нелюбимому испанцу Линаресу. В подтверждение своих слов девушка показывает письмо ее матери к Дамасо. Она вынуждена пожертвовать собою, но никогда не будет принадлежать нелюбимому человеку. Горячим прощальным поцелуем она скрепляет их любовь.

Беглецы плывут дальше по реке Пасигу, обсуждая все ту же тему: в чем же спасение Филиппин. Они уже достигли озера, спасение близко, но их настигает лодка карабинеров. Чтобы отвлечь внимание преследователей, Элиас бросается в воду, где его и настигает пуля. Он умирает для спасения будущего вождя народа, не дождавшись зари свободы. Солдаты уверены, что ими

убит Ибарро, и делают соответствующее донесение начальству.

Ибарро спасен, он достигает берега и укрывается в лесу. Здесь он находит несчастную помешанную Сису, встретившую, наконец, своего старшего, оставшегося в живых сына Базилио. Сиса умирает. Ибарро помогает мальчику похоронить ее и покидает Филиппины, где ему пришлось перенести столько горя, увидеть столько народных несчастий.

…Весной 1887 года Ризаль — в Берлине и напряженно работает над окончанием своего романа. Его угнетают трудности издания книги. В Европе он не рассчитывает найти человека, который согласился бы взять на себя риск дорогостоящего издания объемистой рукописи о далеких и малоизвестных Филиппинах. Ведь в конце XIX века, даже в Америке, империалистические круги которой стремились захватить обещающую богатые прибыли испанскую колонию, большинство населения, по словам одного государственного деятеля, не знало, что такое Филиппины — «страна или консервы».

У Ризаля не было средств, чтобы издать книгу за свой счет. Он по-прежнему получал регулярную помощь от родных с Филиппин. Этих денег с трудом хватало для его странствий по университетским городам и научных изысканий. В Берлине Ризаль поселяется в дешевой комнатке, всячески ограничивает свои потребности, питается одним хлебом и кофе, даже работает наборщиком, как утверждают некоторые, в небольшой соседней типографии, где печаталась его книга. Он всячески старается скопить нужную для издания сумму.

Из материальных затруднений Риваля вывел один из его филиппинских друзей, приехавший из Мадрида навестить Хосе. Максимо Виоло, представитель богатой манильской семьи, приехал в Берлин, чтобы соблазнить Ризаля совместным пешим путешествием по Германии и Швейцарии. Как ни привлекало Ризаля, страстно любившего путешествия, непосредственное знакомство с сельским бытом этих стран, он вынужден был отказаться от дружеского предложения.

Виола быстро сумел выпытать причину отказа. Впрочем, о них ему уже достаточно убедительно говорила та убогая, почти нищенская обстановка, в которой он застал Ризаля в Берлине. Вспоминая впоследствии свою берлинскую жизнь, Ризаль рассказывал своему другу Фернандо Канон: «Я думал, что «Не касайся меня» никогда не будет напечатан. Когда я дописывал его в Берлине, у меня было очень тяжело на душе, я очень ослабел от голода и лишений… Мне казалось, что мой труд проклят, ни на что не годен, и я чуть не бросил рукопись в огонь». Узнав, что Ризаль копит деньги на издание книги о Филиппинах, и

познакомившись с романом, Виола пришел в восторг. Он предложил свою помощь, и через неделю толстый том в красивой обложке, нарисованной автором, был выставлен с витринах берлинских книжных магазинов.

Но как переправить книгу на родину, сделать ее достоянием филиппинского читателя? Для Ризаля было ясно, что колониальные власти никогда не разрешат распространения его романа на Филиппинах. Однако и здесь на помощь Ризалю пришли друзья по Мадриду — Фернандо Канон, Мариано Понсе, Рамон Батле и другие. Ризаль переправил в Мадрид несколько ящиков книг, и, замаскированный под невинный коммерческий груз, роман был доставлен на острова. Богатым и вполне респектабельным представителям филиппинской буржуазии — Рамону Эгуаррос и Александру Рохос удалось обмануть бдительность таможенных чиновников и полиции, и они провезли нелегальный роман в качестве личного багажа и товаров для магазина Рохоса.

Пока Ризаль бродил по проселочным дорогам Германии и горным тропинкам Швейцарии, его книга на Филиппинах уже передавалась тайно из рук в руки и делала свое дело.

Печальная любовь

Виола застал Ризаля в мрачном настроении. Виной этому были не только трудности с изданием книги. Вероятно, к этому времени относится крушение надежд Ризаля на счастье с оставленной в Маниле невестой.

По словам друзей, Ризаль и в Европе неизменно оставался верен своему чувству. Еще в дневнике 1884 года имя Леоноры упоминается очень часто. Ризаль грезит о своей невесте, с нетерпением ждет ее писем, но уже тогда его мучает мысль о возможной потере любимой девушки. «Сегодня ночью мне снился тяжелый сон. Я возвращаюсь на Филиппины, но, увы, какой ужасный прием! Леонора изменила мне, изменила непростительно и безвозвратно».

Мрачные предчувствия не обманули Ризаля. Его личная драма развертывается в реальной жизни с подробностями, не менее мелодраматичными, чем роман Марии Клары в «Не касайся меня». Рисуя образ Марии Клары, Ризаль использует для него всю теплоту и нежность своих красок. Но трудно поверить его биографам, в один голос утверждающим, что в трагической судьбе Марии Клары Ризаль предугадал судьбу своей невесты, что он не знал еще печального конца своего юношеского романа.

После трогательного расставания с Ризалем Леонора хранит в своем сердце его образ, а в маленькой шкатулке с золотыми инициалами «Х» и «Л» — кусок материи от платья, которое было на ней надето в день обручения с Хосе, и его прощальные стихи:

Звучит призыв судьбы неумолимой,
Готовлюсь в путь, так свыше суждено.
Ведет меня тот зов стезею невеселой,
Сбивая светлые цветы надежды молодой.
Ты, близкая душа моя родная,
Ты знаешь, как всегда прощанья тяжелы,
Спешу вперед сквозь бури и туманы,
Но сердце, верь, останется с тобой.

Исполняя свое обещание, Ризаль регулярно писал невесте нежные, содержательные письма. Она исправно отвечала ему. Каждое письмо встречалось им с бесконечной радостью.

У филиппинского народа женщина всегда была окружена уважением. Не имея политических прав, женщина-мать и жена всегда пользовалась в своей семье большим влиянием и

самостоятельностью. Почти всегда она — действительная хозяйка в доме и воспитательница своих детей. История борьбы филиппинского народа за свою независимость знает много примеров благородства и самопожертвования филиппинских женщин.

Примером мужественной филиппинской женщины, уверенно шедшей по жизненному пути, была, несомненно, мать Ризаля. Ризаль бесконечно любил и почитал свою мать, имя ее было для него священно. Второе место после матери в его сердце заняла невеста. Он много писал Леоноре о значении и роли филиппинской женщины. Он указывал, что ей суждено сыграть огромную роль в грядущей борьбе за освобождение родины — и непосредственным участием в боях и воспитанием в детях чувства собственного достоинства, солидарности, любви к свободе. Он ясно видел недостатки образования у филиппинских женщин, недостатки, еще большие, чем у мужчин, и не уставал повторять о необходимости учиться, учиться и еще учиться, чтобы быть готовыми к служению родине.

Ризаль не подозревал, что над их любовью уже сгущаются тучи и что счастью их не бывать.

Вскоре после того, как Ризаль покинул Филиппины, семья Рибера переехала из Манилы в городок Дагупан, в провинции Лагуна, ныне носящей имя Ризаля. Из столицы сюда доходили слухи о неблагосклонном отношении правительства к беглецу.

Перед доньей Рибера, матерью Леоноры, стали возникать мало приятные перспективы будущего замужества дочери. Ризаль, скомпрометированный во мнении правительства и лишенный шансов на хорошую карьеру, переставал быть желанным женихом. Слухи, приходившие из Мадрида, не могли успокоить материнское сердце доньи Рибера. Да, Ризаль усердно учится, его таланты признают, но с кем он водится? С мятежниками и либералами, с людьми, изгнанными с Филиппин после трагедии 1872 года. И выдать дочь за человека, которого не ожидает впереди ничего хорошего, который, быть может, не избежит гарроты на Багумбаянском поле? — Нет, не бывать этому браку, — твердо решила мать.

У нее были и другие основания расторгнуть брак Леоноры и Ризаля. Перед доньей Рибера мелькнула заветная для большинства филиппинских матерей надежда выдать свою дочь замуж за европейца.

В Дагупане появился молодой инженер-англичанин. Генри Кипингу, начальнику участка строившейся железной дороги Байямбанг — Дагупан, часто приходилось бывать в городке. Здесь началось его знакомство с Леонорой и ее родителями. Кипинг

покорил сердце матери, но не мог добиться от дочери согласия стать его женой. На все убеждения инженера и уговоры матери Леонора неизбежно отвечала одно и то же: «Я люблю Хосе, я обручена с ним и всегда буду любить только его одного».

Донье Рибера пришлось вооружиться терпением и перейти к правильной осаде. На войне все средства хороши. В своем материнском эгоизме она решает хитростью прекратить переписку своей дочери с Ризалем. Подкупленные ею почтовые чиновники отдают ей в руки все письма, приходящие из Европы, и все письма Леоноры, адресованные Ризалю.

Проходил месяц за месяцем, а Леонора не получала из Мадрида ни строчки. Девушка затосковала. Мать искусно разжигала огонь сомнений в ее душе — вздыхала и печально покачивала головой, намекая на возможную измену. Но Леонора не допускала и мысли о неверности жениха. «Я знаю Хосе, — отвечала она на материнские атаки, — раз он дал слово, он умрет, но не нарушит его. Он, вероятно, болен, а я сижу здесь и не могу ухаживать за ним».

Непоколебимая уверенность Леоноры в своем женихе заставила, наконец, донью Рибера пустить в ход материнский авторитет. Кто на Филиппинах осмелится ослушаться матери? «Если ты любишь меня, то должна послушаться, — говорила донья Рибера дочери. — Помни, что всем на земле ты, после господа бога, обязана мне и должна подчиняться моей воле. Я хочу твоего брака с Кипингом не для себя, а ради твоего счастья. Но я вложила в этот брак все надежды на будущее, и твое несогласие убивает меня. Что же, ты хочешь убить мать?»

Бедная девушка, наконец, уступила. Обливаясь слезами, Леонора бросилась в объятия матери: «Хорошо, я исполню вашу волю, но я знаю, что мне недолго придется прожить. И прошу вас никогда больше не заставляйте меня играть и петь!»

На другой же день Леонора сожгла все письма от Хосе. Пепел она сложила, по местному обычаю, в заветную шкатулочку. К кускам материи от платья, в котором она появилась в день обручения с Хосе, прибавился лоскут от платья, бывшего на ней, когда она согласилась на брак с Кипингом. Ящичек с золотыми буквами «Х» и «Л» сохранился до сих пор.

Свадьба была назначена на 17 июня. За несколько дней до этого донье Рибера понадобилось отправиться по делам в Манилу. Неизвестно, забыла ли она вовремя уплатить почтовым чиновникам полагавшуюся им мзду или те позабыли взятую на себя обязанность, но в руки Леоноры попало письмо от Хосе, полное нежных упреков за ее молчание. Уже много месяцев он не получает ответа ни на одно свое письмо. Неужели она разлюбила

его?

Можно себе представить, что переживала его бывшая невеста. Она сразу поняла, кто был виною неполучения писем, и, едва мать ступила на порог, обрушилась на нее со слезами и упреками.

Донья Рибера не отрицала своих коварных действий и спокойно выдержала бурный натиск. Она прекрасно понимала, что Леонора уже не нарушит ее планов. День свадьбы назначен, оглашение сделано, гости созваны, и гордость не позволит девушке взять обратно данное Кипингу слово.

В назначенный день принявший католичество Кипинг обвенчался с Леонорой. Свадьба была невеселой. Невеста поражала всех своим подавленным видом. Надежды матери, что устроенный ею брак будет счастливым, не оправдались. Леонора не была счастлива и умерла два года спустя.

В романе Ризаля за Марией Кларой закрываются двери монастыря, в котором она ищет спасения от брака с нелюбимым человеком. В жизни Ризаля его невеста не нашла в себе сил избежать брака этим путем и умерла, не дожив и до двадцатой весны.

Возвращение на родину

Нелегально доставленный на Филиппины роман ходил по рукам, будя мысль филиппинского народа. «Не касайся меня» сыграл громадную роль в пробуждении национального самосознания филиппинцев. По свидетельству современников, люди готовы были пройти несколько десятков километров, чтобы только прочитать роман или хотя бы прослушать переведенные на родные наречия отрывки.

Конечно, безнаказанное распространение романа продолжалось недолго. Колониальные власти, духовные и светские, всегда внимательно следили за настроением филиппинцев. Обнаруженный вскоре правительственными шпионами роман произвел на колониальные власти впечатление разорвавшейся бомбы.

Цензурный комитет, состоявший из трех лиц, назначенных генерал-губернатором, и трех ставленников архиепископа, обрушился на святотатственное сочинение, потребовал его изъятия и публичного сожжения. Ризаль был обвинен в нападках на государственную религию, испанскую администрацию, гражданскую гвардию, на «единую и неделимую Испанию».

Колониальные власти объявили, что все лица, у которых будет обнаружен роман, поплатятся заключением в тюрьму, ссылкой и конфискацией имущества. Жандармы производили массовые обыски в поисках книги. Монахи в специальных проповедях громили роман, а в исповедальнях пытались выведать, кто его читает, и запугивали «грешников» адскими муками.

Но все эти преследования только усиливали спрос на книгу, окружали ее и ее автора героическим ореолом.

Книга стала предметом оживленных обсуждений в кругах филиппинской буржуазии. Завоевывая Ризалю сотни сторонников среди прогрессивной и либеральной части филиппинского общества, книга помогала им осознать весь ужас окружающей колониальной действительности. Вместе с тем роман Ризаля создал ему и много врагов. Не говоря уже о развратных и алчных монахах, выведенных в романе с сарказмом и ненавистью, о косных представителях колониального чиновничества, Ризаль восстановил против себя и наиболее консервативную часть филиппинцев и метисов. Ризаль не щадил пороков и недостатков своего народа. И если он скорбит о невежестве и суеверии народных масс, то одновременно он бичует разбогатевших за счет трудящихся откупщиков-филиппинцев, ненасытных ростовщиков,

презирающих свой народ, и продавшихся колонизаторам выскочек.

Между тем объект острой ненависти духовенства и всех реакционных сил — Ризаль бродит по Германии, Швейцарии и Австрии. Он останавливается в Дрездене, где имя Ризаля уже известно в ученом мире и где его ждет ласковый прием. С одинаковым увлечением изучает он и картины знаменитой галереи и замечательные экспонаты зоологического и этнографического музеев.

Из Дрездена Ризаль направляется в старый богемский городок Лейтмерц. Здесь происходит личное знакомство с Блюментритом, с которым его уже связывала заочная дружба. Выехавший на вокзал встречать Ризаля, Блюментрит держит в руках небольшой карандашный автопортрет своего друга, посланный ему, чтобы облегчить розыски в толпе приезжих.

Дружба крепнет в длительных научных спорах, Блюментрит вводит Ризаля и в научно-артистические круги Вены. Интеллектуальный мир еще одной европейской столицы пленен тонким очарованием, остроумием и разносторонней образованностью молодого филиппинца.

За Веной следует Италия. Осмотром сокровищниц искусств в Риме заканчивает Ризаль свое пятилетнее пребывание в Европе. Его тянет на родину.

Когда-то тайный беглец, Ризаль уже давно получил легальный паспорт. Его документы в порядке, ему кажется, что он может рискнуть вернуться домой. Одной из главных причин, ускоривших отъезд Ризаля, явилось полученное с Филиппин известие о болезни матери. Мать почти ослепла от катаракты на обоих глазах, необходимо спешить, чтобы вернуть ей зрение.

Прямо из Рима, не заезжая в Испанию, Ризаль направляется в Марсель. Французский пароход везет его в Сайгон. 5 августа он вновь увидел зеленые берега Пасига.

Не останавливаясь в Маниле, Ризаль торопится к больной матери. Операция удалась ему блестяще, первая операция снятия катаракты на Филиппинах.

Слухи о прозрении доньи Меркадо быстро распространились. Суеверные крестьяне видели в этой операции чудо исцеления слепоты. Со всех сторон потянулись в Каламбу полуослепшие, с застарелыми глазными болезнями филиппинцы. Осуществлялась детская мечта Ризаля. Он приносит неоспоримую пользу своему народу, спасая сотни людей от страдания и верной слепоты.

Слава о Ризале, как окулисте, распространяется далеко за пределы Люсана. Она достигла Китая, и оттуда к нему приезжают жаждущие исцеления больные.

Возвращение на родину автора крамольного романа вызвало в Маниле удивление и друзей и врагов. Но несколько месяцев Ризаль еще проводит спокойно в Каламбе, погруженный в медицинскую практику.

Он лишь изредка приезжает в Манилу, чтобы повидать своих друзей. В Маниле он встречает многих из мадридских знакомых, в том числе Фернандо Канона, помогавшего доставить «Не касайся меня» на Филиппины. Приезд Ризаля еще больше усиливает спрос на тщательно сохраняемые экземпляры его романа, уцелевшие от преследования полиции и монахов.

Контраст порабощенной родины с европейскими странами волнует Ризаля с новой силой. Он видит, что ни тяжелый режим бесправия, ни забитость его народа не изменились.

Ризаль говорит Канону: «Я напишу еще семь томов о филиппинской жизни. А если и тогда мне не удастся разбудить наших филиппинцев, я застрелюсь».

Уже в этот приезд на родину Ризаль временами как бы предчувствует свой будущий трагический конец, хотя его враги пока действуют исподтишка. Как-то, прогуливаясь с приятелем по Багумбаянскому полю, этому лобному месту, где сложили головы многие передовые филиппинцы, Ризаль сказал ему:

— Я уверен, что и моя жизнь окончится здесь.

Враги Ризаля всячески добиваются его ареста и наказания, но это им пока не удается. Неудача монашеских происков против Ризаля объяснялась просто. Филиппинами в это время управлял ставленник либерального испанского министерства Сагосты генерал-губернатор Торрера, принадлежавший к тем «либеральным» колониальным администраторам, которые стремились приспособить колонии к расширенной эксплуатации новыми, более утонченными методами. Он пытался, хотя очень умеренно, ограничить роль монашества. При нем снова подняла голову почти задавленная после восстания 1872 года национально-буржуазная критика засилья и произвола орденов. В домах буржуазных интеллигентов Дортео Кортеса, Марсело дель Пилара и других вновь собираются небольшие группы либеральных филиппинских деятелей. Опять вполголоса обсуждаются реформы и строятся планы изгнания монахов. Ризаль связан с этими кружками, он обсуждает план манифестации против монахов и подачи петиции испанскому королю. Но он вынужден соблюдать большую осторожность.

Генерал-губернатор Торрера вызывает Ризаля к себе и встречает его гневными словами за его книгу, признанную цензурным комитетом столь опасной и вредной. Ризалю удается, однако, доказать генерал-губернатору свою полную лояльность по

отношению к Испании и свои добрые намерения. Ризаль был вполне искренен, так как в этот период Испания еще была для него любимой матерью, и будущее Филиппин он еще мыслил под испанским господством. Тем не менее генерал-губернатор, под предлогом защиты Ризаля от грозящей ему опасности, приставляет к нему телохранителя — молодого офицера, испанца.

Хосе де Андраде, представитель аристократической мадридской семьи, полной испанских предрассудков, должен с этого дня следить за каждым шагом Ризаля. Однако в самый короткий срок между ним и его поднадзорным установились дружеские отношения. Они вместе совершали далекие прогулки, взбирались на горы, декламировали стихи.

Донесения де Андраде не давали необходимого реакционным силам материала против Ризаля, но монахи продолжали свою тайную работу.

В этот свой приезд на родину Ризаль успел вызвать к себе новый прилив ненависти доминиканского ордена, одной из наиболее мощных монашеских корпораций на Филиппинах.

Почти все земли вокруг родного города Ризаля — Каламбы были захвачены доминиканцами. И богатые и бедные арендаторы страдали от непомерной арендной платы, почти ежегодно повышаемой монахами. Неограниченная эксплуатация населения монашескими орденами вызывала на Филиппинах постоянные аграрные конфликты. Чудовищная рента служила препятствием для развития сельского хозяйства. Это отлично понимали и испанские губернаторы, неоднократно пытавшиеся как-нибудь ограничить долю монахов-помещиков.

Во время пребывания Ризаля в Каламбе проводилось обследование каламбских арендаторов. Ризаль взялся за это дело; ему удалось во вполне лояльной форме показать убийственную картину бесправия и эксплуатации арендаторов. Его работа, подписанная официальными чиновниками, была напечатана и представлена в качестве доклада генерал-губернатору. Но даже либеральный Торрера положил доклад под сукно. Ведь регулирование взаимоотношений арендаторов с монахами должно было затронуть интересы большинства помещиков-испанцев, от которых целиком зависела и колониальная администрация.

Авторство Ризаля не укрылось от доминиканцев. Это усилило их ненависть к нему и его отцу, одному из крупных арендаторов Каламбы.

На этот раз генерал-губернатор посоветовал Ризалю немедленно покинуть остров, избавить себя от опасных нападок

реакционеров. Совет был равносилен приказанию. В феврале 1888 года, пробыв на родине лишь полгода, Ризаль снова покидает Филиппины.

Через несколько лет Каламба, с ее аграрными конфликтами, станет ареной кровавых событий.

Борьба за реформы в Мадриде

Ризаль оставил Филиппины в феврале, а 1 марта движение против монахов, почти двадцать лет нараставшее в среде манильской буржуазии, вылилось в массовую демонстрацию. Многолюдная процессия, пройдя через город, вручила генерал-губернатору петицию на имя короля. В ней подробно перечислялись все злодеяния монахов, их оппозиция гражданским властям, все нарочитые трудности, которые монахи искусственно создавали на пути взаимного понимания Испании и Филиппин. Демонстранты несли лозунги «Да здравствует Испания!», «Да здравствует король!» «Ура армии!» «Долой монахов!».

Петиция была подписана видными манильскими гражданами — богатыми купцами, помещиками, промышленниками, не только филиппинцами и метисами, но и некоторыми испанцами.

Демонстрация вызвала волну репрессий. В том же году генерал-губернатора Торрера сменил Вейлер, прославившийся своими жестокостями на Филиппинах и особенно впоследствии на Кубе. По указке монахов, организаторов демонстрации и «подозрительных» граждан арестовывали и высылали. Многие сами поспешили выехать из Филиппин, боясь преследования.

Пропаганда реформ переносится в Европу. Здесь постепенно собирается ядро оппозиционной филиппинской буржуазии, возглавляемое Марсело дель Пилар.

Адвокат дель Пилар был одним из организаторов антимонашеской мартовской демонстрации. Он издавал журнал на тагалогском языке, где выступал с критикой и разоблачением деятельности монахов, печатал корреспонденции Ризаля из Европы, деятельно распространял его роман. Спасаясь от преследования, он бежал в Мадрид, но перед отъездом организовал в Маниле комитет пропаганды для сбора средств, необходимых, чтобы вести кампанию в Испании.

В Мадриде он выступает наиболее активным лидером филиппинских эмигрантов, пытающихся при поддержке испанских либеральных политических деятелей добиться реформ для Филиппин.

Дель Пилар так же, как и первые представители зарождающегося филиппинского национально-освободительного движения, так же, как Ризаль, твердо верит в возможность улучшить положение своего народа путем реформ, даруемых испанским королем.

Вся кампания в Мадриде так же, как и в Маниле, проходит

под лозунгами полной лояльности к испанскому государству. Никто из эмигрантов еще даже не мечтает о ликвидации колониальной зависимости своей страны от Испании. Реформы, за которые борется в этот период филиппинская буржуазно-помещичья интеллигенция, сводятся к предоставлению жителям архипелага равных прав с испанцами, к возможности посылать своих представителей в кортесы, к ограничению власти монахов.

Эти скромные требования поддерживает и прогрессивная испанская буржуазия.

В 1888 году вместо малочисленного и малодеятельного испано-филиппинского кружка возникла Испано-филиппинская ассоциация. Председателем ее явился бывший министр, профессор мадридского университета и видный масон дон Мигель Морайта. В Ассоциацию вошли почти все филиппинские эмигранты и многие прогрессивные политические деятели Испании. Душой Ассоциации был дель Пилар, возглавлявший ее политическую секцию и журнал «Эль солидаридад».

Программа Ассоциации, пропагандировавшаяся в «Эль солидаридад» и выдвигаемая в кортесах через либеральных депутатов, отражает интересы филиппинской буржуазии и испанского промышленного капитала.

В это время, когда в Маниле происходит консолидация филиппинских и испанских либеральных сил, Ризаль находится далеко от Испании.

Покидая Филиппины, он решил направиться в Северную Америку. Его давно привлекала к себе эта заветная «страна демократии». Еще в школьные годы книга Ягора произвела сильное впечатление на мальчика Хосе своими яркими параллелями между режимом колониальной эксплуатации на Филиппинах и политическим строем Соединенных Штатов.

Как указывал сам Ризаль, не меньшее впечатление в свое время произвел на него и сборник биографий американских президентов. Ему давно уже хотелось побывать в стране, где, по словам составителя «Жизнеописаний президентов», любой батрак, портновский подмастерье или сплавщик плотов может достигнуть высшего государственного поста.

В Соединенные Штаты Ризаль едет через Гонконг и Японию. В Гонконге и Микао собралось в те годы немало филиппинских эмигрантов. Но в какой стране тогда не было их, разогнанных и бежавших от колониального режима и монашеских преследований?!

Перед популярным национальным писателем раскрываются в горьких жалобах истории их изгнаний, такие обычные для колониальных Филиппин и такие трагические для каждого

пострадавшего. Кому-то показался подозрительным поклон, которым обменялись два прохожих, и на утро они уже арестованы и сосланы на Марианские острова. Семья Эррара в ссоре с семьей Вентура. Вздорный донос недоброжелателя Эррара, и глава семьи Вентура немедленно выслан. Долгие годы оторванный от родных, он томится в изгнании. Вечером в дом бедного филиппинца приносят в закрытой корзине какие-то овощи. Ночью — обыск, арест, допрос. Ни в чем неповинного арестанта заставляют признаться, что в корзине были бомбы. Никаких подтверждений нелепому обвинению нет, тем не менее арестованного после нескольких месяцев тяжкого заключения ссылают.

Много таких загубленных колониальным режимом жизней проходит перед Ризалем. Ему хочется скорее приняться за продолжение своего романа, где еще с большим сарказмом и горечью будет изображена тяжелая колониальная действительность. Ризаль думал о втором романе еще в момент окончания «Не касайся меня», но теперь он задумал осуществить другую литературную работу.

Вид угнетенного народа, забитого веками колониального произвола, вся эта беспросветная жизнь под пятой алчных монахов и помещиков с новой силой поднимают активность Ризаля.

Неужели ему не удастся разбудить в филиппинцах веру в свои силы, вернуть отнятое колонизаторами чувство национального достоинства? В историческом прошлом филиппинцев ищет он средств, чтобы вооружить современников. Ему приходит в голову переиздать старинную работу о Филиппинах, написанную одним из первых испанских генерал-губернаторов Антонио де Морга еще в 1607 году. Де Морга описывал существовавшую к приходу испанцев национальную письменность и культуру, независимые филиппинские племена и княжества, развитую торговлю с Китаем и Индией.

Ризаль рассчитывал, что переиздание книги де Морга не будет запрещено на родине, и она сослужит службу филиппинцам, напомнит им обо всем, что в течение трех веков вытравлялось иноземными завоевателями из памяти народа.

Но книга уже давно стала библиографической редкостью. Ризаль узнает, что один ее экземпляр хранится в Британском музее в Лондоне. И чтобы достать ее, он собирается из Соединенных Штатов отправиться в Англию.

Корабль доставляет его в Японию. Трудно поверить, что в течение месячного пребывания в Японии Ризаль сумел научиться хорошо говорить по-японски. Современники свидетельствуют, что даже природные японцы часто принимали его за

соотечественника.

Уезжая из Японии на американском корабле, Ризаль встретил путешественника-японца, не говорившего ни слова ни на каком иностранном языке. Ризаль взял его под свою опеку на время переезда в Америку и затем в Европу. Впоследствии, занявшись японским языком более систематически, Ризаль в короткий срок научился свободно читать и писать.

В Токио, как и в Гонконге, Ризаля поразила необыкновенная предупредительность испанских консулов и дипломатов. Его почти замучили изысканными любезностями и заставили воспользоваться гостеприимством в консульских зданиях.

Секрет был прост. Испанские представители были предупреждены о проезде «опасного крамольника». Широкое гостеприимство было лишь формой надзора; и шпионажа за деятельностью Ризаля за границей. В Токио Ризалю даже предложили остаться переводчиком при посольстве — наиболее верный способ, которым думали удержать его под постоянным контролем.

Но Ризаль отказывается от предложенной чести. Пароход везет его из Иокогамы в Сан-Франциско.

На пароходе, как всегда, Ризаль привлекает к себе всеобщие симпатии и поражает окружающих своим прекрасным знанием языков.

Обетованная земля встретила Ризаля негостеприимно. Страх Сан-Франциско перед холерой обрекает пассажиров парохода на мучительно долгий карантин. Среди всеобщих жалоб и протестов один Ризаль сохраняет спокойствие. Он только недоумевает в своем дневнике, почему беспрепятственно выгружают товары, а людей на берег не пускают.

В Соединенных Штатах Ризаля ждет разочарование. Правда, он отмечает расцвет промышленности и сельского хозяйства: «Я посетил крупнейшие города Америки. Они обладают прекрасными зданиями и величественными идеями». Но в стране признанной свободы и демократии Ризаля тяжело поразило национальное угнетение и неравенство. Расовые предрассудки и гонения против китайцев в Сан-Франциско, неравноправное положение негров и их эксплуатация вызывают его негодование. Он возмущен и как демократ и как ученый, борющийся против расовых «теорий».

На лучшем в те времена океанском пароходе «Город Рим» Ризаль отплывает в Европу.

В Лондоне, не без труда добившись доступа в Британский музей, Ризаль работает над книгой де Морга и изучает историю своей страны. Результатом изучений явились не только

комментарии к переизданию книги де Морга, но и брошюра, написанная для «Эль солидаридад». В этой брошюре Ризаль мастерски рисует праздность и пороки испанских завоевателей и тяжкие последствия колониальной эксплуатации, убивающей творческие силы и инициативу филиппинского народа, противопоставляя всему этому положение своей родины до завоевания ее Испанией.

Не только примерами из истории родной страны будит Ризаль национальное сознание филиппинцев. Ему хочется познакомить свой народ и с героическими эпизодами борьбы других стран за свое национальное освобождение. Он переводит на тагалогский язык «Вильгельма Телля».

Одновременно с историческим исследованием Ризаль уделяет много времени филологии. Он близко сходится с английским ученым Ростом, под руководством которого ведет научную филологическую работу.

В свободное время Ризаль часто посещает семью либерального филиппинского адвоката Антонио Рехидора, изгнанного из Филиппин после Кавитского восстания. Здесь его окружает атмосфера ревниво сохраняемых воспоминаний о первых борцах за освобождение филиппинских народов, внимательная заботливость старика и нежность дочерей. Но Ризаль верен памяти Леоноры, и едва он замечает, что чувства одной из девушек начинают перерастать рамки дружбы, он решает покинуть Лондон. Его работа в Британском музее закончена, и он направляется в Париж.

Преследования семьи

Еще в Лондоне Ризаль получил первые тревожные вести с родины. Лишь только Ризаль покинул Филиппины, на его родных обрушились преследования и гонения доминиканцев и светских испанских властей.

Сестра Хосе Ризаля Люсия была замужем за его близким другом Мариано Эрбоса. Мариано умер вскоре после отъезда Ризаля, и его смерть открыла монахам возможность гнусной и издевательской мести.

Под предлогом, что Эрбоса умер якобы без покаяния, его труп выбрасывают из могилы. Церковные власти запрещают хоронить его на кладбище. В обстановке искусственно раздуваемых монахами религиозных предрассудков лишение христианского погребения воспринимается семьей и окружающими как позор и несчастье.

Все мольбы и жалобы родных остаются без ответа. Монахи-доминиканцы, прежде чем вырыть труп, заручились санкцией манильского архиепископа. Они не сообщили ему, что покойник уже похоронен, а только запросили, — как поступить с никогда не исполнявшим церковных обрядов и умершим без покаяния зятем мятежного Ризаля. Последовал, конечно, ответ — лишить крамольника церковного погребения.

Попытки жены и родных протестовать не только не доходят до Манилы, но вызывают обвинения в кощунстве против них самих.

Ризаль был далеко, его нельзя было сослать или засадить в тюрьму, но его можно было заставить тяжело страдать, терзая его родных. И один за другим, под разными предлогами, все родные Ризаля подвергаются арестам и ссылке. Его старший брат Пасьяно, уже давно находившийся на подозрении у властей, сослан на остров Миндоро по обвинению в мятежных мыслях. Мужа другой сестры Ризаля — Мануэль Идальго ссылают за якобы совершенное им святотатство: его ребенок умер от холеры, и он осмелился, исполняя предписания гражданских властей, похоронить его, не дожидаясь церковной панихиды.

Две сестры Ризаля — жертвы тех же нелепых обвинений.

Вскоре приходит очередь и отца Ризаля. Его конфликт с доминиканцами, владельцами земли в Каламбе, явился предлогом массового движения арендаторов и жестокой расправы с ними властей. Впоследствии в статье «Индюк — причина аграрных беспорядков в Каламбе» Ризаль с горьким сарказмом описал этот эпизод колониального произвола. Отец Ризаля

Франсиско Меркадо выращивал породистых индюков. Местный управляющий владениями доминиканского ордена очень любил видеть этих упитанных и вкусных птиц на своем столе. Все чаще и чаще отец Ризаля вынужден был преподносить монаху лучшие экземпляры своего птичьего двора. Но однажды он не смог удовлетворить аппетиты доминиканца. Все стадо индюков погибло от эпидемии, осталось лишь несколько птиц, которых необходимо было сохранить на племя.

Самый почтительный отказ монах воспринял как кровное оскорбление и, охваченный жаждой мести, обрушился на Меркадо. Когда наступил очередной срок взноса арендной платы, Меркадо предложили внести удвоенную ставку. Он покорился, но к следующему сроку арендная плата снова возросла вдвое… Когда в третий раз с него потребовали еще более высокой арендной платы, Франсиско Меркадо отказался платить и подал в суд.

Монахи добились передачи дела на рассмотрение верному судье, вынесшему приговор в пользу ордена. Но Меркадо не сдавался. Он пытался искать справедливости в высших судебных инстанциях. И здесь его ждало поражение. Повторялась старая история с арестом матери Ризаля.

Жирного монаха кощунственно лишили возможности съесть очередного индюка! Это привело к еще более печальным результатам, чем отказ в сене для лошади сержанта гражданской гвардии…

Мужественная борьба отца Ризаля против всесильного монашеского ордена вдохновляет и других арендаторов. Они возбуждают судебные дела против доминиканцев, обвиняя их в незаконном присвоении их земли, пытаются доказать, что земля, за которую орден требует с арендаторов непосильной ренты, искони принадлежала им и их предкам.

Совместное выступление арендаторов! Власти не довольствуются одним судебным решением. В Каламбе появляется рота пехоты и батарея артиллерии. Каламба осаждена и захвачена войсками как вражеская крепость, арендаторы получают приказ в двадцать четыре часа убрать свои жилища с монашеской земли и убраться самим. Несчастные «мятежники» не могли выполнить жестокое распоряжение, и по истечении указанного срока их дома были уничтожены и сожжены солдатами. В огне погиб и дом, где родился Хосе Ризаль.

Герой жестокой расправы — генерал-губернатор Вейлер, друг монахов, впоследствии получил на Кубе кличку «мясника».

Уже после филиппинской революции 1898 года в архивах было найдено его письмо руководителям доминиканского ордена.

Вейлер цинично выражал свою радость по поводу услуги, которую он смог оказать монахам в борьбе со строптивыми арендаторами.

Члены семьи Ризаля, еще находившиеся на свободе, поселились в маленьком домике в Лос Баньосе. Лишившись всего имущества, разорившись на взятки и адвокатов, семья оказалась обреченной почти на нищету.

Ризаль живо откликается на несчастье своей семьи. Деятельный сотрудник «Эль солидаридад», неутомимо поставлявший журналу поэмы, очерки, политические обзоры и передовые статьи, требовавшие реформ, Хосе пишет яркую статью о надругательстве над трупом Эрбоса, описывает историю с индюками, вместе с другими филиппинскими эмигрантами протестует против жестокой несправедливости, проявленной к арендаторам Каламбы.

В «Эль солидаридад» (август 1890 г.) без подписи напечатана его яркая, обличающая доминиканских монахов, статья «Месть трусов».

В его новом романе «Эль Филибустеризмо» трагическая история крестьянина Талеса является художественным изображением судьбы арендаторов Каламбы. Ризаль не скрывает этого. Глава, повествующая о судьбе Кабесана Талеса, нашедшего единственный выход из конфликта с колониальными властями в уходе в разбойники — тулисаны, заканчивается следующими словами:

«Успокойтесь, мирные обитатели Каламбы. Никто из вас не носит имени Талеса, никто из вас не совершил ни одного преступления… Вы расчищали ваши поля, вы потратили на них труд всей вашей жизни, свои сбережения, свое время, и вы лишились их, были изгнаны из своих домов, а вашим соседям было запрещено оказывать вам даже временное гостеприимство. Не довольствуясь поруганием справедливости, они (доминиканские монахи) растоптали священный алтарь вашей родины. Вы служили Испании и королю, но когда их именем вы требовали справедливости, вы были осуждены без суда, вырваны из объятий жен и детей. Каждый из вас страдал больше, чем Кабесан Талес, но никому из вас не удалось добиться справедливости. К вам не было проявлено ни человечности, ни снисхождения, вас преследовали даже за пределами могилы, как Мариано Эрбоса. Плачьте или смейтесь там, на этих уединенных островах, где вы бродите без веры в будущее. Испания, великодушная Испания, следит за вами и рано или поздно окажет вам справедливость!»

«Эль солидаридад»

После окончания мадридского университета в 1885 году Ризаль не был в Мадриде пять лет.

За эти годы филиппинская колония в Мадриде очень изменилась. Мадрид стал центром, в котором сосредоточились либеральные сторонники реформ на Филиппинах. Наиболее активные лидеры филиппинской буржуазии пытаются здесь, при поддержке прогрессивных слоев испанского общества, добиться изменения колониального режима. Душой этого движения за реформы был в Мадриде Марсело дель Пилар.

Он не только фактически руководит «Испано-филиппинской ассоциацией», номинально возглавляемой либеральным испанским профсоюзом, и редактирует «Эль солидаридад», но всячески пытается привлечь к Филиппинам симпатии передовых испанских деятелей. При их помощи он стремится добиться для Филиппин ряда реформ, в том числе и права посылать депутатов в кортесы. Деятельность Испано-филиппинской ассоциации и пропаганда «Эль солидаридад» не оставались безрезультатными. Они служили делу объединения филиппинских сил, хотя дель Пилар и другие представители филиппинской буржуазии были еще далеки от идей подлинного национального освобождения, первым шагом которого должно было явиться отделение от Испании.

Значение «Эль солидаридад» для развития национально-освободительного движения на Филиппинах было неизмеримо больше, чем роль «Испано-филиппинской ассоциации».

В то время как Ассоциация, по существу, была известна только верхушке филиппинской интеллигенции и отражала борьбу испанской и филиппинской буржуазии за умеренные реформы, «Эль солидаридад» находил дорогу к сердцам широких филиппинских масс.

Ввоз и распространение журнала в колонии были строго запрещены. Гражданская гвардия охотилась за «Эль солидаридад» с неменьшим рвением, чем русские жандармы с середины XIX века вылавливали герценовский «Колокол». И все же журнал находил нелегальные пути на Филиппины, его номера передавались из рук в руки и делали свое дело.

Хотя журнал отражал чисто реформистскую линию филиппинской буржуазии и был лоялен к испанскому господству, но яркий антиклерикализм придавал ему характер боевого органа. В нем разоблачалась деятельность монашеских орденов и открыто ставился вопрос об изгнании монахов с островов.

А борьба против испанских монахов казалась в тот период «фокусом, в котором объединялись все представления народа о свержении испанского гнета. И филиппинская буржуазия, сама того не сознавая, возбуждая ненависть к монахам, по существу воспитывала в филиппинских массах мысль о борьбе против испанских колонизаторов вообще.

Ризаль, не будучи в Мадриде, принимал самое активное участие в работе эмигрантов. Он — член «Испано-филиппинской ассоциации». Он — наиболее активный сотрудник «Эль солидаридад». Три года его сотрудничества в журнале (1888–1896) — годы наиболее плодотворной публицистической деятельности Ризаля, период, когда окончательно складываются его политические идеалы. Его имя становится для каждого филиппинца синонимом борьбы за национальное освобождение.

Ризаль, как сотрудник «Эль солидаридад», более чем кто-либо другой был сторонником постепенных реформ и противником революционного пути освобождения Филиппин. Но, являясь противником революции, Ризаль лучше других чувствовал ее нарастание, ее мощную поступь, которая пугала его самого и которой он, в свою очередь, пытался напугать испанское правительство.

Трезвый и логический ум Ризаля правильно оценивал те первые признаки новой формы национально-освободительной борьбы, которые приходили на смену призрачным чаяниям либералов. Он видел эти признаки и в анонимных революционных листовках, все чаще появлявшихся в среде филиппинской эмиграции, и в письмах, получаемых им из Филиппин, и в тоне дискуссий филиппинской молодежи.

Или реформы свыше, или революция снизу — этот выбор уже ясно стоит перед Ризалем. Сам он не сторонник революции. Он хочет реформ и верит, что они способны обеспечить филиппинскому народу счастливую будущность, но он начинает уже терять надежду на получение этих реформ от испанского правительства.

А если реформ не будет — революция неизбежна. Никто из буржуазно-интеллигентских застрельщиков национально-освободительного движения Филиппин не сознавал так ясно неизбежность народного восстания и не обосновал его с такой железной логикой.

В этом отношении очень интересна серия статей Ризаля, озаглавленных «Филиппины через сто лет», печатавшихся в 1889–1890 годах в «Эль солидаридад».

Перечисляя все ужасы колониального режима на Филиппинах, Ризаль ставит вопрос, может ли продолжаться

подобное положение, и категорически дает отрицательный ответ.

Он открыто рисует перед испанским правительством неизбежную перспективу народной революции. «Не время, — пишет он, — предсказывать возможный исход подобной борьбы, если она, к сожалению, придет. Исход будет зависеть от веры, настойчивости, качества оружия и от тысячи условий, которых люди не могут предугадать. Но одно несомненно. Даже если предположить, что правительство добьется полной победы, эта победа будет столь же разрушительна, как и поражение. И правительство должно быть достаточно мудрым, чтобы понять этот непреложный факт. Если те, кто пытается вершить судьбы Филиппин, будут упрямо настаивать на сохранении страны в темноте, вместо того, чтобы предоставить ей необходимые реформы, народ пойдет на риск восстания и предпочтет случайности восстания, каковы бы они ни были, той нищете и несправедливости, на которую он обречен. Что может он потерять в такой борьбе? Для нормальных людей выбор между бесконечными угнетения и славной смертью — вообще даже не выбор. Такие люди всегда избирают риск такой смерти, и в своем пылу, в своей храбрости отчаяния заходят так долго, что это компенсирует недостаток их численности».

Ризаль не только рисует перспективу восстания, но, анализируя происшедшие на Филиппинах за последние десятилетия изменения, показывает, что восстание не может быть местным, изолированным, как те сотни вспышек, которыми отмечены три века испанского колониального господства на Филиппинах.

Или испанское правительство предоставит Филиппинам широкие реформы, — заканчивает свои статьи Ризаль, — или филиппинский народ добьется своей независимости, залив кровью острова и Испанию.

Противник революции, Ризаль в этой же статье доказывает возможность для родного ему филиппинского народа быть независимым и в дальнейшем, если только ему удастся добиться свержения испанского господства.

Он пишет: «Если Филиппинам удастся добиться независимости в результате героической и тяжелой войны, — филиппинский народ может быть спокоен, что ни Англия, ни Германия, ни Франция, ни Голландия не посмеют захватить территорию, которой не сумела удержать Испания», но, если это даже и случится, «филиппинский народ будет защищать с пылкостью и мужеством свободу, купленную такой большой кровью и ценой таких жертв».

«Новый человек родится из недр Филиппин, с новой энергией

устремится он к прогрессу. Он направит все свои силы на укрепление своей страны. Золото будет извлечено из филиппинских недр, медь, свинец, уголь и другие минералы будут разрабатываться. Страна разовьет торговую и судоходную деятельность, к которой так склонны островные жители. Филиппинцы восстановят те свои положительные качества, которыми они обладали несколько веков назад и которые они теперь утратили».

В этих строках видно горячее чувство филиппинского патриота, убежденная вера в свой народ. Вот почему Ризаль — этот сторонник мирных реформ — делается признанным вождем всех революционных элементов Филиппин, вот почему его имя является революционным знаменем восставшего филиппинского народа.

Однако до конца своей жизни сам Ризаль не нашел в себе силы окончательно вырваться из круга своих реформистских представлений на путь активней революционной борьбы, хотя его искренняя любовь к родине и темперамент борца прорываются даже сквозь плотные покровы его собственной эволюционно-реформистской теории.

Характерны в этом отношении заключительные слова анонимной прокламации, опубликованной Риза-лем в Париже в 1889 году.

Поводом к ней послужил памфлет, распространявшийся жандармско-монашеской агентурой среди филиппинских эмигрантов в защиту испанского господства.

Революционные и антимонашеские листовки всегда публиковались без подписи и указания издательства. Их авторы, даже находившиеся в эмиграции, должны были думать об оставленных на родине родных и близких и оберегать их от мести колониальных властей. Реакционные клерикальные силы использовали эту традицию и выпустили в Гонконге анонимный памфлет, якобы принадлежащий перу филиппинского эмигранта. В этой неуклюжей фальшивке колониальный режим на Филиппинах изображался как самый лучший государственный строй, о монахах говорилось как о преданных друзьях и покровителях филиппинского народа. Как всякий типичный документ охранки, листовка призывала «соотечественников-филиппинцев» не слушаться агитаторов, добивающихся гибели страны и народа.

В ответ на него Ризаль выпустил полный сарказма манифест, где блестяще нарисовал подлинное положение филиппинского народа. Манифест кончался словами: «Когда народ растерзан на куски, когда его достоинство, честь и все свободы попраны, когда

не остается никаких законных средств против тирании мучителей, когда жалобам, мольбам и стонам не внемлют, когда народу даже не позволяют кричать, когда его последняя надежда вырвана из сердца… Тогда… тогда… тогда… не остается никакого иного средства, как схватить безумной рукой с осквернённых алтарей кровавый и самоубийственный кинжал революции».

Эта листовка невольно воспринималась как призыв к революции, хотя для Ризаля кинжал ее — по-прежнему «кровав и самоубийственен».

***

Ризаль, каким описывают его близкие друзья этого периода, и в обычной жизни был полон бурных страстей, заключенных в оболочку безукоризненной внешней корректности.

Многолетняя кабинетная работа к тридцати годам слегка ссутулила Хосе Ризаля, но он не потерял своих спортивных навыков, когда-то привитых ему в Каламбе дядюшкой Антонио. Его напряженная умственная работа не мешала постоянным гимнастическим упражнениям, длительным прогулкам пешком и верхом, состязаниям в борьбе и фехтовании.

Всегда тщательно и строго одетый, установивший для себя нерушимое правило никогда не повышать голоса, предупредительный, мягкий в обращении, Ризаль редко шутил и смеялся. С ним было трудно поссориться. Несмотря на свою манеру откровенных и искренних суждений о людях, Хосе умел облечь их в деликатную форму. Но за всем этим таилась огромная пылкость и вспыльчивость.

***

В Париже Ризаля волнуют тревожные вести с Филиппин, он много и деятельно пишет для «Эль солидаридад» и одновременно постигает тонкости французского языка. После специального изучения в Париже в 1889 году он достигает высокого совершенства и через год публикует в Мадриде хрестоматию и учебник французского языка.

Здесь же, в Париже, стремясь завоевать симпатии других народов к своей родине и разоблачить веками наслоившуюся клевету колонизаторов, Ризаль основывает «Интернациональную ассоциацию филиппинистов». Президент Ассоциации — венский

профессор Блюментрит, вице-президент — английский филолог Рост, один из директоров — парижский доктор Планшю, проведший несколько лет на Филиппинах и напечатавший в «Ревю де де Монд» интересные воспоминания.

Ассоциация ставит своими задачами организацию международного конгресса, изучение филиппинской истории, создание музея и библиотеки по Филиппинам, публикацию работ и исследований, касающихся Филиппин, и привлечение общественного внимания к жгучим вопросам народов островов.

Но Ризаля тянет в Мадрид. Здесь он рассчитывает вступить в личный контакт с руководителями «Испано-филиппинской ассоциации» и с «Эль солидаридад», выяснить настроения, господствующие среди филиппинских националистов, о которых он получает тревожные сведения. Наконец, он надеется в Мадриде добиться от испанского правительства облегчения участи своей семьи.

В 1890 году Хссе Ризаль снова в Мадриде. Но здесь его встречает недоброжелательное отношение некоторых филиппинских эмигрантов, а все его попытки добиться смягчения судьбы своих родных разбиваются о неприступность испанской бюрократии.

Невозможность добиться справедливости для нескольких невинных людей — еще один удар по эволюционно-реформистской концепции Ризаля. Быть может, в этом кроется причина отхода Ризаля от мадридской группы эмигрантов и его расхождение с «Эль солидаридад».

Через несколько месяцев после приезда в Мадрид Ризаль снова покидает его в августе 1890 года, чтобы больше никогда не возвращаться. В декабрьском номере «Эль солидаридад» напечатана небольшая новелла «Мариан Макилин» — его последняя работа, написанная для этого журнала. «Мариан Макилин» является художественным протестом против обязательной воинской повинности, введенной Испанией на Филиппинах. Ризаль, всегда требовавший уравнения филиппинцев в правах с испанцами, рисует разрушительные последствия принудительной службы филиппинского юношества в войсках колонизаторов, страх и ненависть филиппинцев перед рекрутским набором.

Прежде чем окончательно отойти от мадридской группы, Ризаль пытается еще принять участие во всех ее начинаниях.

Он одним из первых вступает в филиппинскую масонскую ложу «Эль солидаридад», основанную в том же году в Мадриде.

Руководитель этой ложи дель Пилар был далек от мысли использовать масонские организации на Филиппинах для борьбы

за отделение от метрополии. Он стремился превратить масонские ложи в организацию сбора средств для пропаганды в Испании реформ, для пропаганды ассимиляции филиппинского народа.

Здесь заключается основное принципиальное расхождение между Ризалем и дель Пиларом. Ризаль был горячий филиппинский патриот и всегда боролся за национальное развитие своего народа. Он хотел пробудить национальную гордость филиппинцев, воскресить задавленное колонизаторами национальное самосознание. Далекий от всякого шовинизма, он мечтал о времени, когда свободные народы всего мира сольются в одну семью, но путь к космополитизму он видел прежде всего в развитии национальных свойств народа. Космополитизм сочетался в Ризале с отстаиванием подлинной филиппинской народности. В этом было его отличие от той части филиппинской и метисской буржуазной интеллигенции, заветной мечтой которой было ассимилироваться, слиться с испанскими колонизаторами.

И чем больше терял Ризаль веру в то, что реформы будут даны испанским правительством, тем сильнее расходился он с группой дель Пилара.

Ему начинают казаться бессмысленными торжественные банкеты, на которые дель Пилар собирает либеральных депутатов кортесов и куда он пытается заманить даже видных деятелей клерикального мира. Он неодобрительно смотрит на попытки дель Пилара использовать соперничество между различными монашескими орденами.

Сторонники дель Пилара, с своей стороны, обвиняют Ризаля в нежелании бороться за реформы.

Ризаль воспринимает свой внутренний разлад и нападки части эмигрантов очень тяжело. Он покидает Мадрид и, уединившись в университетском городе Голландии Генте, целиком отдается работе над продолжением своего первого романа.

Критики Ризаля видят в этом чуть ли не дезертирство и усиливают свои нападки. В 1891 году даже «Эль солидаридад» помещает статьи, направленные против Ризаля. Мы увидим, как болезненно воспринимал все это Ризаль и как на всю жизнь осталось в его сердце тягостное ощущение несправедливой обиды.

«Эль Филибустеризмо»

В работе над вторым крупным романом Ризаль находит временное забвение от личных обид и несчастий своей семьи. В нем он видит служение народу и обещает себе не покидать Гента, прежде чем работа не увидит света.

Но мыслями он на Филиппинах; он стремится на родину, ищет путей, чтобы помочь своему народу и вырвать своих родственников из когтей палачей. Он знает, что ехать на Филиппины сейчас для него — автора мятежных сочинений, — опасно и бессмысленно.

Он мечтает о переезде в Гонконг, он надеется, что медицинской практикой сможет заработать достаточно денег, чтобы помогать своим родным. Он мечтает создать в Гонконге убежище, где могли бы искать поддержки преследуемые и высылаемые с Филиппин патриоты. Но все это он откладывает до окончания своего романа.

«Эль Филибустеризмо» — почти непереводимое слово. В колониальных условиях ему придавались бесконечные оттенки. Повстанец, инсургент, вольнодумец, просто человек, несогласный с мнением приходского священника; масон или студент, открыто требующий изучения испанского языка, определялся краткой кличкой «филибустер». Заклейменный, как филибустер, филиппинец мог безошибочно ожидать обыска, ареста, ссылки.

«Эль Филибустеризмо» — как бы продолжение первого романа Ризаля. В нем прослежена дальнейшая судьба тех героев «Не касайся меня», которым автор сохранил жизнь.

Но «Эль Филибустеризмо» является и ярким документом, рисующим эволюцию самого Ризаля, смятение его чувств, его попытки найти выход, разрешить внутренние противоречия: крах надежд на возможность мирных реформ от Испании и страх и неверие в неизбежно грядущее вооруженное восстание.

Мирный, эволюционно настроенный Ибарро — герой первого романа Ризаля, верный сын Испании, мечтающий о создании школ для филиппинского народа, выступает во второй части как таинственный и мелодраматический революционер. Он — мститель за поруганных и угнетенных, вооруженный коварством и не отступающий перед жестокостью и кровопролитием. Причины его превращения — глубоко личные, узко индивидуалистические — обиды и потеря невесты, запертой в монастыре, превращает его в тайного врага Испании и всего колониального политического режима. Никем неузнанный, под видом ювелира Симона, возвращается он на Филиппины. Он

сказочно богат, спасенная Элиасом шкатулка с фамильными драгоценностями помогла ему составить в Америке громадное состояние.

Под маской торгаша-ювелира, принятого при дворе ничтожного и жестокого генерал-губернатора, в котором нетрудно узнать ненавистного филиппинцам Вейлера, он скрывает безумную жажду мести. Он мечтает довести филиппинский народ до кровавого восстания, которое утопит в крови всех колонизаторов и монахов и откроет двери монастыря, где томится Мария Клара.

Он искусно плетет тайные нити заговора. Близкий друг генерал-губернатора, лицо, уважаемое монахами, он толкает колониальные власти на новые и новые жестокости, реакционными мерами стремится вызвать к ним ненависть населения. В то же время, путешествуя со своей шкатулкой ювелира из города в город, он незаметно разжигает недовольство, ищет пригодных для восстания людей, входит в сношения с разбойниками — тулисанами.

Эти странствования Симона-ювелира по Филиппинам позволяют Ризалю развернуть перед читателем широкое обличительное полотно филиппинской действительности, показать с редкой правдивостью новую галерею реалистических портретов.

Рассказ о мятежной работе Симона-Ибарро перекрещивается с двумя грустными повестями о любви.

Студент Базилио, кончающий медицинский факультет, — сын несчастной крестьянки Сисы, умершей в «Не касайся меня» от горя и нищеты после гибели своего второго сына, — любит Юлию. Она — единственная дочь несчастного арендатора, лишенного монахами своего участка земли и вынужденного уйти в разбойники. Базилио — мирно настроенный идеалист, которого даже Симону не удается убедить своими пламенными аргументами, — также падает жертвой колониальных властей. Его обвиняют в произнесении мятежных речей на студенческой пирушке, на которой он даже не присутствовал. Ему грозит смертная казнь. Несчастная невеста в отчаянии. Ее убеждают пойти к влиятельному патеру Каморре, близко стоящему к генерал-губернатору, и молить о заступничестве. Девушка после мучительных колебаний решается на этот поступок. Она идет к священнику, а через несколько часов выбрасывается из верхнего окна монашеской резиденции.

Когда к ней подбегает народ, она уже мертва.

Базилио удалось освободиться, но, узнав о гибели невесты, он в отчаянии примыкает к тайным последователям Симона.

Другая повесть несчастной любви живо напоминает судьбу самого Ризаля. Студент Исагани любит девушку из богатой манильской семьи. Но он на подозрении у властей, и родители уговаривают Паулину отказаться от жениха. Ради богатства и общественного положения она соглашается на брак с испанцем. Готовится торжественный свадебный пир. В доме родителей Паулины собирается вся манильская знать. На свадьбе присутствуют генерал-губернатор, манильский архиепископ, все колониальные власти. Приглашен, конечно, и ювелир Симон. Он избирает этот день для начала восстания. Доведенные до отчаяния окрестные крестьяне, собравшиеся в горах близ Манилы, разбойники, все объединенные Симоном заговорщики только ждут сигнала, чтобы ворваться в город и залить его кровью угнетателей.

Сигналом должен явиться взрыв в доме Паулины. Симон уже заранее упивается местью. Одним ударом взорвав дом со всеми своими врагами, он отомстит за себя, за Марию Клару, тем временем уже успевшую умереть в монастыре, за свой народ.

Он преподносит Паулине в качестве свадебного подарка лампу прекрасной работы, начиненную динамитом. Лампа должна взорваться, когда ее зажгут. Но заговор не удается. Базилио случайно поведал о нем Исагани, отверженному жениху, в тоске бродящему вокруг ярко освещенного дома Паулины.

Исагани все еще любит изменившую ему невесту. Мысль о предстоящей ей ужасной гибели для него невыносима. Исагани врывается в дом, где гости сидят за обильным ужином, а на столе уже зажжена роковая лампа. Юноша бросает лампу через окно в реку, и этим предотвращает взрыв.

Тщетно ждут заговорщики условленного сигнала. Сам Симон почти разоблачен. Заговор не удался, и у него нет ни сил, ни энергии взяться за подготовку нового.

Он уходит к тулисанам и вместе с ними ведет партизанскую борьбу против испанских властей. В одной из стычек его настигает солдатская пуля. Раненый, он едва добирается до уединенного домика священника-филиппинца. Здесь Симон-Ибарро умирает, успев рассказать ему свою безрадостную жизнь.

Сила воздействия второго романа Ризаля на филиппинского читателя была не в фабуле и не в наивном замысле заговора Ибарро. Громадное влияние «Эль Филибустеризмо» на развитие национально-освободительного движения объяснялось критикой колониального режима, еще более острой и безжалостной, чем в первом романе Ризаля, еще большей ненавистью к монахам. Подготовляя свою месть, Симон соприкасается со всеми слоями населения, и повсюду Ризаль рисует в различных проявлениях

картину произвола и издевательства властей и монахов, бесправие и страдание народа.

Большой искренний художник, Ризаль в своем романе не может найти для своих угнетенных героев иного выхода, как путь вооруженной борьбы.

Логика развивающихся событий и неизбежность конфликтов с колониальным режимом толкает на путь вооруженной борьбы и обездоленного монахами крестьянина Талеса, и невинно пострадавшего мирного Базилио, и самого Симона-Ибарро. Пусть само воплощение народного восстания в заговоре Симона нелепо и безнадежно — роман, помимо воли Ризаля, подсказывает читателю неизбежность вооруженной борьбы.

«Эль Филибустеризмо» проникнут значительно более четкими, чем первый роман, призывами к борьбе за полное освобождение народа. В нем уже чувствуется большая зрелость мысли Ризаля. «Жизнь бесполезна — говорит Ризаль устами одного из героев романа, — если она не посвящена великой идее. Она — как камень, бесплодно валяющийся в полях, вместо того, чтобы стать частью постройки».

На всем протяжении романа Ризаль в образах своих героев борется с собой, с раздирающими его самого противоречиями.

В первом романе эволюционист Ибарро верно отражал взгляды автора; в «Эль Филибустеризмо» изменившийся в столкновении с жизнью и выросший Хосе Ризаль говорит о своих убеждениях устами Симона и опровергает его аргументами Базилио. Утверждает свои прежние верования при помощи Базилио и разрушает их пламенным сарказмом Симона. Он заставляет Симона произносить горячие слова в защиту патриотизма и филиппинской народности, слова, которые перекликаются с высказываниями Ризаля в его собственных статьях для «Эль солидаридад». «Патриотизм — преступление лишь у народа-тирана, так как здесь под красивыми словами скрывается грабеж. Но как бы ни совершенствовалось человечество, патриотизм всегда будет добродетелью у угнетенного народа, так как всегда будет означать любовь к справедливости, свободе, личному достоинству».

Устами Базилио он защищает свою твердую веру в торжество науки, в ее преимущество над преходящими и меняющимися человеческими страстями: «Наука более вечна, более человечна и более универсальна — восклицает Базилио. — Я избрал себе цель жизни и посвятил себя науке». Но тут же словами Симона Ризаль доказывает, что для истинного торжества науки необходимо, чтобы не было ни угнетающих, ни угнетенных народов, чтобы человек был свободен и умел уважать свои права и права другого.

Глубоко веря в будущее своего народа, Ризаль считает, что темные и отсталые в результате векового угнетения филиппинские народные массы в данный период неспособны явиться активной борющейся силой, что прежде, чем народ сможет добиться освобождения собственными силами, он должен объединиться, должен получить просвещение. Иначе ликвидация испанской тирании приведет лишь к власти собственных тиранов.

Ризаль опасался, чтобы к власти не пришла та грубая и презирающая свой народ верхушка филиппинской буржуазно-помещичьей клики, которая готова была предать национальные интересы за жалкие крохи сверхприбылей, брошенные со стола колонизаторов. И дальше во всех своих произведениях и отдельных высказываниях Ризаль неустанно и беспощадно разоблачает эту верхушку филиппинского общества, он как бы предугадывает ход будущей борьбы, когда его народ, добившись ценою многих жертв освобождения от испанского ига, будет продан в новое рабство своей же филиппинской буржуазией.

У порога родины

Роман закончен. На этот раз Хосе Ризаль оказался в состоянии напечатать книгу на свои средства. Сдав роман в гентскую типографию, Ризаль в октябре 1891 года направляется в Гонконг.

Беспокоясь за судьбу своих родных, он строит различные планы. Он мечтает заработать медицинской практикой в Гонконге достаточно денег, вывезти всех своих родственников с Филиппин и этим не только избавить их от преследований, но и развязать руки самому себе, лишить колониальные власти возможности шантажа и мести.

К порогу родины гонят его и разочарование в работе мадридских реформистов и конфликт с частью лидеров филиппинской эмиграции.

Надежды Ризаля на успешную медицинскую практику осуществились. Действительность превзошла все его ожидания. Через несколько недель после приезда Ризаля, слава о нем, как о блестящем окулисте, приводит в Гонконг сотни больных. Несмотря на бескорыстие, доктор Ризаль впервые в своей жизни забывает, наконец, о денежных затруднениях.

У него много денег. Он едет в английскую часть Борнео, чтобы присмотреть там подходящий участок земли, приобрести его и поселить вывезенных с Филиппин родственников. Сходство природных условий Борнео с Филиппинами приводит его в восторг, ему кажется, что изгнанники не будут здесь чувствовать себя оторванными от родины.

Но все его попытки в Гонконге так же, как и прежние хлопоты в Мадриде об облегчении участи своей родни, обречены на неудачу. Ему удается выписать к себе в Гонконг только сестру Люсию, каким-то чудом оказавшуюся к этому времени на свободе; всем остальным, даже старикам-родителям, колониальные власти не позволяют покинуть Филиппины, не говоря уже о многочисленных Реалондо и Ризалях, разосланных по дальним и негостеприимным островам. Ризаль постепенно приходит к мысли, что ему остается только самому поехать на Филиппины и личными хлопотами добиться освобождения родных.

Опасность возвращения на родину Ризаль полностью сознавал. Но желание непосредственно участвовать в борьбе за улучшение судьбы своего народа, делом доказать своим критикам из Мадрида всю несправедливость их обвинений укрепили его решимость.

Нападки мадридских эмигрантов преследуют Ризаля и в

Гонконге.

В письме к Карлосу Оливеру Ризаль пишет: «Я чрезвычайно огорчен этой войной против меня, преследующей цели дискредитировать меня на Филиппинах, но я буду доволен, если только мои преемники возьмутся по-настоящему за дело. Я спрашиваю только тех, кто обвиняет меня в том, что я сею раздор между филиппинцами, было ли какое-нибудь действительное единение, прежде чем я вступил в политическую жизнь? Были ли какие-нибудь вожди, авторитет которых я оспаривал? Жаль, что при нашем рабском положении у нас расцветает соперничество из-за лидерства».

Он болезненно воспринимает направленные против него статьи в «Эль солидаридад». «Я снова повторяю, — писал Ризаль 24 мая 1892 года своему приятелю Зулуэто, — что не вижу причин для нападок на меня за то, что я посвятил себя устройству убежища для наших соотечественников, для пользы нашего общего дела на случай преследований, и писанию книг, которые скоро выйдут из печати…»

Ризаль долгое время подозревал, что нападки на него вдохновляет дель Пилар. Такое отношение старого друга причиняло ему глубокие страдания. Дель Пилар в письме к Ризалю пытался оправдаться. Трудно судить, насколько убедили Ризаля объяснения дель Пилара, но, хотя между ними вновь завязалась переписка, в тоне Ризаля чувствуется плохо скрываемый холодок.

В письмах к дель Пилару сквозит также неверие Ризаля в успех мадридских реформистов. Ризаль пишет ему в мае 1892 года: «Не желая вовсе изображать из себя ментора журнала или Ассоциации, я считаю, что сейчас немного можно ожидать от испанского общественного мнения».

Ко времени выезда Ризаля на родину, обстановка там несколько изменилась: кровожадного Вейлера сменил новый генерал-губернатор, рекламировавший себя либералом, Евлогий Деспухол. Однако Ризаль меньше всего верил этим декларациям. Он уже узнал истинную цену широковещательным обещаниям испанских колониальных чиновников.

В ответ на письмо к Деспухолу Ризаль получает разрешение на въезд для себя и своей сестры Люсии и торжественные заверения в полной безопасности возвращения на родину.

Все же, уезжая на Филиппины, Ризаль оставляет друзьям два письма с просьбой опубликовать их в случае, если враги не выпустят его живым.

Одно письмо, адресованное «Моим соотечественникам», полно неподдельной любви к своей родине. Вместе с тем в нем

сквозит почти уверенность в трагическом конце своей поездки и чувствуются незабытые обиды на своих мадридских критиков. В этой части письма Ризаль пишет: «Шаг, который я делаю, несомненно сопряжен с опасностью, и нечего и говорить, что я решаюсь на него после долгих размышлений. Я знаю, что почти все мои друзья недовольны этим; но я знаю также, — едва ли кто-нибудь понимает, что творится в моем сердце. Я не могу жить, видя как много людей подвергается из-за меня преследованиям; я не могу больше выносить, чтобы с моими сестрами и членами их семейств обращались как с преступниками. Я предпочитаю умереть и с радостью отдам жизнь ради спасения ни в чем неповинных людей… Я хочу показать тем, кто отказывает нам в патриотизме, что мы умеем умирать во имя долга и убеждений. Что значит смерть, если умираешь за то, что любишь, за родину и близких?

Если бы я думал, что я — единственная опора прогрессивной политики на Филиппинах, и надеялся, что мои соотечественники когда-нибудь воспользуются моими услугами, я колебался бы, может быть, перед таким шагом; но есть много других, которые могут заменить меня и с большим успехом. Более того, они-то и считают меня ненужным, не прибегают к моим услугам, осуждая меня на бездеятельность;.

Я всегда любил нашу несчастную родину, и знаю, что буду любить ее до последнего вздоха, даже если люди и несправедливы ко мне. Я всем пожертвовал для нее: жизнью, карьерой, счастьем. Какова бы ни была моя участь, я умру, благословляя ее и мечтая о заре ее искупления…»

В другом письме, адресованном родителям, братьям и сестрам. Ризаль писал:

«Моя неизменная любовь к вам заставляет меня решиться на этот шаг, но только время покажет, умно ли я поступаю. Мудрость поступков определяется их результатами, но каковы бы они ни были в данном случае, благоприятны или неблагоприятны, могу сказать одно, что я слушался веления долга. Поэтому, даже если я умру, исполняя свой долг, это неважно. Я знаю, сколько страданий я причинил вам, но все же не жалею о том, что сделал. Напротив, если бы я начал жизнь сначала, то снова пошел бы по тому же пути, потому что это мой долг. Я с радостью подвергаю себя опасности. Не в виде искупления за проступки (мне кажется, я ни в чем не виноват), а для завершения своего дела, предлагая себя как живой пример доктрины, которую я проповедовал.

Человек должен быть готов умереть во имя своего долга и убеждений…»

«Лига Филиппина»

Возвращение Ризаля на родину было возвращением любимого народного героя. Его романы, его статьи в «Эль солидаридад», проникавшие на острова, несмотря на все старания жандармов помешать этому, его горячие протесты против жестокого преследования каламбских арендаторов, — все это сделало имя Ризаля известным в самых отдаленных уголках Филиппин.

Филиппинский народ ждал от вернувшегося на родину Ризаля не только новых патриотических призывов. Филиппинская буржуазия все более разочаровывается в попытках добиться реформ от Испании. Буржуазия видит, что даже немногие уступки, которых она сумела добиться от правительства Испании при поддержке прогрессивных элементов, на практике остаются мертвой буквой. Прогрессивно-либеральная филиппинская буржуазия видела в Ризале лидера более действенной борьбы за реформы в самой колонии.

Но для широких народных масс, для крестьянства, городской бедноты, революционного студенчества, возросшей численно мелкобуржуазной интеллигенции Ризаль — подлинный вождь назревающей народной борьбы. Он «филибустер», которого народ, доведенный до отчаяния колониальным угнетением и притеснениями монахов, хочет видеть во главе своей революционной борьбы.

Сам Ризаль впервые в жизни горит желанием окунуться в практическую организационную работу. Он хочет показать своим критикам, как надо объединять филиппинский народ для борьбы за лучшее будущее.

Вернувшегося в Манилу Ризаля посещают видные представители прогрессивной буржуазии. Одними из первых явились к нему Тимотео Паес и Педро Серрано.

С их помощью Ризаль созывает в доме Онгхунгко первый митинг. Он призывает своих первых слушателей к национальному единению, горячо говорит о филиппинском патриотизме, о необходимости совместными усилиями добиваться экономического и культурного развития родины.

Следующее собрание уже гораздо многолюднее. Наряду с богатыми представителями манильской буржуазии Ризаль видит здесь и революционного интеллигента Аполинарио Мабини и «великого плебея» Андреса Бонифацио.

На этих тайных собраниях, созванных через несколько дней после возвращения Ризаля на Филиппины, возникает первая

филиппинская политическая организация «Лига Филиппина».

Ее цели, организационная структура, обязанности членов были собственноручно разработаны Ризалем.

Цели «Лиги» сводились к пяти пунктам:

1. Объединению островов архипелага в единое, мощное, компактное целое.

2. Взаимная защита во всех необходимых случаях.

3. Защита против насилия и несправедливости.

4. Поощрение и развитие образования, сельского хозяйства и торговли.

5. Изучение и введение реформ.

В этой краткой программе «Лиги» наглядно отразилась борьба за буржуазно-демократические задачи. Программа могла объединить вокруг «Лиги» широкие народные массы. Неслучайно среди первых членов «Лиги Филиппиида» мы находим и манильских богачей, и бедняка Мабини, и выходца из народных низов Андреса Бонифацио.

Организационные формы Лиги были подсказаны масонством. Ризаль сам был масоном, и большинство его первых последователей были руководителями и активными членами филиппинских масонских лож, во множестве возникших на Филиппинах за два года, предшествовавших возвращению Ризаля на родину.

Структура «Лиги Филиппина», с ее девизом «Vun nsta <…> omnium» («Один подобно всем»), была структурой масонских организаций, почему иерархии и степени сохранились и внутри «Лиги».

В деятельности Ризаля, как основателя «Лиги» и горячего ее проповедника, проявляются те же противоречия, которыми отмечены все его писания и выступления.

Стремясь превратить «Лигу» в средство борьбы за широкие экономические и политические реформы, Ризаль видел только мирный путь в рамках закона. Но своими горячими проповедями о естественных правах филиппинцев и о тех политических правах, которых филиппинский народ еще не имеет, но должен добиться, он будил революционную энергию народа.

Призывая весь филиппинский народ к национальному объединению, Ризаль видел основную движущую силу объединения лишь в образованных и богатых слоях филиппинского общества. Он по-прежнему не верил, что его народ, обреченный веками испанского владычества на угнетение, суеверие и забитость, может добиться освобождения, не приобретя сначала культурных привычек и образования.

Сначала просвещение, а потом свобода. Это убеждение

Ризаля обрекало «Лигу Филиппина» на безнадежный либерально-буржуазный реформизм. Неверие Ризаля в «необразованный простой народ», по существу, лишало «Лигу Филиппина» массовой базы.

Прежде всех понял это подлинный выходец из народных низов, горячий сторонник Ризаля — Андрее Бонифацио.

«Великий плебей»

«Великим плебеем» вошел Андрес Бонифацио в филиппинскую историю. Даже филиппинская буржуазия, в свое время изменнически убившая этого народного трибуна, пытавшегося наивно, но самоотверженно бороться за массовый, народный путь революции, теперь охотно признает его величие.

Андрес Бонифацио родился 30 ноября 1863 года в Хондо, одном из предместий Манилы. Его родители были очень бедны, и Андресу с ранних лет пришлось зарабатывать свое пропитание собственным трудом. Он прошел тяжелую жизненную школу представителя колониальной бедноты, выброшенной из сельского хозяйства и почти не находившей применения своим рукам.

Бонифацио работает торговцем вразнос тростями и бумажными веерами, рассыльным, приказчиком и, наконец, сторожем у фирмы Фрессель и К°.

Работая сторожем с оплатой в 12 песо в месяц, Бонифацио впервые посещает собрания, организованные Ризалем. Бедность родителей не позволила Андресу закончить даже начальную школу. Но всю жизнь он упорно и жадно учится и много читает.

Впоследствии, когда в его скромное жилище нагрянули жандармы, они нашли много книг. Их неполный список показывает, под каким влиянием складывалось мировоззрение Бонифацио.

Бонифацио был полной противоположностью Ризалю. Его страстная натура требовала активных действий, решительной борьбы против национального угнетения и социального неравенства. И он самостоятельно ищет ответа на волнующие его жгучие вопросы. Среди его книг были обнаружены романы Ризаля, полный комплект «Эль солидаридад», памфлеты и листки филиппинских националистов на испанском и тагалогском языках.

Национальное сознание Бонифацио складывалось под впечатлением работ Ризаля, но Бонифацио воспринимал Ризаля не как мирного реформатора, а как революционного вождя. В этом еще одно доказательство того, как Ризаль, помимо своей воли, способствовал росту революционных настроений среди филиппинцев, создавал себе последователей, готовых вести борьбу за национальное освобождение уже с оружием в руках, а не мирными путями, как этого хотел сам либеральный идеолог филиппинского народа.

Наряду с писаниями филиппинских националистов Бонифацио с жадностью изучал историю Великой Французской

буржуазной революции. Среди его книг были найдены сборник речей и произведения деятелей французской революции. Для Бонифацио борьба за освобождение своего народа от национального угнетения переплетается с более широкой борьбой против угнетения бедноты богатыми, против социального неравенства. В этом — сила плебея Бонифацио, в этом его превосходство над буржуазным интеллигентом Ризалем.

Для Бонифацио Ризаль был непререкаемым авторитетом; в Ризале он хотел видеть борца за те же идеалы социальной справедливости, за которые сам готов был отдать свою жизнь. Но своим классовым чутьем Бонифацио уже чувствует, что лишь опираясь на широкие народные массы, лишь организуя рабочих, крестьян, городскую бедноту, можно на деле добиться тех демократических целей, которые ставила себе «Лига Филиппина» и которых Ризаль надеялся достигнуть при помощи небольшого слоя образованных и богатых филиппинцев.

«Лига Филиппина» была основана 2 июня 1892 года, а уже через несколько дней Андрее Бонифацио создает свою славную организацию, сыгравшую громадную роль в объединении филиппинских народных масс. «Катаастаасан кагаланггаланг на Катипунан нанг мга Анак нанг Байан» — «Высокое и достоуважаемое общество сыновей народа» — вошло в сознание и память филиппинского народа под кратким именем «Катипунан».

Цели «Катипунана» вначале мало отличались от «Лиги». Более конспиративная, воспринявшая сильнее, чем «Лига Филиппина» масонские черты таинственности и ритуальности, организация «Катипунан» развивалась в глубоких недрах народных низов. В первое время Бонифацио рассматривал «Катипунан» как подсобную организацию «Лиги», через нее он пытался вовлечь в «Лигу» новых членов, создать для нее массовую базу. Первые годы он уделяет большее внимание упорной и самоотверженной пропаганде ризалева детища, чем укреплению «Катипунана».

Арест и ссылка

Охваченный небывалым подъемом, окрыленный первыми успехами объединения филиппинцев, Ризаль едет из Манилы в провинциальные центры. Он вступает повсюду в общение с наиболее прогрессивными представителями филиппинской буржуазии и помещиков, использует существующие масонские организации, стремится завербовать новых членов в «Лигу Филиппина».

Генерал-губернатор Деспухол удостоил вернувшегося на родину Ризаля несколькими аудиенциями. Он принимал его любезно, в разговорах с ним снисходительно обсуждал необходимые Филиппинам реформы. Своим показным либерализмом Деспухол оживил в Ризале надежды на возможность добиться от Испании реформ. Ризаль видел в этих беседах подтверждение своих мыслей, что борьбу за реорганизацию колониального режима, борьбу за реформы надо вести не в Мадриде, а в Маниле. Это вливало в Ризаля новую бодрость и вдохновляло его на энергичную пропаганду «Лиги Филиппина».

Но все попытки Ризаля вырвать у губернатора разрешение на выезд своих родителей и родни с Филиппин были бесплодны. Губернатор отклонял просьбы Ризаля под лицемерными предлогами, что он вообще против эмиграции с Филиппин, которые он хочет превратить в счастливую родину филиппинцев. Он давал смутные обещания в будущем освободить и вернуть из ссылки родственников Ризаля, но был далек от выполнения своих слов.

Передышке, которую дали Ризалю колониальные власти, относительной свободе, позволившей ему создать «Лигу» и открыто вербовать сторонников в Маниле и провинциях, очень скоро пришел конец.

Ризаль был вызван к генерал-губернатору. Вместо любезного тона первых аудиенций его ожидали на этот раз грубые окрики. Деспухол обрушился на него с громовыми обвинениями, размахивая брошюрой «Бедные братья», якобы найденной в чемодане его сестры.

Эта созданная в застенках жандармско-монашеской клики провокационная «улика» давно была известна генерал-губернатору, но использовать ее он решил лишь сейчас, когда донесения тайных агентов сообщили о поездках и агитации Ризаля.

Прямо из Малаконьяна, под усиленным конвоем, Ризаль был

отправлен в старинный форт Манилы — Сант-Яго и заключен в одиночную камеру.

За камерой Ризаля был установлен неусыпный надзор. Его охраняли, как опасного государственного преступника. День и ночь у дверей камеры сменялся вооруженный караул, никакие сношения с внешним миром не допускались. Колониальным властям мерещились вооруженные нападения на крепость для освобождения Ризаля.

Но пребывание в одиночной камере Сант-Яго длилось недолго. Через несколько дней Ризалю было назначено место ссылки — Дапитан, маленькое поселение на северо-восточном берегу Минданао.

Вероломный Деспухол, обрекая Ризаля без всякого суда и следствия на ссылку, чувствовал себя не особенно уверенно. Он отдавал себе отчет, какое впечатление произведет арест Ризаля не только на Филиппинах, но и в других странах. В своей ограниченности и деспотизме колониальные власти привыкли не принимать во внимание мнения филиппинского народа. Но Деспухол понимал, что арест мирного ученого, известного в столицах и университетах всего мира, рисовал колониальный режим Филиппин в невыгодном свете. В том же номере «Правительственного вестника», где было помещено сообщение о ссылке Ризаля, Деспухол опубликовал пространную статью. В ней он как бы пытался оправдаться. Рисуя мрачными красками «опасную антиправительственную деятельность» Ризаля, он объяснял действия властей как необходимую и вынужденную меру для обуздания государственного преступника.

Опасаясь, что Ризаль из тюрьмы сумеет разоблачить все эти провокационные замыслы, Деспухол конфиденциально просит начальника сант-ягской крепости принять меры, чтобы этот номер «Правительственного вестника» не попался в руки Ризаля.

В полночь, под строгой охраной, Ризаля перевезли из тюрьмы на пароход, который должен был отвезти его к месту ссылки.

В дапитанской ссылке

В дневнике, который Ризаль вел в это время, нельзя найти ни тени гнева, испуга, даже просто волнения. Ризаль описывает свои злоключения так, будто их переживал не он, а кто-то другой. Он не возмущается, не оправдывается, не протестует, а только констатирует факты. С равным спокойствием излагает он последний разговор с генерал-губернатором, свой арест и отправку в форт, камеру, в которую его поместили, стражу, получившую приказ «стрелять во всякого, кто попытается подавать мне знаки с берега», куда выходило одно из окон.

«Во вторник 14-го, около 5—30 или 6 часов вечера мне сказали, что в 10 часов вечера назначен мой отъезд в Дапитан. Я уложил вещи и был готов к 10 часам, но никто за мной не пришел, и я лег спать».

Ризаль проспал спокойно до полуночи, когда за ним приехали, чтобы отвезти на пароход. На пароходе «Себу» Ризалю была отведена, по его словам, хорошая каюта, рядом с каютой командира отправляемого на Минданао военного отряда из пятидесяти солдат: по десять человек от каждого оружия.

Ризаль был не единственным ссыльным на «Себу».

«Мы везли арестантов, — пишет Ризаль, — закованных в кандалы, в том числе одного сержанта и одного капрала. Сержанта ожидал расстрел за то, что он приказал связать разбушевавшегося и приставшего к его жене офицера, своего начальника. Офицер за то, что позволил связать себя, был уволен со службы. Солдаты, исполнявшие приказание, приговорены к 20 годам тюрьмы».

«…В воскресенье в 7 ч. вечера мы прибыли в Дапитан… Море сильно волновалось… Берег показался мне очень унылым…»

И снова никаких признаков волнения, хотя Ризалю было отлично известно, что он мог и не доехать до Дапитана, а «случайно» погибнуть в пути.

Дапитан — маленький городок в совершенно нетронутом цивилизацией «языческом» районе, с очень нездоровым климатом. В городке стоял небольшой военный отряд; имелось несколько священников. Ризалю отвели помещение в доме командира военного отряда. Во время своей ссылки он пользовался относительной свободой.

Ссылая Ризаля, колониальные власти запретили ему «заниматься политикой». Ему предложили дать обещание не вмешиваться в политическую жизнь страны и не делать никаких попыток бежать; взамен он получил право свободно

передвигаться по Дапитану и его окрестностям.

За все время своего пребывания в ссылке Ризаль с педантичной точностью оставался верен своему обещанию.

Такое полное самоотстранение Ризаля от политической активности после ссылки на Минданао невольно поражает. Однако эта странность его поведения лишь кажущаяся. Уход Ризаля от политической жизни только подчеркивает случайность его выступления в качестве основателя «Лиги Филиппина», его деятельности как политического лидера. Короткий — меньше одного месяца — эпизод выпадает из общей линии биографии Ризаля. Через продуманную эволюционную теорию философа-реформиста прорывается пылкая и страстная натура бойца, подобно тому, как в публицистических и беллетристических произведениях Ризаля любовь к родине и ненависть к угнетению пронизывает проповедь мирных реформ неожиданными призывами к борьбе.

И так же, как в произведениях Ризаля, в его подлинной жизни страх перед народной революцией и неверие в ее успех обуздывают искренность его редких порывов.

Но короткому эпизоду организационной деятельности Ризаля так же, как и его литературным произведениям, суждено было сыграть громадную объективно-революционную роль.

Очень быстро выродившись в общество прекраснодушных либеральных сторонников реформ, «Лига Филиппина», помимо воли Ризаля, послужила толчком для создания подлинно народной революционной организации «Катипунана».

Развитие «Катипунана» идет без участия Ризаля, вопреки его воле и согласию, но вожди и члены этой организации черпают свои убеждения в писаниях Ризаля, для них он продолжает быть знаменем борьбы, революционным вождем и учителем; в его словах они ищут и находят призывы к революционной борьбе за освобождение филиппинского народа от национального и духовного порабощения.

Как бы получив вынужденное освобождение от внутренне несвойственной ему роли политического вождя, Ризаль раскрывает в Дапитане свои разнообразные научные таланты.

За четыре года ссылки Ризалем не было написано ни одного крупного литературного произведения, ни одной яркой политической статьи. Но его энциклопедические познания, его замечательная разносторонность находят выход в многочисленных этнографических, лингвистических и этнологических работах.

С первого дня пребывания в Дапитане Ризаль, по своему обыкновению, вырабатывает точный план и расписание работ.

Зоологические и ботанические экскурсии, собирание и обработка коллекций чередуются с исследованиями местных языков и работой над сравнительной грамматикой филиппинских языков. Громадная медицинская практика — даже сюда, в далекий и дикий уголок Минданао, находят дорогу больные со всех концов Филиппин и из других стран — сочетается с заботами о благоустройстве Дапитана.

И во всех областях деятельности Ризаля поражает редкая работоспособность и продуктивность.

Как естественник, Ризаль шлет европейским музеям редкие и художественно выполненные коллекции. До сих пор в Дрезденском музее хранятся присланные им редкие экспонаты. Немецкие музеи, получив его первые приношения, предложили Ризалю крупное денежное вознаграждение, чтобы он мог всецело отдаться этой работе, оставив медицинскую практику и другие занятия.

Рискуя жизнью, Ризаль в легкой лодке часами собирал и наблюдал жизнь моллюсков в бурной кайме прибоя вокруг коралловых рифов; в длительных экскурсиях в глубь девственных лесов Минданао он открывает неизвестные виды стрекоз, лягушек и жуков, названные его именем (Rhocoperus Risoli apogonis, Draco Rigoli). Но эти занятия включались в его рабочее расписание лишь как составная часть.

К двадцати живым и мертвым европейским и восточным языкам, на которых Ризаль читал, писал и говорил, в Дапитане прибавился ряд местных наречий. Свои исключительные языковые познания он пытался воплотить в большом и широко задуманном труде о тагалагском языке и языке висайя. Этот труд, к сожалению, так и остался незаконченным, потому что на него была отведена только определенная доля из общего бюджета времени.

Много времени Ризаль тратил в Дапитане на школьные занятия с ребятишками, на медицинскую помощь окружающему населению и т. д. Он отдавался этому всей душой, в этих работах он видел свое служение родине, создание тех предпосылок, без которых, по его убеждению, Филиппины не могли добиться независимости.

Ограничивая свои личные потребности спартанским минимумом, Ризаль отдавал на нужды городка и его населения весь свой крупный медицинский гонорар, получаемый от искавших у него помощи богачей из Манилы и Гонконга.

Ризалю Дапитан обязан созданием уличного освещения и водопровода, нанесшего первый удар эндемической малярии.

В устройстве водопровода Ризаль участвовал не только

материально. Он был вдохновителем работ и непосредственным их руководителем. Не будучи инженером, Ризаль сумел осуществить работы большой сложности. Воду пришлось проводить за много километров из небольшой горной речки, без взрывчатых веществ, без необходимых приспособлений. Ризаль и его рабочие сами мастерили все нужные орудия.

Закончив сооружение водопровода, Ризаль принялся за постройку просторного здания школы на специально купленном им участке. В своей школе он стремился ввести новейшие методы преподавания, и долгие часы тратил на выработку учебных планов. Попутно он разрабатывает для себя проект организации народного просвещения на Филиппинах. Впоследствии, когда революционное восстание филиппинского народа привело к созданию кратковременной Филиппинской республики, национальное филиппинское правительство положило в основу организации народного образования планы Ризаля.

Много энергии вкладывает Ризаль в повышение экономического благосостояния отсталого населения Дапитана и его окрестностей. Долгие часы проводит он с дапитанскими рыбаками, — он не только помогает им своими ихтиологическими познаниями и наблюдениями над дапитанской морской фауной, но и изыскивает наиболее рациональные формы снастей и типы сетей.

Он покупает участок земли и с увлечением отдается агрономическим опытам. Он пытается привить на дапитанских полях новые сельскохозяйственные культуры, приучить крестьян к рациональным севооборотам, применению удобрений и сельскохозяйственных орудий. На свои деньги он выписывает из Соединенных Штатов транспорты железных плугов и других орудий, раздает их крестьянам и сам учит их применению.

Ризаль чувствует удовлетворение от своего скромного служения народу и с детской радостью отмечает каждый экономический и культурный успех своей работы.

Как представлял себе Ризаль свою роль в этот период, видно из его письма к иезуиту Пастелу, руководителю ордена на Филиппинах.

На полное упреков письмо патера к мятежному автору «Не касайся меня», на письмо, в котором сквозит разочарование главы ордена в лучшем ученике иезуитского колледжа, а, может быть, и недоумение от такого неожиданного результата иезуитской выучки, Ризаль пишет: «…Вы восклицаете — Как жаль, что такой талантливый юноша не применяет своих талантов для лучших целей. Возможно, существуют цели лучше моих. Но и моя цель хороша, и этого для меня достаточно.

Другие, может быть, добились бы большей известности и славы, но я подобен бамбуку — туземцу этой страны. Он пригоден для легких хижин, а не для тяжелых европейских построек. Поэтому я не сожалею ни о своей скромной цели, ни о ее скромных результатах. Я сожалею только, что бог не дал мне достаточно талантов, чтобы служить ей как нужно. Если бы я был не слабым бамбуком, а крепким деревом твердой породы, моя помощь была бы значительней… Но тот, кто сотворил меня, знает хорошо, как полезны и маленькие бамбуковые хижины…

…Я работаю не для славы, у меня нет тщеславия, чтобы соперничать с другими, родившимися в иных отличных условиях. Мое единственное желание — исполнить все, что в моих силах. Я хочу помочь там, где чувствуется наибольшая нужда. Я получил немного знаний и считаю, что обязан передать их своим соотечественникам».

Даже в этом письме к иезуитскому патеру сквозит сознание Ризаля, что служение родине не ограничивается его скромной и мирной деятельностью.

Но для себя самого Ризаль уже окончательно определил свой чисто реформистский путь служения родине, хотя он и не желает скрывать даже перед своими дапитанскими стражами ненависть к существующим колониальным порядкам.

За время четырехлетней ссылки Ризаля в Дапитане сменилось несколько комендантов. Но все они относились к ссыльному с той симпатией, которую Ризаль неизменно завоевывал даже у врагов, непосредственно с ним сталкивавшихся.

Это, однако, не мешало «симпатичным» комендантам тщательно наблюдать за ссыльным и аккуратно доносить в Манилу о его поведении и настроениях. Некоторые из донесений были впоследствии обнаружены в архиве генерал-губернаторской канцелярии. Сохранился записанный в виде диалога рапорт капитана Карнисеро генерал-губернатору Деспухолу.

«Карнисеро: Скажите, Ризаль, какие реформы вы считаете наиболее нужными для страны?

Ризаль: Прежде всего обеспечить представительство в кортесах, чтобы положить конец деспотическому управлению. Затем секуляризировать приходы и упразднить власть монахов над правительством и страной. Распределять приходы, по мере их освобождения, между светским духовенством так, чтобы священниками могли быть и испанцы и филиппинцы.

Реформировать все отрасли управления. Обеспечить начальное образование и положить конец вмешательству и контролю монахов над образованием, увеличить жалованье учителям и учительницам. Распределять равномерно гражданские

должности между испанцами и филиппинцами. Очистить суды. Основать в городах с населением более 16 тысяч ремесленно-технические школы. Это — главные реформы, которых я желаю. Если бы они были проведены надлежащим образом, Филиппины стали бы самой счастливой страной в мире.

Карнисеро: Друг Ризаль, эти ваши реформы кажутся мне неплохими, но вы забываете, что монахи имеют в Мадриде не меньше влияния, чем в Маниле, и поэтому в настоящее время практически невозможно было бы провести эти реформы в жизнь.

Ризаль: Не думаю этого. Влияние монахов рушится во всем мире. Я могу с уверенностью сказать вам, что если бы даже маломальски прогрессивное правительство предоставило свободу действий пяти или шести честным патриотическим людям, власть монахов исчезла бы. В Мадриде прекрасно известно все, что делают здесь монахи. В том, что это так, я убедился из разговора, который я в первый раз вел с Линаресом Ривос. Он был членом либеральной партии Испании и рассказал мне о Филиппинах такие вещи, о которых я, родившийся в этой стране, не подозревал. И могу привести вам в пример многих людей в Испании, которые имеют точные данные о жизни и характере монахов на Филиппинах. Эти люди говорили мне: «Плохие правительства в Испании следуют одно за другим, но их часто ругают за преступления, в действительности совершаемые религиозными орденами. В тот день, когда положение изменится, мы не забудем настоящих виновников». Извините, что я вам это говорю, но монахов на Филиппинах ненавидят. И чем больше они вмешиваются в дела и области, их совершенно не касающиеся, тем больше становятся они отталкивающими и ненавистными».

Понятно, что такая критика и особенно непримиримое отношение к монахам, несмотря на мирный путь, которым Ризаль надеялся добиться реформ, возбуждали подозрения властей и жгучую ненависть монахов.

Джозефина Брэйкен

В Дапитане в аскетическую жизнь Ризаля вновь вошла женщина. После трагического конца своего юношеского романа Хосе Ризаль оставался верным памяти Леоноры Рибера и, по словам друзей, чуждался женского общества.

Вскоре после прибытия на место ссылки, слава о Ризале как о замечательном окулисте привела в Дапитан слепого инженера-американца Тауфера. Его сопровождала приемная дочь Джозефина.

Отец девушки, отставной офицер английской службы ирландец Брэйкен, умер в Гонконге, оставив после себя большую нищую семью. Младшую дочь, в те времена совсем еще ребенка, приютил богатый и бездетный Тауфер.

Джозефина прожила у своего приемного отца семнадцать лет, старик привязался к ней как к дочери, девушка изучила все его привычки и капризы и, когда он ослеп, трогательно за ним ухаживала.

Рыжекудрая ирландка, если верить портретам — редкая красавица, очаровала ссыльного и сама увлеклась Ризалем. Но Тауферу показалась ужасной перспектива лишиться дочери и доживать свою слепую старость в одиночестве. Диагноз Ризаля не оставлял ему никакой надежды: ничто уже не могло вернуть старику потерянного зрения.

Через час после того, как Ризаль сообщил Тауферу о своем желании жениться на Джозефине, он нашел слепца покушающимся на самоубийство. Старик держал в руках раскрытую бритву, и Ризалю с трудом удалось помешать его намерению.

В этой обстановке нельзя было и думать о немедленном браке. Джозефина вернулась с отцом в Гонконг, но между ней и дапитанским изгнанником завязалась регулярная переписка. Письма простой, здоровой девушки, ее деятельный характер, революционная страстность дочери ирландского народа, приведшая ее впоследствии в ряды бойцов за филиппинскую независимость, являлись полной противоположностью характеру Ризаля и его изысканным посланиям.

Через год Тауфер, искренно любивший Джозефину, не только примирился с мыслью о ее браке, но и сам стал уговаривать ее уехать к Ризалю.

Джозефина приехала в Манилу. Здесь ее радушно встретила мать Ризаля. Сильная и мужественная старуха очень быстро подружилась с Джозефиной и видела в ней идеальную жену для

своего любимца.

Но сразу же возник вопрос о возможности для Ризаля закрепить свой союз с Джозефиной церковным браком. Не только в глазах ненавидевших Ризаля монахов, но и в мнении многих его современников, человек, обрушившийся с нападками и разоблачениями на монашеские ордена и монахов, являлся безбожником. Дапитанские попы не соглашались венчать Ризаля, требуя его отречения от «заблуждений» и разрешения епископа с Себу.

Мать Ризаля, обнаруживая широту своих взглядов и непреклонную ненависть к монашеству и церкви, была против каких бы то ни было попыток сына добиваться разрешения на церковный брак.

Донья Меркадо прекрасно, лучше чем сам Ризаль, сознавала, как будет принят филиппинским народом церковный брак Ризаля. Даже если их брак не будет обусловлен никакими «отречениями и примирениями с церковью», в глазах народа это будет равносильно отказу Ризаля от своих убеждений.

С редкой для филиппинской женщины того времени широтой она уговаривала свою будущую невестку отказаться от церковной церемонии и удовлетвориться гражданским браком, благо незадолго перед этим в Испании за гражданским браком была признана юридическая сила.

В заботе доньи Меркадо о репутации Ризаля сказывались чувства гораздо большие, чем материнская любовь. Она прекрасно понимала значение своего сына как национального вождя, как символа объединения филиппинского народа в борьбе против иностранного угнетения. Восставая против церковного брака, она не только оберегала Ризаля от досужей клеветы, но и хотела сохранить незапятнанным его имя.

В дальнейшем упорная старуха примкнула к наиболее последовательным сторонникам полной независимости Филиппин. Она не только всей душой была с филиппинцами — борцами против испанского колониального угнетения, но не могла примириться и с установлением американского суверенитета.

Уже внутри самой семьи Ризаля мы замечаем то же характерное явление: влияние мирного эволюциониста Ризаля превратило в убежденных революционных борцов за независимость всех его близких родных, так же как и тысячи его соотечественников. И старший брат Ризаля Пасьяно, и три его сестры, и жена впоследствии активно участвовали в революционной борьбе филиппинского народа. Только самого себя Ризаль не сумел сделать бойцом.

Джозефина вернулась в Дапитан, и здесь перед несколькими свидетелями простым пожатием рук и записью был оформлен ее брак с Ризалем.

Энергичной матери вскоре удалось добиться разрешения генерал-губернатора приехать навестить своего сына. Вслед за ней приехали и две сестры Ризаля.

Дружеская поддержка жены, близость матери и любимых сестер значительно облегчили Ризалю его пребывание в ссылке. Дапитан, далекий от манильских властей и всевластных монашеских орденов, стал казаться семейству Ризаля «землей обетованной».

Хосе Ризаль решил осуществить здесь свою давнишнюю мечту — объединить всех своих родных и их семьи и поселить их на приобретенной им земле. Ему казалось, что колониальные власти, не разрешившие его родным выехать на Борнео, не будут иметь ничего против их соединения здесь, на испанской территории.

Он обратился с просьбой к генерал-губернатору. Но от Деспухола пришел резкий отрицательный ответ: государственному преступнику, своей деятельностью поставившему себя вне общества, нечего ожидать милостей правительства.

С этой мечтой пришлось расстаться. Ризаль опять окунулся в свои многочисленные научные и общественные дела, от которых отдыхал в обществе матери и жены. Он вновь уделяет много времени писанию стихов, живописи и скульптуре. К дапитанскому периоду относятся его наиболее удачные скульпурные работы. Одна из них — бюст священника Гуеррико — была много лет спустя выставлена в Америке и получила золотую медаль.

Дни ссылки текли, заполненные разнообразными занятиями и размышлениями. Ризаль, как и все крупные люди, находил среди множества дел время для обширной переписки. Из Дапитана он сносился со своими университетскими друзьями: вел оживленную переписку с Вирховым и Блюментритом, с директором дрезденского Этнографического института Мейером, со своим старым учителем окулистом Веккертом и многими другими. Он аккуратно писал своим родственникам, внимательно читал письма своих юных племянников и, отвечая, отмечал их стилистические и грамматические ошибки, стремился выработать в них ту выдержку и самообладание, которыми в избытке обладал сам. В письме к одному из племянников на далекий родной Люсан Ризаль вписал: «Учись, учись и больше думай о том, что ты учишь. Жизнь — дело очень серьезное, и удается она только тем,

у кого есть ум и сердце. Жить — значит быть среди людей, а быть среди людей — значит бороться.

Но это не грубая эгоистическая борьба, и не только с людьми. Это борьба с людьми, но в то же время и со своими собственными страстями. Это борьба с пороками, с заблуждениями и предрассудками. Это борьба, не знающая конца, борьба с улыбкой на устах и со слезами в сердце.

На этом поле битвы у человека нет лучшего оружия, чем ум. И у него всегда лишь столько сил, сколько сердца. Развивай же их, совершенствуй, укрепляй и подготовляй их; а для этого учись».

Эти советы — не проповедь сухой морали; в них сказался сам Ризаль со своей верой в торжество ума и сердца.

«Катипунан»

В Дапитане Ризаль находил время для всевозможных занятий. Но он не находил его для того, чтобы участвовать в нараставшем революционном движении. В этом сказалась не только его педантичная верность обещаниям, данным своим тюремщикам, не только страх за судьбу своих родственников, которые все должны были бы ответить за него, но и его несочувствие и неверие в успех вооруженного восстания.

Несмотря на строгий контроль за перепиской и посетителями Ризаля, до него не могли не доходить слухи о готовящемся в народных недрах взрыве, неизбежность которого он сам предчувствовал уже давно.

Ореол изгнанника, между тем, еще больше увеличил популярность Ризаля. Его имя становится в глазах филиппинского народа, наряду с именами Бургоса, Гомеса и Замора, знаменем борьбы за национальное объединение и освобождение. Под обаянием его имени и авторитета находится не только буржуазная интеллигенция, но и широкие массы трудящихся.

В основанной Ризалем «Лиге Филиппина» после его ссылки довольно отчетливо намечаются два различных лагеря. Представители имущих классов и в этой организации видят лишь орудие для отстаивания минимальных реформ. Революционная мелкая буржуазия и выходцы из народных низов ищут в «Лиге» средства объединения народа для революционной борьбы за лучшее будущее.

После ареста Ризаля большинство буржуазных членов «Лиги» охватили страх и растерянность. Андресу Бонифацио вместе с Даминго Франко с трудом удалось временно оживить «Лигу». Усилиями и неутомимой пропагандой Бонифацио создаются отделения (народные советы) «Лиги» в ряде центров Манильского района: в Тондо, Троса, Санта-Крус, Эрмита.

Но революционная энергия Бонифацио наталкивается на нерешительность и колебания реформистских членов «Лиги». Они стремятся ограничить всю деятельность «Лиги» сбором средств для работы реформистов в Мадриде и для издания «Эль солидаридад».

Революционные элементы «Лиги», группирующиеся вокруг Бонифацио, все более разочаровываются в «Лиге». Умеренные боятся, что одно участие в «Лиге», несмотря на ее скромные цели, приведет к их аресту и ссылке. Противоречия нарастают, и в 1893 году Верховный совет объявляет «Лигу Филиппина» распущенной.

Ликвидация «Лиги» позволяет Андресу Бонифацио направить всю свою кипучую энергию на организацию широких масс трудящихся в «Катипунан».

В 1894 году «Катипунан» превращается в подлинную массовую народную организацию, секции которой возникают сперва в Тагальском районе Люсана, а оттуда распространяются и на другие провинции, охватывая тысячи рабочих, ремесленников, крестьян, городской бедноты.

Само существование «Катипунана», его собрания и цели были окружены глубокой тайной. Принятие в члены организации сопровождалось заимствованными от масонства обрядами.

Члены «Катипунана» разделялись на три степени. Каждой степени был присвоен особый костюм, священный пароль, тайные знаки, по которым посвященные узнавали друг друга.

Посвященный первой степени назывался Катипун — член союза. Во время тайных собраний он носил черную шляпу с треугольником из белых лент и начальными буквами священного пароля своей степени «А. н. Б.» — Аньк нанг Байан — сын народа.

Отличительным признаком посвященного второй степени, который звался Ковал — солдат, была зеленая шляпа с белыми буквами, подвязанная под подбородком зеленой лентой, к которой была прикреплена медаль с буквой «К» — Калайан — Свобода. Священным паролем этой степени было слово «Гомбурза», составленное из начальных слогов имен трех казненных патриотов — Гомеса, Бургоса и Замора.

Посвященные третьей степени назывались Патриотами. На собраниях они были в красных шляпах, с красными лентами, отороченными зеленым. Их священным паролем было имя Ризаль.

Прием в члены «Катипунана» происходил в торжественной и мистической обстановке. Новообращенного вводили в комнату с черными занавесями на окнах, слабо освещенную таинственным светом, при мерцании которого можно было лишь прочесть написанные на стене крупными буквами слова: «Если ты обладаешь силой и достоинством — войди. Если тебя привело сюда лишь любопытство — удались. Если ты не можешь управлять своими страстями — удались: никогда перед тобой, не откроются двери Высокого и уважаемого Союза сыновей народа».

Вступающий в члены читал вслух первый ритуальный вопрос: «В каком состоянии испанцы нашли филиппинский народ в момент завоевания? И отвечал на него: «Филиппинцы до прихода испанцев имели свою собственную цивилизацию, развитую торговлю с другими странами, были счастливы и довольны». Читал второй вопрос: «В каком положении страна находится сейчас?» И в ответ давал возможно полное описание угнетений и

эксплуатации филиппинского народа иностранными колонизаторами.

В ответ на третий вопрос: «Каково должно быть будущее страны?» он выражал твердую уверенность в счастливой судьбе родины, если весь народ объединится для достижения общих целей, не останавливаясь, если нужно, перед вооруженной борьбой.

После нескольких второстепенных испытаний вновь вступающий подписывал клятву верности братству сынов народа своей кровью и становился катипуном.

Три кратких вопроса, на которые должен был дать ответ каждый принимаемый в члены «Катипунана», заставляли неграмотного рыбака, темного крестьянина и городского плебея — хотя и в мистическо-заговорщической форме — осмыслить исторические судьбы своей родины и неизбежность борьбы за счастье своего народа.

Ризаль, так много сделавший, чтобы облегчить филиппинцам знакомство с их прошлым, пробудить в них национальное сознание и веру в свои силы, мог бы гордиться этими результатами. Но они страшили его, потому что не соответствовали тому реформистскому пути национально-освободительного движения, который намечал он всю свою жизнь.

«Катипунан» воспитывал своих членов в ориентации на революционное восстание.

Заманчивый лозунг «Калайан» — «Свобода», с большой буквой «К», написанный на шляпах «сыновей народа», все более отчетливо претворялся в их сознании в необходимость самоотверженной и кровавой борьбой добиться освобождения страны от иноземного ига.

Организация и задачи «Катипунана» первоначально немногим отличались от целей «Лиги». Но Бонифацио считал, что добиться этих целей можно, лишь опираясь на широкие народные массы.

Во главе «Катипунана» стоял Верховный совет (Катаастаасанг Сангуниан) из пяти человек. Когда создался «Катипунан», членами Верховного совета были Андрее Бонифацио, родственник Марсело дель Пилара — Деодато Арельяно, Ладислао Дива, Теодоро Плата, Валентин Дива.

Так же, как и в «Лиге Филиппина», Верховному совету были подчинены провинциальные советы, объединявшие в свою очередь районные советы «Катипунана». При Верховном совете имелась Тайная палата, разбиравшая споры между членами, судившая и каравшая членов, нарушивших правила или

изменивших братству.

Доктрины «Катипунана» изложил Эмилио Хасинто, революционный интеллигент, пламенный сторонник Бонифацио и его ближайший друг.

«1. Жизнь, не посвященная светлым и справедливым целям, подобна дереву, не дающему тени, — отравляющая пустота.

2. Быть хорошим из личных мотивов, а не из подлинного желания быть хорошим, не является добродетелью.

3. Действительная святость в том, чтобы быть благотворительным, любить ближнего и справедливо и радушно оценивать, каждое слово, дело и поступок.

4. Все люди равны, независимо от того, является ли цвет их кожи белым или черным. Один может превосходить другого мудростью, наружностью или богатством, но все равны между собой как люди.

5. Тот, чьи чувства благородны, предпочитает честь личному возвышению; тот, чьи чувства извращены, предпочитает личные интересы — чести.

6. Для человека чести слово равно клятве.

7. Не расточай времени! Потерянное богатство может быть восстановлено, потерянное время наверстать нельзя.

8. Защищай угнетенных и борись с угнетателями.

9. Умный осторожен в речи и знает, как надо хранить тайны, которые должны быть сохранены.

10. На тернистом жизненном пути мужчина — руководитель жены и детей, а если он ведет их к погибели, он погибнет и сам.

11. Не смотри на женщину, как на предмет, с которым можно весело провести время, а как на помощника и участника трудностей жизни. Уважай ее в ее слабости и всегда вспоминай о матери, — она произвела тебя на свет и заботилась о тебе в детстве.

12. Не желай жене, дочери и сестре другого того, чего не желаешь своей жене, сестре или дочери.

13. Величие человека не в том, что он князь или обладатель орлиного носа или белой кожи, не в том, что он священник, представляющий бога, или занимает высокое положение на земле. Великим и благородным является тот, кто, хотя и родившись в лесу и не зная ничего, кроме своего родного языка, обладает хорошим характером, верен своему слову, помнит о своем достоинстве и чести, тот, кто сам не угнетает и не помогает угнетателям, кто любит свое отечество и заботится о его благоденствии».

В этих доктринах мы можем проследить непосредственное влияние гуманиста Ризаля и его горячих патриотических

проповедей. Но в то же время у Хасинто в них уже звучат требования трудящихся масс, борющихся с угнетателями и их пособниками. Это отражается на принципах «Катипунана» уже в ранний период. Эта разница невольно бросается в глаза, если сравнить «Десять заповедей Катипунана», написанные Андресом Бонифацио, с правилами поведения члена «Лиги Филиппина», составленными Ризалем.

Заповеди «сыновей народа»:

1. Люби бога всем сердцем.

2. Помни, что истинная любовь к богу есть любовь к своей стране и что она есть также любовь к своему ближнему.

3. Запиши в своем сердце, что высокая честь и счастье — умереть за спасение своей страны.

4. Спокойствие, постоянство, смысл и вера в каждом деле обеспечивают успех добрым намерениям.

5. Соблюдай предписания и цели «Катипунана», как свою честь.

6. Долг каждого — помогать, рискуя своей жизнью и имуществом, каждому, кто подвергается риску, исполняя свои обязанности.

7. Поведение каждого в исполнении своего долга должно быть таким, чтобы служить примером соседу.

8. Насколько это в твоих силах, делись своими средствами с каждым несчастным и бедняком.

9. Прилежание в стремлении добыть средства существования — лучший вид любви к себе, своей жене, сыну, дочери, брату, сестре и соотечественнику.

10. Верь, что каждое предательство будет наказано и каждый хороший поступок вознагражден. Верь, что цели «Катипунана» — божий дар и что желания твоей страны, следовательно, желания бога.

Правила члена «Лиги»

1. Не играй в азартные игры.

2. Не пьянствуй.

3. Не нарушай законов.

4. Не будь слишком пристрастным.

5. Не критикуй с целью лишь найти ошибки у других.

6. Не ставь себя в унизительное «положение.

7. Не будь высокомерен, презрителен с людьми.

8. Не осуждай никого, не выслушав обеих сторон.

9. Не оставляй без защиты бедняка, на стороне которого право.

10. Не забывай тех, кто впал в нужду, хотя и достоин лучшего.

11. Не общайся с людьми безнравственными или усвоившими себе дурные привычки.

12. Не упускай из вида значения новых машин и предприятий для нашей родины.

Сравнивая эти заповеди, мы видим, что горячий поклонник и ученик Ризаля Бонифацио далеко превосходит своего учителя. Уже с самого начала он стремится придать «Катипунану» характер боевой и дисциплинированной организации, взамен ризалевских неопределенно гуманных и расплывчатых внеклассовых правил «Лиги».

Не моральное совершенствование и забота о введении на Филиппинах новых машин и предприятий, а смерть на боевом посту за освобождение родины — высшая честь члена «Катипунана».

Ризаль уклоняется от восстания

Переломным периодом в развитии «Катипунана», как революционной организации, является 1894 год. «Катипунан» превращается в массовую организацию. Его тайные секции организовались повсюду. Вожди «Катипунана» связались с крестьянами-повстанцами — путь, которым в романе Ризаля идет Симон-Ибарро.

В мае 1894 года Андрее Бонифацио, Эмилио Хасинто, Аурэлио Толентино, Фаустино Маньялак и другие активные деятели «Катипунана» встречаются в уединенных горных пещерах провинции Монтальбан.

Здесь в число членов «Катипунана» они принимают вождей повстанческого крестьянского движения, здесь впервые они говорят о подготовке вооруженного восстания филиппинского народа, как о главной цели «Катипунана».

В глубоком и мрачном молчании горной пещеры, при неверном свете факелов «сыновья народа» пишут на влажных стенах куском угля первый революционный лозунг: «Да здравствует филиппинская независимость!..»

После совещания руководители «Катипунана» приступают к выполнению намеченной трудной задачи. Подготовка филиппинского народа к восстанию идет параллельно росту организации и числа членов. Никто никогда не мог сказать точно, сколько членов насчитывал этот тайный народный союз. Самые скромные подсчеты указывают цифру членов «Катипунана» к началу восстания от пятнадцати до сорока пяти тысяч человек. Почти в каждой провинции и муниципалитете Центрального Люсана возникают Сангунианг Байан — народные советы «Катипунана»; каждому совету дается для конспирации своя кличка. В провинции Кавите два провинциальных отделения именовались Магдало и Магдивал, секции в Тондо, Санта-Крус и других центрах также носили вымышленные имена.

«Катипунан» готовился к восстанию, и в глазах всех «сыновей народа», от верховного президента Бонифацио и до последнего катипуна, единственным вождем восстания должен был явиться Хосе Ризаль.

Ризаль, изолированный в Дапитане, отстраненный и отстранившийся сам от участия в национально-освободительной борьбе, продолжает владеть умами своих соотечественников.

Когда подготовка к вооруженному восстанию зашла достаточно далеко, Бонифацио послал к Ризалю в Дапитан делегата Пио Валенсуэла, впоследствии занявшего почетное

место в списке филиппинских революционных борцов. Валенсуэла, старый друг Ризаля, должен был посвятить его в планы восстания, просить его советов, предложить ему стать во главе народной борьбы.

Зная об относительной свободе, которой пользовался Ризаль в пределах Дапитана, филиппинские революционеры рассчитывали без особых затруднений организовать его побег из ссылки. Чтобы скрыть от бдительных колониальных властей истинные цели своей поездки, Пио Валенсуэла захватил с собой слепого, якобы направлявшегося к знаменитому доктору Ризалю для глазной операции. Колониальные власти уже привыкли к паломничеству в Дапитан больных со всех концов Филиппин и из-за границы, и это не должно было вызвать никаких подозрений.

Валенсуэла рассчитывал пробыть в Дапитане длительный срок и обсудить с Ризалем все подробности побега и участия в восстании. Сейчас трудно судить, в какой форме Ризаль отказался от руководства восстанием. Пио Валенсуэла уже впоследствии на допросе заявил колониальным властям, что Ризаль резко критиковал самую идею вооруженного восстания и уговаривал его не прибегать к насилию. По словам Валенсуэла, его неудачная миссия закончилась ссорой с Ризалем, после которой он уехал на другой же день.

С другой стороны, боевой генерал филиппинской революции Алехандрино уверяет, что Ризаль не отбрасывал идею восстания вообще, а лишь считал его преждевременным и требовал обязательно привлечь богатые слои населения. Он даже якобы указал на Антонио Луна, как на наиболее подходящее лицо для установления контакта с верхушкой филиппинской буржуазии.

Некоторые члены «Катипунана» действительно пытались связаться с Антонио Луна, но он высмеял планы вооруженного восстания. «Чем мы будем сражаться? — заявил он. — Этим, что ли?» — и показал на свои зубы.

Так же неудачна была попытка привлечь к участию в заговоре и Франсиско Рохаса и некоторых других крупных и просвещенных манильских богачей.

Никто из них не хотел рисковать своей жизнью и имуществом ради восстания, в успех которого они не верили.

О подлинном отношении Ризаля к идее восстания в этот период не может быть споров. Впоследствии он сам с полной откровенностью и публично заявил о своем отрицательном отношении к восстанию.

Отказ Ризаля, однако, не ослабил решимости Бонифацио. Горяча и убедительно доказывал он своим соратникам всю неосновательность аргументов Ризаля.

«Разве американские колонисты не были вооружены еще хуже для борьбы с могущественной Англией? И тем не менее они добились свободы!»

«Большинство революций, как учит история, — говорил Бонифацио, — были начаты народом с жалким оружием или голыми руками».

«Народ, которого Камилл Демулен повел на Пале-Рояль в решительную июльскую ночь, был безоружен. Вряд ли хоть один из них обладал более смертоносным оружием, чем молоток. И все же от эха их шагов рухнул абсолютизм даже в отдаленных углах Европы».

Бонифацио вовсе не намерен был ждать, пока все филиппинцы получат университетские дипломы и в изысканных выражениях прославят сладость свободы.

Он звал на бой и сумел своим убежденным красноречием увлечь и других лидеров «Катипунана». Подготовка народного восстания продолжалась.

Ризаль, между тем, не только отказался от участия в восстании, но приложил все усилия, чтобы покинуть Филиппины.

В начале 1896 года он получил от своего друга Блюментрита письмо, описывавшее события на Кубе. На Кубе уже давно велась повстанческая борьба населения, и кровавые попытки правительства подавить ее не прекращались. Блюментрит рассказывал о бедственном положении раненых в кубинских госпиталях, об ужасной тропической лихорадке, косившей и здоровых и раненых солдат, о нехватке врачей.

Письмо друга вызвало у Ризаля желание поехать на Кубу в качестве врача. Не наносить раны, хотя бы и врагам, а лечить раненых и больных — в этом видел свое призвание Ризаль. Он обратился к генерал-губернатору с просьбой разрешить ему отправиться врачом-добровольцем в испанские военные госпитали на Кубе.

Деспухола сменил уже новый генерал-губернатор Филиппин — Рамон Бланко, будущий жестокий палач, а по существу — безвольная игрушка в руках монашеских орденов.

Бланко «милостиво» согласился на предложение Ризаля. Однако доктор-доброволец продолжал оставаться арестантом; на Кубу он должен был отправиться обязательно на испанском корабле через Испанию.

Первого августа 1896 года изгнанник покинул место своей четырехлетней ссылки. Его сопровождала жена, которая должна была остаться на время отъезда Ризаля с его родными в Биньяне или Маниле.

Товаро-пассажирские пароходики, связывавшие Дапитан с

Манилой, двигались томительно медленно. Во время долгих стоянок в портах Ризаль по нескольку часов проводил на берегу. В Думагуэте он присутствовал на банкете, устроенном в его честь, в Себу он успел произвести сложную глазную операцию.

Когда, наконец, каботажный пароходик пришвартовался в Маниле, выяснилось, что Ризаль опоздал. Пароход на Барселону отошел за несколько часов до его приезда. Это случайное опоздание стоило Ризалю жизни.

Клич восставшего Балинтавака

Подготовка восстания была еще далеко не закончена. Число посвященных членов «Катипунана», знавших о готовящейся вооруженной борьбе, было сравнительно невелико. Между тем смутные слухи о готовящейся борьбе стали доходить до колониальных властей.

При царившей на Филиппинах системе шпионажа и сыска можно лишь удивляться, как существование этой массовой народной организации оставалось так долго неизвестным властям. Это доказывает, какая дисциплина господствовала внутри «Катипунана».

Но чем шире охватывал «Катипунан» подготовкой к восстанию народные массы, тем труднее становилось скрыть это от властей.

Еще 5 июля 1896 года лейтенант гражданской гвардии из города Пасига доносил секретарю генерал-губернатора в Манилу: «Личности из столицы и соседних городов провинций вербуют людей для неизвестных целей. Они заставляют их подписывать собственной кровью, полученной из ранки на руке, клятвенные обещания не выдавать целей некоей тайной Ассоциации или ее условных знаков с предупреждением, что тот, кто изменит тайне, заплатит своей жизнью». В своем доносе лейтенант сообщает, что цели тайной организации политические, что она собирает и распределяет оружие и возбуждает ненависть народа к Испании.

В начале августа приходский священник Фернандес из Сан-Педро Мокатана также доносит в Манилу о таинственных агитаторах. Он требует срочных кровавых мер, но не знает, откуда идет вся эта агитация, и поэтому советует в первую очередь арестовать для устрашения населения всех наиболее видных и богатых уроженцев Филиппин.

Первые доносы заставляют колониальные власти насторожиться. Но генерал-губернатор Рамон Бланко твердо уверен в своей популярности и любви к нему филиппинского народа. В этих доносах он склонен видеть лишь обычную подозрительность монахов, всегда ожидавших восстания на Филиппинах, и стремление лейтенанта гражданской гвардии выслужиться. Мы знаем, а Ризаль прекрасно описал в своем романе, многочисленные случаи «восстаний», измышленных и спровоцированных провинциальными и местными властями, чтобы получить награды и повышения по службе.

Но скоро слухи получили новое и бесспорное подтверждение.

Глубокой ночью 19 августа в дом приходского священника в

предместье Манилы — Тондо ворвалась мать-начальница женской монастырской школы. Дрожа от ужаса, она сообщила патеру Хилю, что ею раскрыт кровавый заговор, ставящий целью вырезать всех испанцев на Филиппинах.

Брат одной из учениц ее школы был членом «Катипунана». По довольно распространенному на Филиппинах обычаю, он отдавал свои скромные сбережения на хранение сестре. Подготовка восстания, закупка оружия и другие расходы требовали от членов «Катипунана» мобилизации всех денежных ресурсов. Юноша начал все чаще и чаще брать деньги из хранившихся у сестры сбережений. Девушка из простого любопытства стремилась выведать у брата, на что тратит он деньги, и постепенно овладела его секретом. Бедная дурочка, напуганная словом «восстание» и боясь за судьбу брата, в слезах прибежала к начальнице, а та, не теряя ни минуты, — к священнику.

Между монахами и жандармерией всегда существовала тесная связь. В ту же ночь несчастный юноша был арестован. Под пытками у него вырвали тайну местонахождения нелегальной типографии «Катипунана», где хранились бланки, программы и документы братства.

Жандармам, не удалось захватить ни Бонифацио, ни других видных руководителей «Катипунана» — они успели скрыться немедленно после обыска в типографии. В скромном жилище Бонифацио жандармы смогли захватить только его любимые книги.

Раскрытие «Катипунана» поставило перед его руководителями вопрос в упор: начинать ли восстание немедленно, несмотря на далеко незаконченную подготовку, или уйти в глубокое подполье и переждать.

Бонифацио отдавал себе ясный отчет, что, отложив восстание, «Катипунан» рисковал потерять своих лучших и наиболее активных членов: их постепенно выловил бы жандармский и монашеский сыск. Бонифацио знал, что колониальное правительство массовыми арестами и террором постарается запугать мирные слои населения и этим создаст неблагоприятные условия для народного восстания. Лучше умереть в бою за свободу, чем под пытками колониальных палачей.

В окрестностях Калаокана созывается многочисленное тайное собрание членов «Катипунана». Вопрос о возможности восстания вызывает страстный спор. Революционному крылу во главе с Бонифацио и Хасинто приходится преодолевать нерешительность многих членов, напуганных раскрытием «Катипунана». Но воля революционных вождей побеждает. Все присутствующие

поклялись победить или умереть.

В знак прекращения своей зависимости от Испании они торжественно изорвали свои налоговые карточки-седулы. Эти карточки являлись не только ежедневно требуемым доказательством уплаты налога, но и единственным удостоверением личности и испанского гражданства филиппинцев.

Через несколько дней, 26 августа 1896 года, Бонифацио выпускает в Балинтаваке свой пламенный призыв к филиппинскому народу, призыв с оружием в руках восстать на завоевание свободы и попранных человеческих прав. День всеобщего восстания назначался на 29 августа.

В ночь на 30 августа в окрестностях Балинтавака первые отряды восставшего филиппинского народа вступают в вооруженное столкновение с испанской жандармерией.

Сейчас на этом месте стоит памятник, построенный впоследствии филиппинским народом: филиппинец в скромной одежде крестьянина или городского бедняка высоко поднимает оружие революции — крестьянский нож — боло…

Клич Балинтавака громко прозвучал на Филиппинах. Он пробудил к борьбе за национальное освобождение народы архипелага.

Отъезд. В оковах. Возвращение

В тот день, когда в Балинтаваке произошли первые столкновения восставших филиппинцев с испанскими войсками, Ризаль готовился к отплытию в Барселону.

Почти месяц ожидания парохода в Европу он провел на борту испанского крейсера «Кастилия» в Манильском рейде. Колониальные власти не разрешали ему сходить на берег и навещать друзей и родных.

Но жизнь Ризаля на борту крейсера не была тягостной. Командир крейсера дарил пленника знаками дружбы и внимания — поместил его в лучшей каюте, часами беседовал с ним, устраивал на корабле обеды и ужины, на которые приглашались друзья и родные Ризаля. Через несколько недель эти визиты к Ризалю явились для многих приглашенных причиной ареста и ссылки.

Здесь, на борту «Кастилии», Ризаль получил последние предложения от «Катипунана» стать во главе начинавшегося восстания. Легкая туземная лодка должна была ночью бесшумно подойти к судну, чтобы похитить Ризаля.

И Хосе Ризаль снова отказался. Он заявил, что не может обмануть доверия командира и нарушить слово, данное правительству.

Не только командир крейсера, но даже генерал-губернатор ни в какой мере не связывали имени Ризаля с начавшимся восстанием.

Тридцатого августа, подписывая приказ о введении военного положения в провинциях Манилы, Булакан, Пампанга, Нуэва Эсиха, Тарлак, Лагуна, Кавите и Батангас, генерал-губернатор снабжает Ризаля рекомендательным письмом, адресованным старому товарищу — военному министру Испании генералу Аскаррадо:

«Манила, 30 августа 1896 г.

Уважаемый генерал и достойный друг!

Рекомендую вам с искренней симпатией д-ра Хосе Ризаля, который направляется на полуостров, чтобы отдать себя в расположение правительства в качестве врача-добровольца в армии Кубы.

В течение четырех лет изгнания в Дапитане он вел себя образцово и, по моему мнению, особенно достоин похвалы и внимания за то, что не связан с теми экстравагантными попытками, которые сейчас вызывают наше сожаление, так же как и с заговорщиками и тайными обществами.

Имею удовольствие заверить вас в своем глубоком уважении и остаюсь ваш преданный друг и товарищ Рамон Бланко».

Между тем «экстравагантные попытки», как мягко назвал их Бланко, были началом революции.

Пароход «Остров Панай» повез Ризаля в Барселону. В это время отряды восставшего народа, после первых столкновений в Балинтаваке, в ряде пунктов одерживают победы над правительственными войсками. Восстание началось почти одновременно во всех районах, где существовали секции «Катипунана» и где они объединили и подготовили трудящиеся массы к борьбе.

В Маниле это сильно разросшееся движение вызвало панику среди колонизаторов и монахов. Из провинций ежедневно прибывали новые представители монашеских орденов, бросавшие свои приходы и пышные резиденции и искавшие убежища от восставшего народа за крепостными стенами Манилы. Они приносили слухи о новых победах «мятежников» и вселяли ужас в сердца испанских колонизаторов своими вымышленными рассказами о той кровавой расправе, которую восставшие будто бы готовят даже мирному манильскому населению.

Перед Малоконьяном, старинным дворцом манильских генерал-губернаторов, собирается громадная толпа испанцев-колонизаторов. Она требует головы Ризаля, видя в нем главного виновника восстания.

Но Ризаль уже на пути в Европу. В Сингапуре на пароходе становится известным о революционных событиях на Филиппинах. Ряд представителей буржуазной филиппинской верхушки торопится покинуть пароход — «испанскую территорию». Среди пассажиров находится и Педро Рохос, старый знакомый Ризаля, манильский богач, связанный с национально-освободительным движением, но, как и Ризаль, противник вооруженного восстания. Рохос тщетно уговаривает Ризаля последовать его примеру и сойти на берег. Ризаль и тут непреклонен: он не может нарушить данного им слова — он едет свободным, но он пленник на честное слово.

Для Ризаля это не донкихотство. Он не может допустить, чтобы в его лице хоть одному филиппинцу было брошено обвинение в нарушении данного обещания. К тому же он не чувствует за собой никакой вины, а бежать — значит признать себя виновным. Он готов ко всему, но он не изменит своим принципам. Пароход отплывает, и Ризаль — единственный филиппинец, оставшийся на его борту, обменивается последним приветствием с друзьями и соотечественниками, провожающими его на молу.

«Остров Панай» везет его навстречу верной гибели. Уже в Суэце, по каблограмме из Манилы, Ризаль был арестован. В качестве арестанта он заканчивает свой последний путь в Европу… «Остров Панай» прибыл в Барселону ранним утром. Здесь уже ждало распоряжение из колониальной столицы о немедленном возвращении опасного преступника для суда в Манилу. Обратный пароход должен был выйти из Барселоны после полудня. И все же на эти несколько часов Ризаля перевели в тюремный замок.

Военным комендантом Барселоны был в это время Деспухол, так вероломно обещавший Ризалю полную неприкосновенность на Филиппинах и без суда сославший его в Дапитан. У него хватило цинизма распорядиться привести к нему его жертву. Это было последнее свидание Ризаля с лживым и беспринципным Деспухолом, столько раз обсуждавшим с ним проекты необходимых реформ. Благородная простота и спокойствие Ризаля заставили покраснеть даже виновника его гибели.

Ризаль и тут остался верен себе. Приведенный под конвоем, он держал себя просто и с достоинством. Ни одного слова упрека не услыхал бывший генерал-губернатор, никаких признаков страха не обнаружил он на приветливом и вдумчивом лице Ризаля.

В тот же день арестованный Ризаль был отправлен обратно в Манилу.

Телеграф разнес весть об отправке Ризаля в качестве арестанта для суда в Манилу. Все эмигрантские колонии в Мадриде и других европейских столицах откликнулись на нее единодушным протестом; эта весть вызвала возмущение всех прогрессивных европейских элементов. Многочисленные друзья Ризаля ясно представляли себе неизбежный результат колониального «правосудия».

Друзья Ризаля деятельно отыскивали способы спасти его, прежде чем судно прибудет в Манилу. Они знали, что лишь только за Ризалем закроются ворота крепости Сант-Яго, уже ничто не сможет вырвать пленника из когтей его врагов.

Старый друг Ризаля юрист Антонио Рехидор, в чьем доме филиппинский поэт находил дружескую заботу и уют, выдвинул план освобождения Ризаля в момент, когда пароход прибудет в Сингапур. При помощи английских друзей Ризаля ему удалось добыть в Лондоне бумаги, по которым, на основе английского закона «habeas corpus», он думал вырвать арестованного из рук его тюремщиков.

Но и здесь судьба была против Ризаля. Его отправили на обычном пароходе, но в последний момент на судно был

погружен отряд испанских солдат, спешно направленный в колонию для борьбы с разгоравшимся восстанием. Мирный пароход превратился в военный транспорт, и когда он вошел в Сингапурский порт, на его мачтах развевался военный флаг королевской Испании. План освобождения Ризаля рухнул. Английские портовые власти не решились вторгаться на территорию испанского «военного судна». Трагическое путешествие на родину продолжалось. Ризалю суждено было выпить чашу до дна.

Третьего ноября 1896 года тяжелые решетки форта Сант-Яго во второй раз закрылись за Хосе Ризалем. Он оказался в полной власти своих врагов.

Восстание разрастается

Восстание и первые победы отрядов «Катипунана» доводят испанских резидентов и монахов до неистовства.

По указке монашеских орденов генерал-губернатор производит бесчисленные аресты. Виновных в восстании ищут прежде всего среди видных буржуазных националистов, известных испанским властям и монахам своими либеральными идеями, критикой орденов и участием в масонских ложах.

Серию казней открывает расстрел 12 сентября тринадцати «кавитских мучеников», как назвал филиппинский народ первые жертвы массового террора колонизаторов. Аресты и казни широкой волной прокатились по центрам Пампанги, Булакана, Нуэва Эсиха. Колониальные власти с жестокостью и садизмом, достойными их сегодняшних потомков из банд фашистского генерала Франко, убивают и до смерти замучивают пленных повстанцев. «Цивилизованные и религиозные захватчики пытали своих пленников, жгли их, душили, потрошили внутренности, возобновили все пытки инквизиции, стискивание пальцев, колья, дыбу…» — писал современник-филиппинец Рамон Рейес Лала.

В течение одной только ночи из сотни арестованных, запертых в узком и душном погребе, задохнулось более шестидесяти человек.

Аресты и казни производились среди всех слоев населения, в том числе и умеренных буржуазных националистов, не связанных с «Катипунаном» и высказывавшихся против вооруженного восстания.

Но все это кажется недостаточным кровожадным монашеским орденам. Монахи чувствуют, что на них в первую очередь направлена всеобщая ненависть, и они требуют все новых и новых жертв. Они ведут в Мадриде кампанию против генерал-губернатора Бланко, обвиняя его в мягкости и бездеятельности, и добиваются его отозвания.

Двадцать пятого октября 1896 года в Маниле появляется сменивший Бланко генерал Камило Палавьеха и через несколько дней занимает генерал-губернаторский дворец.

Только необычайной кровожадностью Палавьеха можно объяснить тот факт, что его предшественник Рамон Бланко вошел в буржуазную историю как «гуманный человек». С приходом к власти Палавьеха террор усиливается. Генерал-губернатор непрерывно требует военных подкреплений из Европы, умножая казни и пытки. Он создает в Маниле постоянный военно-полевой суд, утверждает смертные приговоры, вынесенные судами еще

при Бланко, широко практикует конфискацию имущества и капиталов «подозрительных» филиппинских богачей.

Репрессии против умеренно настроенных буржуазных националистов толкают и последних в лагерь революции. Восстание разрастается. Оно вспыхивает все в новых и новых пунктах.

Филиппинский народ начал свою борьбу, вооруженный кольями, копьями и длинными крестьянскими ножами-боло. Но в боях с испанскими войсками и гражданской гвардией повстанцы добывали себе огнестрельное оружие.

Рассеянные в одном месте, революционные отряды немедленно соединяются в другом. Вокруг Бонифацио и его революционных соратников — Эмилио Хасинто, Макарио Сакай, Фаустино Гильермо объединяются народные ополчения. Повстанцы приступают к созданию регулярных революционных армий, подчиненных революционным командирам, часто выходцам из народных низов.

Восстанием охвачен не только Центральный Люсан: оно перекидывается на ближайшие острова — Миндоро и даже на Минданао.

К концу декабря Палавьеха удается одержать в нескольких сражениях победы над революционной армией и даже захватить обратно Кавите, эту колыбель филиппинских революционных восстаний.

Но все эти победы непродолжительны и нетверды. В городе Кавите восставшие пленные-революционеры вырываются из тюрьмы на свободу и, сражаясь с испанскими солдатами, присоединяются к революционной армии.

«Усмиренные» испанскими войсками районы восстают вновь. Колонизаторы ждут нападения отовсюду, и в своих попытках пресечь революцию обрушиваются на городских обывателей и население мирных деревень. Этим они только расширяют фронт гражданской войны, возбуждая против себя все филиппинское население.

Знаменем филиппинского народа все время остается имя Ризаля. Арестованный и запертый в замке Сант-Яго, Ризаль вдохновляет филиппинский народ на новые подвиги. А сам он с ужасом смотрит из-за решотки тюремной камеры на пожар революции и на рекою льющуюся кровь своих собратьев, замученных колониальными палачами.

Последняя глава жизни

Рамон Бланко, уступая настоянию монахов, вернул Ризаля в Манилу и поместил за решетку крепости, но он старался оттянуть неизбежную гибель человека, которого еще несколько месяцев назад с искренней симпатией рекомендовал своему другу Аскаррадо.

С приходом к власти Палавьеха монашеской клике стало легче ускорить казнь своего ненавистного обличителя. Наконец-то, монашеские ордена смогут заставить его расплатиться кровью за все сарказмы «Не касайся меня» и «Эль филибустеризмо», за страстные статьи в «Эль солидаридад», за антиклерикальные памфлеты.

Но пред лицом всего мира даже Палавьеха понимал, что Ризаля нельзя казнить без инсценировки суда, без каких-либо, хотя бы и вымышленных, улик.

Колониальные власти пытаются вынудить у арестованных друзей и знакомых Ризаля признание, что он принадлежит к членам «Катипунана» и участвовал в подготовке восстания. Но филиппинские патриоты терпеливо переносят допросы и мучения, и даже испытанным следователям не удается добиться нужных лжесвидетельств.

Долгие дни продолжалась пытка брата Ризаля — Пасьяно. Пальцы его левой руки зажимают в тиски, в правой руке у него перо, которым он должен подписать свидетельство против Хосе. Несколько раз несчастный терял сознание от нечеловеческих мучений, но палачи не смогли вырвать у него ни одного показания против брата. Пасьяно выпустили лишь после того, как довели его почти до сумасшествия.

Ризаль не чувствовал за собой никакой вины, хотя отдавал себе полный отчет в том, что исход его процесса совершенно не зависит от его действительной виновности или невиновности. Он сам смотрел с ужасом на вооруженное восстание и на жертвы этой борьбы.

Пятнадцатого декабря 1896 года он обратился из тюрьмы к филиппинскому народу со следующим воззванием:

«Соотечественники! По возвращении из Испании я узнал, что мое имя служит военным кличем в устах тех, кто восстал с оружием в руках. Это явилось для меня мучительной неожиданностью. Все же, полагая инцидент уже оконченным, я не реагировал на то, что было уже непоправимо. Но сейчас я замечаю признаки продолжающихся беспорядков. И для того, чтобы никто — ни с добрыми, ни с худыми намерениями — не

мог использовать мое имя, для того, чтобы прекратить это злоупотребление и отрезвить неосторожных, я спешу обратиться к вам с этими строками и сообщить правду.

С самого начала, когда я получил первые сведения о том, что предполагалось, я был против, я боролся и доказывал всю невозможность задуманного. Это — факт, и свидетели моих слов еще живы. Я был уверен, что план крайне абсурден и, что еще гораздо хуже, — принесет великие страдания.

Я сделал больше. Когда впоследствии, вопреки моим советам, движение облеклось в плоть, я по собственной инициативе предложил использовать лучшим, возможным образом мои силы, всю мою жизнь и даже мое имя, чтобы прекратить мятеж, так как отдавал себе отчет в тех бедствиях, которые он принесет. Я считал бы себя счастливым, если бы любыми жертвами мог предотвратить такое бесполезное начинание. Это тоже может быть подтверждено.

Соотечественники! Я дал доказательства того, что я один из людей, наиболее жаждущих свобод для нашей страны, я их жажду и теперь. Но я выдвигаю в качестве обязательного предварительного условия — просвещение народа для того, чтобы путем образования и экономического прогресса наша страна могла развить все свои возможности и стать достойной этих свобод. Я всегда рекомендовал во всех своих писаниях развитие гражданских добродетелей, без которых не может быть освобождения. Я также писал (и я повторяю сейчас свои слова), что благодетельные реформы должны прийти сверху, приходящие же снизу — непоследовательны и неверны.

Исповедуя такие идеи, я могу лишь осудить, и я осуждаю, восстание, как нелепое, дикое, подготовленное за моей спиной, способное лишь опозорить нас, филиппинцев, и дискредитировать тех, кто борется за наше дело. Я осуждаю все его преступные методы и отрицаю всякое участие в нем, от глубины сердца сожалею тех неосторожных, которые, обманувшись, приняли в нем участие.

Итак, возвращайтесь к вашим домам и да простит бог тех, кто действовал с дурным намерением.

Хосе Ризаль Форт Сант-Яго, 15 декабря 1896 г.»

Это воззвание, опубликованное человеком, чье имя действительно было боевым кличем восставшего народа и чей авторитет был бесспорен, могло быть воспринято только как нож в спину революции. Тем более, что появление воззвания совпало с временем, когда войскам колонизаторов удалось нанести восставшим ряд поражений.

Учитывал ли Ризаль смысл своего выступления?

Все, кто близко знал Ризаля, и каждый, кто внимательно прочтет его произведения, поймут, что этот горячий патриот и страстный человек не мог не сочувствовать героической борьбе своего народа, даже если этот народ боролся и не по его рецепту. Об этом говорит хотя бы та горячая симпатия, с какой Ризаль в своих романах пишет даже о разбойниках-тулисанах, всегда подчеркивая колониальный гнет и несправедливость, как причины, породившие их появление на Филиппинах.

Возможно, что он стремился сохранить нетронутыми и в сознании современников и в памяти потомков свои мирные эволюционистские идеи, а, может быть, он пытался отмежевать свое имя от всякого участия в подготовке революции, стремясь сохранить свою жизнь.

К счастью, филиппинский народ, видевший в Ризале вождя и вдохновителя национальной революции, хотя фактически Ризаль не принимал никакого участия в подготовке восстания и в деятельности «Катипунана», не поверил этому, выпущенному из страшной сант-ягской тюрьмы, воззванию. Прежде чем воззвание успело широко распространиться на Филиппинах, расстрел Ризаля на Багумбаянском поле, как громовый удар, отозвался в сердцах филиппинцев.

Ризаль своею кровью смыл то зло, которое вольно или невольно мог бы принести этим воззванием борьбе своего народа за освобождение.

Колониальным властям не удалось создать ни одной улики, доказывавшей участие Ризаля в подготовке восстания. Тогда против него было выдвинуто обвинение в создании нелегального общества «Лига Филиппина», являвшегося якобы прототипом «Катипунана», и в проповеди вооруженного восстания.

Искусно подобрав цитаты из романов и статей Ризаля, его враги без большого труда составили длинный обвинительный акт. Посвящение второго романа Ризаля памяти казненных священников также явилось одним из основных аргументов, на которых было построено обвинение в «мятеже и государственной измене».

Ризаля судили военно-полевым судом. Ему не разрешалось иметь частного юриста. Он мог лишь выбрать в качестве защитника кого-либо из предложенного ему списка испанских офицеров. В этом списке Ризаль остановился на знакомой фамилии де Андраде. Он невольно вспомнил аристократического стража, приставленного к нему генерал-губернатором Торерро во время его первого возвращения на родину, молодого офицера, очень быстро превратившегося из шпиона в близкого приятеля Ризаля. Восемь лет прошло с тех пор, как Хосе Ризаль и Хосе де

Андраде совершали длинные прогулки, вели жаркие споры и вслух декламировали любимых поэтов.

Выбранный Хосе «защитник» — Луис де Андраде оказался, действительно, родственником и другом его бывшего неразлучного «компаньона». Он искренно пытался вырвать Ризаля из рук палачей и добиться хотя бы смягчения приговора.

Но судьба Ризаля была решена заранее. Вся инсценировка суда, тянувшегося несколько дней, была необходима колониальным властям только для того, чтобы юридически оформить перед лицом мирового общественного мнения жестокую расправу.

В течение недели Ризаля ежедневно под усиленным конвоем, со связанными руками вводили в переполненный военными зал трибунала.

Часами он должен был выдерживать мучительные допросы, веревки впивались в его тело. Физическими страданиями палачи думали запугать свою жертву и вырвать у нее нужное признание. Но Хосе Ризаль мужественно переносил все испытания и с грустным сочувствием глядел на нескольких запуганных филиппинских «свидетелей», выставленных обвинением и тщательно охраняемых председателем суда от всяких попыток перекрестных вопросов со стороны Луиса де Андраде.

Подошли рождественские праздники, и христолюбивые судьи прервали процесс, чтобы спокойно отдаться праздничным процессиям и пирам.

Наконец, 29 декабря трагическая комедия завершилась. Суд признал Ризаля виновным и приговорил к расстрелу.

Приговор надо было привести в исполнение в 24 часа. Ризаль выслушал решение своей участи с тем же спокойным лицом, с каким часами следил за тягостным нагромождением лжи и полными ненависти речами прокурора. Он, так часто повторявший: «Что для меня смерть? Я посеял семена и останутся другие, чтобы собрать урожай!» — знал заранее свой приговор.

Еще за несколько дней, в своей одиночной камере, при свете небольшой спиртовой рабочей лампы — подарок одного из европейских друзей — он написал свое последнее «прости» родине и друзьям.

Горячей любовью и преданностью несчастной родине дышит каждая строчка этого длинного стихотворного послания, беззаветной готовностью с радостью отдать жизнь за счастье и освобождение своей страны.

С трудом верится, что эти тщательно отделанные стихи, лучшие, быть может, из всех, написанных Ризалем, этот спокойный почерк — принадлежит смертнику.

Прощай, обожаемая Родина, страна жгучего солнца,
Жемчужина восточных морей, наш потерянный рай,
С радостью отдаю я за тебя свою грустную жизнь.
И будь она сверкающей, красочной и цветущей,
Я все же отдал бы ее за тебя, за твое счастье.
Другие отдают свою жизнь не колеблясь, не дрогнув,
На полях сражений, среди кличей безумных;
Место не важно — среди кипарисов, лавров или лилий,
В чаще лесов или в открытом поле, в битве или жестоких
пытках —
Важно, если жизнь принесена как жертва на алтарь родине.

Мечтой, пленявшей меня с юных лет,
Желанием, вдохновлявшим меня и дававшим мне силы,
Было увидеть день, когда ты, о, красавица восточных морей,
Осушишь слезы на своих черных очах, расправишь морщины
чела,
Предстанешь предо мною без мук, без страданий…

Ризалю хотелось, чтобы его последние слова во что бы то ни стало дошли до его народа. Он знал, что после его смерти все его бумаги будут захвачены палачами.

Накануне, во время свидания с матерью и сестрами, Ризаль не смог передать стихов. Смертника отделяло от его близких несколько метров. Ему даже не было разрешено коснуться руки матери из страха, что она передаст ему яд, и он избежит уготованной казни.

Прощаясь со своими родными, Ризаль всячески старается ободрить их. В присутствии стражи, ни на минуту не оставлявшей осужденного даже в эти трагические минуты последнего свидания, Ризаль завещал сестре Тринидад свою любимую рабочую лампу.

— Там что-то есть внутри, — быстро прибавил он по-английски.

В последнюю ночь перед казнью он спрятал стихи внутрь догоревшей лампы.

Ризаль был глубоко прав, стремясь передать филиппинцам свое последнее прости. Гнусные палачи не удовольствовались своей кровавой местью. Они сделали все, чтобы извратить последние часы Ризаля, представить его народу как грешника,

раскаявшегося в своей вине перед монахами и правительством.

Чтобы оклеветать и обезвредить память о Ризале, были использованы и падкий до сенсации репортер мадридского «Геральд», добившийся от Ризаля интервью накануне казни, и монахи, которых религиозный Ризаль, несмотря на ненависть к монашеским орденам, принял, чтобы исповедаться и причаститься.

Газетного репортера, введенного к нему за несколько часов до казни, Ризаль принял с непринужденной любезностью светского хозяина, приветствующего в своем доме дружественного посетителя. Ризаль спокойно говорил с ним о процессе, о том, как извращены были в обвинительном заключении его произведения.

Враги Ризаля постарались извратить и эту его беседу. Касаясь политической жизни Испании, Ризаль высказал мнение, что испанские республиканцы не использовали всех своих возможностей и влияния на испанский народ. Враги Ризаля превратили эти слова в обвинительную речь против республиканцев, якобы виновных, по мнению Ризаля, во всех его злоключениях.

Обычную для Ризаля скромность суждений о собственных научных и литературных работах его враги пытались представить как полное разочарование в тех принципах, которые он проповедовал всю жизнь.

Еще больше лжи нагромоздили монахи по поводу «христианского раскаяния» Ризаля. По многочисленным, распространявшимся ими, противоречивым версиям Ризаль не только причастился перед смертью, что вполне возможно, но якобы письменно отрекся от «ереси», осудил масонство, примирился с церковью и освятил браком свою связь с Джозефиной Брэйкен.

Однако никто никогда не видел этого письменного отречения. Монахи распространяли якобы снятые с него копии, а сам документ, по их словам, «затерялся» по пути от духовников Ризаля к манильскому архиепископу. Вряд ли непримиримые враги Ризаля могли потерять такое исключительное орудие для борьбы с влиянием и авторитетом имени Ризаля, необычайно возросшим после его трагической гибели и вдохновлявшим филиппинский народ на новые бои.

Тысячу раз был прав Ризаль, когда старался сохранить для своего народа свои предсмертные стихи. Сотни списков с хранящегося и до сих пор в Маниле оригинала разошлись по островам, парализуя клевету монахов и призывая филиппинцев принести свои жизни на алтарь освобождения родины.

Последнюю ночь Ризаль не спал. Он провел ее в чтении и беседе со своими стражами и священниками.

Его палачи даровали ему последнюю милость: вечером они разрешили жене навестить Ризаля и даже оставили их на короткое время одних.

Роковой день наступил. Все попытки друзей Ризаля в Маниле и в Мадриде добиться отмены казни оказались тщетными. Трудно было смягчить сердце кровавого Палавьеха и цепко державшихся за свою жертву монахов. Защитники Ризаля лишь навлекли на себя преследование властей. В Мадриде друзья подняли голос протеста еще задолго до решения военно-полевого суда. Говорят, им удалось склонить на свою сторону даже премьер-министра. Но королева-регентша была неумолима: она не могла простить Ризалю какой-то нелестной фразы в его романе — он должен был заплатить за нее кровью.

Над Манилой встало прозрачное декабрьское утро. В хрустальном воздухе четко рисовались далекие горные цепи и высокий конус вулкана Коррехидора — стража Манильского залива.

С рассветом потекли к месту казни толпы народа. С суровыми лицами и стиснутыми зубами шли филиппинцы взглянуть в последний раз на своего вождя. В домах и хижинах манильских предместий многие провели эту ночь без сна.

С злорадным торжеством ехала к месту казни испанская знать, смехом и аплодисментами приветствовать гибель своего обличителя, «зазнавшегося индио», виновника «бунта черни» и их страхов перед народным возмездием.

В семь часов пришли за Ризалем. Ему крепко связали руки за спиной и, окруженного двойным кольцом стражи, вывели из тюрьмы.

До Багумбаянского поля нужно было пройти больше мили. Под громкую дробь барабанов кортеж тронулся. Стройный силуэт осужденного, в черном костюме и черной шляпе, с четырех сторон окружала кайма пестрых солдатских мундиров. Две батареи артиллерии и два эскадрона кавалеристов охраняли «опасного» преступника.

Путь проходил по знакомым местам. Все будило в Ризале воспоминания его юности. Он шел бодрым шагом, со спокойным лицом человека, вышедшего на радостную утреннюю прогулку.

Из-за крыш показалось здание «Атенеума», с которым было связано так много юношеских надежд и мечтаний.

— Давно ли пристроили эти башни? — спросил Ризаль, критически рассматривая сомнительные образцы иезуитского архитектурного вкуса.

Рядом с Ризалем шел священник-иезуит.

— Мы уже приближаемся к Кальвари, — заметил ему Ризаль. — Мои страдания не слишком продолжительны, через несколько минут пули прекратят их.

Вдоль улиц стояла сдерживаемая солдатами толпа. Царило глубокое, подавленное молчание, лишь изредка его нарушали возгласы жестокой радости, вылетавшие из уст испанских колонизаторов. Наблюдавший эту сцену иностранец громко крикнул Ризалю короткое прощание.

Ризаль заметил группу своих бывших учеников из Дапитана. Они держались вместе, по их лицам текли слезы.

— Как прекрасно утро! Как ясно видны Коррехидор и Кавитские горы!.. Я гулял здесь когда-то со своей невестой Леонорой. Было такое же утро! — вслух вспоминал Хосе.

— Утро станет еще лучше, мой сын, — заметил священник.

— Как это, падре? — не понял его Ризаль.

Командовавший охраной офицер разделил их, и Ризаль так и не узнал, что хотел сказать иезуит своей репликой.

Кортеж достиг Багумбаянского поля.

Восемь лет назад, гуляя со своим другом и вспоминая проливших здесь свою кровь патриотов, Ризаль сказал: «Когда-нибудь и я закончу здесь свою жизнь». Теперь его черед пришел. Войско, построившись в карре, охраняло площадь от толпы. На нее были наведены жерла пушек со снятыми чехлами.

С одной стороны площади построился военный оркестр, готовый исполнить гимн королевской Испании и фанфарами известить о гибели врага короны и монахов.

При виде связанной, беспомощной жертвы клики ликования вырвались из уст колонизаторов, жадно ожидавших кровавого зрелища.

Но они не действовали на Ризаля. Вступив на поле, Ризаль спокойно обратился к командиру.

— Вы, надеюсь, поставите меня лицом к солдатам во время расстрела?

— Нет, это невозможно, — ответил капитан. — Я получил распоряжение стрелять в спину.

— Но я никогда не был изменником ни своей родины, ни Испании!

— Мой долг — выполнять полученное приказание.

— Хорошо, расстреливайте, как вам угодно, — заметил Ризаль и попросил только дать инструкцию солдатам целиться не в голову, а в сердце, и разрешить ему принять смерть стоя, а не на коленях и не завязывая глаз.

Это командир разрешил ему.

Лишь на один момент выдержка изменила Ризалю, и его непоколебимое мужество дрогнуло.

Он дошел до места казни. Звякнули затворы винтовок. Ласково расстилались голубые воды Манильского залива. Перед Ризалем пронеслась вся его недолгая жизнь. Его охватила дрожь, и из груди вырвался тяжелый вздох.

«О, как ужасно умирать! Какое страдание!..»

Но это была лишь минутная слабость. Силой воли Ризаль поборол ее и стоял вновь совершенно спокойный, без малейшего страха в глазах.

К месту казни шли мерным шагом те, кому поручили осуществить казнь. Восемь солдат-филиппинцев получили приказ расстрелять своего великого соотечественника. За ними стояли восемь солдат-испанцев, со взведенными винтовками, готовые стрелять в филиппинцев, если они ослушаются команды.

Хосе Ризаль обменялся крепкими рукопожатиями с провожавшими и спокойно занял место. Он стоял с гордо поднятой головой, с открытыми глазами, устремленными в небо, спиной к солдатам. По словам свидетелей, на его лице не было ни страха, ни экстаза, а лишь полное спокойствие и решимость.

Зрелище совершенно необычайного самообладания подействовало даже на военного врача, свидетеля бесконечных казней на этом поле.

— Коллега, — закричал он, — разрешите мне пощупать ваш пульс!

Ризаль ничего не ответил, лишь вытянул свою правою руку, насколько ему позволяли веревки. Пульс был почти нормальным.

— Вы здоровы, коллега, — заявил доктор, — вполне здоровы! — и отступил на свое место.

Ризаль, опять ничего не ответив, занял свое прежнее положение и постарался связанной правой рукой показать место, куда следовало целиться солдатам.

Командир отдал команду. Восемь выстрелов слились в один. Нечеловеческим усилием воли Ризаль сделал последнее движение, его тело упало лицом кверху.

Багумбаянское поле обагрилось кровью одного из преданнейших сынов филиппинского народа.

Аплодисментами и хохотом приветствовала толпа испанской знати темный ручеек крови, вытекавшей из остановившегося сердца их жертвы.

Оркестр заиграл королевский гимн «Вива Испания! Вива Испания!» Радостный клич ослепленных ненавистью и животным страхом колонизаторов, казалось, навсегда утверждал над Филиппинами мрачное господство абсолютной испанской

деспотии и ее верных союзников-монахов.

Но рука восставшего народа уже чертила в пламени революционного пожара роковые знаки конца.

Борьба продолжается

Расстрелом филиппинского поэта и патриота колониальные власти во главе с Палавьеха и стоявшие за ними монашеские ордена думали нанести последний устрашающий удар мятежникам, над слабо вооруженными отрядами которых регулярным испанским войскам кой-где удалось одержать победу. Но колониальные палачи ошиблись в расчетах. Даже своей смертью Ризаль укрепил решимость своего народа в его борьбе за национальное освобождение.

Все друзья Ризаля уверяют, что он неизбежно пришел бы к участию в революции. И они, по всей вероятности, правы. Ризаль, во многом сильно опередив своих современников, был представителем своего класса. Он был тесно связан с тем поколением зарождавшейся либеральной филиппинской буржуазии, воспитанным на испанской культуре и так или иначе связанным с испанским колониальным режимом, которое еще не представляло себе возможности полного отделения от Испании. Борясь за национальное освобождение, эта буржуазия видела путь к нему только через последовательные реформы, которых она ждала от Испании. Либеральные буржуазно-помещичьи слои не верили в силы филиппинского народа и считали безнадежной всякую попытку вооруженного восстания. Их пугал опыт предшествовавших стихийных выступлений филиппинских масс, неизбежно подвергавшихся жестоким и кровавым подавлениям. Только успехи организованной народной борьбы, охватившей победоносным восстанием большую часть архипелага, могли увлечь за собой умеренные слои филиппинского общества, показав им на примере возможность победы над Испанией.

Но в момент казни Ризаля среди армии Бонифацио мы не находим еще либеральных представителей буржуазии и помещиков. Ни доблестные революционнее генералы Антонио Луна, Григорио дель Пилар, ни даже мелкобуржуазный философ и горячий патриот Аполииарио Мабини еще не примкнули к восстанию. Все они в дальнейшем пришли в лагерь революции, по мере того, как она все шире разливалась но островам и принимала подлинный характер общенациональной освободительной войны.

Несомненно, революция изменила бы и философию Ризаля, помогла бы ему найти себя и свое место в рядах борющегося народа.

Но перед смертью он был еще далек от этого. Об этом красноречиво свидетельствует его обращение из тюрьмы к

филиппинскому народу.

Казнь Ризаля — акт близорукий и бессмысленный даже с точки зрения потерявших голову колонизаторов — вызвала взрыв народного возмущения, привела в лагерь революции новые сотни бойцов.

В день казни из Манилы тайно бежал старший брат Ризаля — Пасьяно. Он понес в лагерь Бонифацио свою ненависть к палачам своего брата и решимость драться до конца.

Дочь угнетенного ирландского народа Джозефина Брэйкен и две сестры Хосе также покидают Манилу и присоединяются к «Катипунану». Здесь они самоотверженно работают по организации женских секций и несут не только тяжелую работу санитарок революционных отрядов, но и совершают боевые переходы.

Ежедневно из Манилы уходили десятки и сотни жителей и пополняли собой ряды революционного войска. Еще большее значение имел массовый приток добровольцев из провинциальных городов и поселений и поголовные восстания крестьян целых районов.

Окончательно обезумевший Палавьеха и его подчиненные безжалостно терзали и убивали пленников, сжигали и уничтожали населения целых деревень, еще более возбуждая этим ненависть филиппинского народа.

Не довольствуясь расправой с уже восставшими, колониальные власти искали заговорщиков, среди филиппинской буржуазии и помещиков, конфискациями и казнями ускоряя переход на сторону революции даже консервативных элементов.

Через две недели после расстрела Ризаля Багумбаянское поле стало ареной новых массовых казней. В один день были расстреляны четырнадцать человек из наиболее известных филиппинских семейств Вилья Реал, Рохас, Баса и другие, среди них два священника-филиппинца. Многие из них были настолько истерзаны жестокими инквизиционными пытками, что еле держались на ногах. Семидесятилетнего Моисеса Сальвадора пытали так долго, что старик не был в состоянии двигаться. Когда пришла его очередь умирать, палачи не могли даже поставить его. Они положили его ничком и, лежащего, расстреляли. Франсиско Рохас был доведен пытками до полного сумасшествия.

Казни следовали непрерывно. Но народ ужо не был безмолвным свидетелем. Все, кому удавалось бежать, покидали город и шли победить или умереть в бою.

Борьба восставшего народа продолжалась.

В нашу задачу не входит изложение всех захватывающих подробностей филиппинской революции, подготовленной

Ризалем, «творцом нации», как его зовут филиппинцы, организованной и возглавленной великим плебеем Андресом Бонифацио.

Уже в 1897 году движение разрослось настолько, что было создано революционное правительство. Бонифацио еще до начала восстания реорганизовал весь «Катипунан» так, что от Верховного сонета и до секций на местах он был не только органом восстания, но и органом новой власти. Накануне восстания каждому члену Верховного совета была поручена определенная область — военная, финансы, внутренние дела, юстиции и т. д. В местных секциях руководство также распределило административные обязанности.

Провозглашение Филиппинской республики и победы революционно-освободительного движения во всех основных решающих провинциях острова Люсана не только привлекают в лагерь Бонифацио значительную часть буржуазии и помещиков, но одновременно вскрывают со всей остротой классовые противоречия в самом движении. Бонифацио, являясь вдохновителем и непримиримым борцом плебейских методов решения задач революционно-освободительного движения, резко противостоит туземной буржуазии и помещикам, борющимся за сохранение полуфеодальной эксплуатации.

Почти полное отсутствие пролетариата, единственного класса, способного повести массы страны на борьбу за решение задач движения в интересах самих масс, позволило буржуазии захватить руководство восстанием в свои руки, а предательское убийство сторонниками буржуазии Бонифацио отдает всю полноту власти ставленнику буржуазно-помещичьих кругов генералу Агинальдо.

Возглавив освободительное движение, буржуазия и помещики, в лице Агинальдо, начинают за спиной масс торговать страной. В декабре 1897 года в Биак-на-Бето президент Агинальдо, в ответ на обещание испанского правительства провести ряд реформ и изгнать монахов, заключает сделку с Испанией, соглашаясь покинуть вместе со своими сторонниками Филиппины и призвать повстанцев прекратить борьбу.

Но капитуляция руководства не в состоянии приостановить начавшегося народного движения.

В ряде провинций испанскому правительству уже никогда больше не удалось восстановить своего господства.

Испанское правительство и не думало выполнять данных им обещаний. Вместо реформ оно продолжало политику арестов и репрессий. Не успевшее затухнуть пламя революции вспыхивает с новой силой.

Борьбу филиппинского народа за свою национальную независимость стремятся в этот момент использовать американские империалисты. Они прикрывают свою погоню за колониями лицемерными декларациями о защите угнетенных Испанией национальностей. Они предлагают Агинальдо и филиппинским эмигрантам свою «помощь» и союз в борьбе за независимость Филиппин.

Второго мая 1898 года в Манильском заливе эскадра американского адмирала Дьюи уничтожает испанский флот. Вернувшийся на Филиппины Агинальдо становится во главе еще более разросшегося народного восстания.

Теперь уже все классы филиппинского общества объединены в совместном порыве. В самый короткий срок испанское господство на Филиппинах фактически ликвидировано. Остатки испанских войск и испанские колонизаторы заперты в Манильской крепости, осажденной филиппинской народной армией.

Филиппинский народ торжественно провозглашает свою национальную независимость, создается правительство, собирается конгресс, который вырабатывает буржуазно-демократическую конституцию Филиппинской республики.

Ризаль, не доживший до этих исторических событий, продолжает вдохновлять филиппинский народ на борьбу и служить ему. Не только все исторические документы и речи при организации независимого республиканского правительства проникнуты благодарной памятью о национальном герое, но и научные и организационные работы Ризаля используются национальным правительством. План народного просвещения, разработанный Ризалем в Дапитане, был положен в основу реформ народного образования филиппинского правительства.

Американский империализм на первых порах вынужден допустить создание филиппинского правительства. Представители военного командования США признают его и сотрудничают с ним.

Но когда колониальное господство Испании ликвидировано и на Кубе и на Филиппинах, когда Испания по Парижскому договору в декабре 1898 года вынуждена «уступить» Филиппины США за двадцать миллионов долларов, империалистические «союзники» показывают филиппинскому народу свое истинное лицо.

Весной 1899 года захватническая политика американских империалистов приводит их к первым вооруженным столкновениям с филиппинцами.

Филиппинский народ героически борется против новых

колонизаторов, отнимающих у него добытую в боях национальную независимость. Долго длится неравная борьба с вооруженной до зубов армией империалистов.

Рост классового сознания трудящихся в разгорающейся борьбе толкает буржуазию на поиски соглашения с империализмом.

Американский империализм, в свою очередь, видит невозможность добиться капитуляции даже наиболее консервативных элементов иначе, как пойдя на ряд реформ и уступок.

В результате упорной борьбы филиппинский народ, хотя и не сумел отстоять в неравном бою свою независимость, но добился от США значительных уступок. Ликвидирована власть ненавистных монашеских орденов.

Уступки США способствовали окончательному предательству филиппинской буржуазией национально-освободительного движения. В то время как трудящиеся массы во многих районах продолжали партизанскую борьбу, буржуазия и помещики во главе с предателем Агинальдо уже сотрудничали с империалистами, стараясь полностью пожинать плоды уступок, завоеванных борьбой филиппинского народа.

Но отказавшись от революционной борьбы за независимость, буржуазия и помещики продолжают добиваться ее парламентски-легальными путями. В 1908 году собралась первая сессия Законодательного собрания — одна из основных уступок США.

Большинство голосов получила крупная буржуазно-помещичья партия, созданная перед выборами и выдвинувшая лозунг легальной борьбы за независимость.

Буржуазия и помещики стремятся удержать движение трудящихся в рамках реформизма, сгладить и притупить остроту классовой борьбы пролетариата и крестьянства.

История тридцатипятилетнего господства США над Филиппинами — это история превращения страны в колонию империализма, история растущей эксплуатации Филиппин усовершенствованными методами, свойственными финансовому капиталу: превращение колоний в источник сырья, рынок сбыта промышленных товаров, сферу приложения и вывоза капиталов, источник дешевой рабочей силы.

Когда Ленин говорил: «Капитал стал интернациональным и монополистским. Мир поделен между горсткой великих, т. е. преуспевающих в великом грабеже и угнетении наций держав. Так организовано в эпоху наивысшего развития капитализма ограбление горсткой великих держав около миллиарда населения земли»[2], то эти слова во всей их силе относятся и к

Филиппинам, как к нации, подвергающейся великому грабежу и угнетению.

Но вместе с тем это — история непрерывной национально-освободительной борьбы, подымающейся постепенно на новые, более высокие этапы и вырывающей у империалистов новые уступки.

Экономические изменения на Филиппинах отражаются на положении отдельных классов. Особенное значение приобретает возникший и крепнущий филиппинский пролетариат, который начинает оспаривать у буржуазии гегемонию в национально-освободительном движении.

Влияние мировой империалистической войны, влияние Великой социалистической пролетарской революции в России — сказались на Филиппинах ускорением всех процессов развития национально-освободительного движения.

***

…Сорок лет прошло со дня казни Хосе Ризаля. Палачи распорядились бросить его труп в безымянную могилу, стереть с лица земли всякий след мятежного патриота. Но среди исполнителей этого распоряжения нашлись люди, сохранившие для потомства могилу Ризаля. Вместе с его телом они положили в могилу, как примету, ряд мелких предметов, по которым впоследствии удалось распознать останки Ризаля.

Сейчас каменная плита отмечает место, где пролилась кровь Хосе Ризаля. А посреди площади высится памятник, воздвигнутый филиппинцами.

Ежегодно 30 декабря все Филиппины отмечают «День Ризаля». К подножию памятника стекаются тысячные толпы народа. Здесь можно встретить и официальных чиновников, и буржуазию, и рабочих, и крестьян, и учащихся.

До сих пор память о Ризале объединяет широкие слои филиппинского населения в общем чувстве любви и поклонения национальному герою.

Борьба филиппинского народа за свое национальное освобождение, за право независимого существования далеко еще не закончена: своей борьбой филиппинский народ сумел добиться многих уступок от империализма. Последней крупной уступкой по времени явилось предоставление Филиппинам автономии и фиксирование срока, когда им будет предоставлена независимость.

Празднование первого года автономии почти совпало с

сорокалетием со дня казни Ризаля.

Американский империализм вынужден был пойти на значительное расширение прав автономных Филиппин.

Но над островами еще сохраняется суверенитет США. По-прежнему президент США может отменить любой закон, введенный филиппинским правительством, по-прежнему Филиппины лишены права самостоятельных внешних отношений. Филиппины продолжают оставаться колонией США.

Вместе с тем Филиппины привлекают к себе хищное внимание и японских агрессоров. В планах японского наступления на южную часть Тихого океана Филиппины являются первым этапом.

Лишь объединением самых широких слоев филиппинского народа в мощный народный фронт можно противостоять новым захватническим попыткам империалистических хищников.

И здесь память о Ризале, борце за национальное единение Филиппин, за демократические права народа, за укрепление независимости своей родины вновь вдохновляет и объединяет филиппинцев.

Филиппинский народ своим героическим восстанием 1896 года перешагнул черту мирного реформизма, казавшегося пределом первому поколению борцов за национальное освобождение, реформизма, которым и Ризаль пытался ограничить пылкие стремления свои и своего народа к полному освобождению от иностранного ига. Но то лучшее и революционное, что было в Ризале, то, чем он близок и дорог каждому филиппинцу, филиппинский народ никому не отдаст.

Он освободит Ризаля от плена его собственных, исторически обусловленных реформистских представлений, и певец своей родины, отдавший за нее свою жизнь, сможет еще многому научить бойцов сегодняшнего и завтрашнего дня, бойцов за свободные и независимые Филиппины, — равноправного члена в будущей освобожденной от ига капитализма семье народов.

Примечания

Алькальде — губернатор провинции во время испанского господства, непременно испанец.

Альферес — младший офицер гражданской гвардии.

Аудиенсиа — совет при генерал-губернаторстве.

Барангай или баррио — низшая административная единица. Несколько баррио объединялись в муниципалитет; из муниципалитетов составлялась провинция.

Галлион — большое парусное судно. Начиная с XVII века, из Манилы разрешалось отправлять в мексиканский порт Акапулько лишь один галлион с товарами.

Гассиенда — крупное земельное владение, обрабатывающееся арендаторами или закабаленными рабочими.

Гобернадорсильо — глава муниципалитета, обычно метис или туземец.

Дато — родовые и племенные старейшины.

«El Filibysterismo» — «Крамоло» — второй роман Ризаля, продолжение «Noli me tangere».

Индио — презрительная кличка, которую давали испанцы жителям своих американских и азиатских владений, независимо от их национальностей.

Кабеса де барангай — туземец, стоящий во главе барангая и отвечающий за внесение налога.

«Noli me tangere» — «Не касайся меня», первый роман Ризаля.

Раха — раджа — туземный князь или племенной вождь.

Библиография

Barrows, D. F — History of the Philippines. New York, 1925.

Caballero Y. P. and Conception, M. de Gracio. — Quezon. The story of a Nation and its foremost statesman. Manila, 1935.

Craig, A. — Lineage, life and labors of Jose Rizal. Manila, 1913.

Elliot, Charles Burke. — The Philippines to the end of the military regime. Indianopolis, 1917.

Fernandez, L. H. — The Philippine republic. New York, 1926.

Forbes, Cameron, W. — The Philippine Islands. Vol. 1 and 2. Boston, 1928.

Hart, R. W. — The Philippines to-day. New York, 1929.

Jagor, A. F. Travels in the Philippines. London, 1875.

Kalaw, Teodoro M. — The Philippine revolution. Manila, 1925.

Lala, Ramon Reyes. — The Philippine Islands. New York, 1899.

Malcolm, George A. — The Commonwealth of the Philippines. London, 1936.

Mayo, Katherine. — The Isles of fear. The truth about the Philippines. New York, 1925.

Planchut, Y. — Les lies Philippines. Revue des Deux Mondes, 1877.

Rizal, Jose. — The reign of greed. Complete English version of «El Filibusterismo», from the spanish by Ch. Derbyrhire Manila, 1912.

Rizal, Jose. — The social cancer. Complete English version of «Noli me tangere» from the spanish by Ch. Derbyshire Manila, 1912.

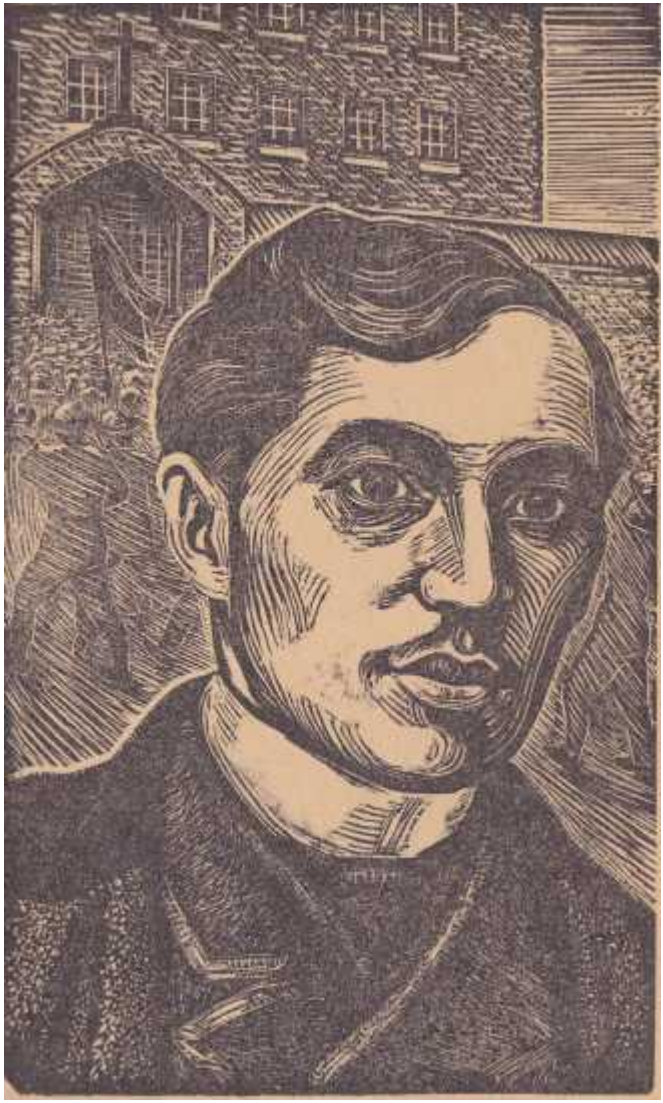
Robinson, A. G. — The Philippines, the war and the people. New York, 1901.

Russel, Ch. E. and Rodriguez, E. B. — The Hero of the Filipinos. The story of Jose Rizal, poet, patriot and martyr. New York, 1923.

Storey, Moorfield and Lichauco. - The Conquest of the Philippines by the Unites States. 1898–1925. New York 1926.

Worcester, Dean C. — The Philippines past and present. New York, 1930.

Иллюстрации



Хосе Рисаль

Подписание «кровного договора» между завоевателем Филиппин — Легаспи и одним из филиппинских вождей в 1565 г.

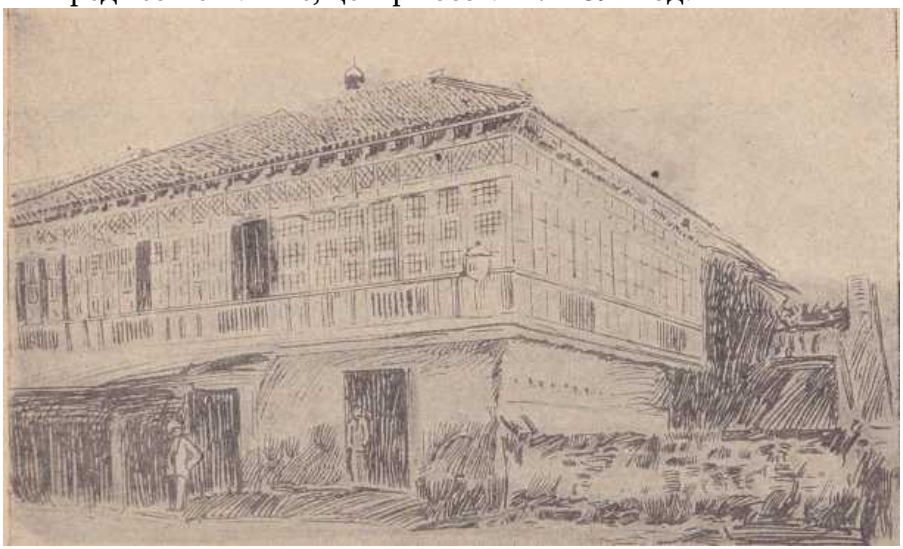
Картина филиппинского художника Хуана Луна

Филиппинская крестьянская семья у своей хижины

Обработка поля под сахарный тростник (Филиппины)

Посадка рисовой рассады на филиппинских полях

Предместье Кавите, центр восстания 1872 года



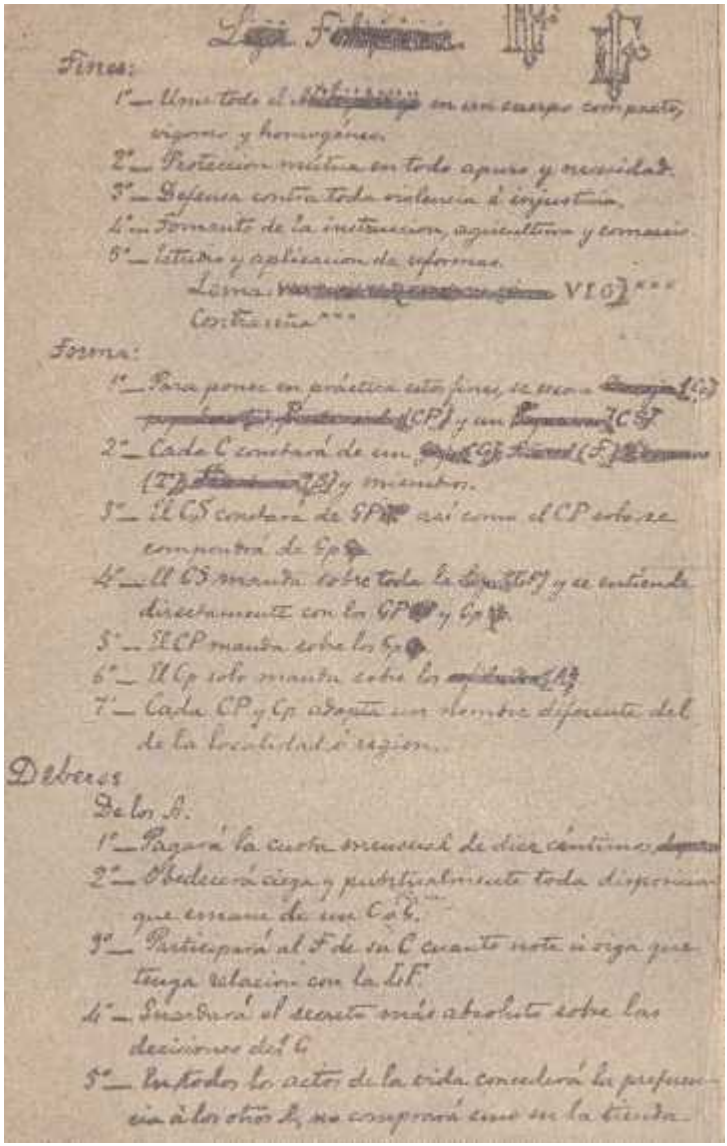
Дом отца Ризаля, Франсиско Меркадо в Каламбе

Хосе Ризаль

«Муниципальный Атенеум» (коллегия иезуитов) в Маниле

«Власть науки над смертью»
Одна из скульптур Хосе Ризаля

«Портрет сестры» (масло)
Работа Хосе Ризаля



Liga Filipina.

Fines:

1°— Unir todo el [redacted] en un cuerpo compacto, vigoroso y homogéneo.

2°— Protección mútua en toda apuro y necesidad.

3°— Defensa contra toda violencia é injusticia.

4°— Fomento de la instrucción, agricultura y comercio.

5°— Estudio y aplicación de reformas.

Lema: [redacted] VIO]***

Contraseña***

Forma:

1°— Para poner en práctica estos fines, se crea [redacted] (C) [redacted] Consejo (CP) y un [redacted] (C)

2°— Cada C constará de un [redacted] (C) Tesorero (T) [redacted] (S) y miembros.

3°— El CS constará de 5P[redacted] así como el CP solo se compondrá de 5p.

4°— El CS manda sobre toda la Liga [redacted] y se entiende directamente con los CP[redacted] y Cp.

5°— El CP manda sobre los Cp.

6°— El Cp solo manda sobre los [redacted]

7°— Cada CP y Cp adopta un nombre diferente del de la localidad ó región.

Deberes

De los S.

1°— Pagará la cuota mensual de diez céntimos [redacted]

2°— Obedecerá ciega y prontísimamente toda disposición que emane de su C ó C.

3°— Participará al F de su C cuanto note ú oiga que tenga relación con la Liga.

4°— Guardará el secreto más absoluto sobre las decisiones del C.

5°— En todos los actos de la vida concederá la preferencia á los otros S, no comprará sino en la tienda

Устав «Лига Филиппина»
Автограф Хосе Ризаля

Андрес Бонифацио, организатор и вождь восстания против испанского владычества над Филиппинами

notes

Примечания

1

Разновидность крокодила.

2

В. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, стр. 231.